
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание

Основано в 2009 г.

Том 11, № 5, 2019

Главный редактор – **Т.А. Магсумов**

Зам. главного редактора – **Н.П. Копцева, И.В. Корнилова, Ф.Х. Тарасова**

Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**

Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**

Корректор – **Зливко С.Д.**

Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**

Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Printed Scientific Periodical Edition

Founded in 2009

Volume 11, Number 5, 2019

Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**

Deputy Editors – **N.P. Koptseva, I.V. Kornilova, F.H. Tarasova**

Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**

Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**

Language Editor – **S.D. Zlivko**

Design and Layout – **R.V. Orlov**

Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Красноярск, 2019

Научно-Инновационный Центр

Красноярск, 2019

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 11, № 5, 2019, 364 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,601.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Modern Studies of Social Issues, Volume 11, Number 5, 2019, 364 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

The journal is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,601.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088,

«SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2019

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав. кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратов-

ский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института масс-медиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение

науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав.кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное

ное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская орден Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеелогии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavrisheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department

of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ**LANGUAGE STUDIES**

UDC 10.12731/2077-1770-2019-5-14-25

УДК 811.1

**RUSSIAN AND FRENCH PHRASEOLOGY:
AXIOLOGICAL ASPECT***Maximets S.V., Pudeyan L.A.*

Purpose. *The article is aimed to distinguish such close concepts as value and evaluation on the phraseological material of the two multi-structural languages, i.e. Russian and French. The emphasis is placed on the fact that most of the phraseological units are characterized by evaluative rather than value content. The article examines the way the national value paradigm is objectified in both languages by means of semantics, figurative component and component composition of phraseological units, as well as the way the evaluative properties of phraseological units are determined by their stylistic features.*

Methodology and research methods. *Phraseological material was collected by continuous sampling from phraseological dictionaries. The semantic and component analysis methods were also used to analyze the obtained material.*

The results of the study. *The concepts of value and evaluation on the basis of the phraseological material of the Russian and French languages were clearly distinguished. Cultural values were objectified, as well as it was identified that national cultural values are manifested by means of phraseological units that have unique semantics, image component, and component composition.*

Practical implications. *The results obtained can be used in teaching the basics of linguistics, as well as for preparing specialized academic courses on phraseology and axiology.*

Keywords: *axiology; phraseological unit; value; evaluation; expressiveness; general cultural values; national cultural values.*

РУССКАЯ И ФРАНЦУЗСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Макимец С.В., Пудеян Л.А.

Цель. В статье на фразеологическом материале двух разноструктурных языков – русского и французского – разграничиваются такие близкие понятия, как ценность и оценка. Делается акцент на том, что большая часть фразеологизмов характеризуется оценочным, а не ценностным содержанием. Исследуется, как национальная ценностная парадигма объективируется в обоих языках посредством семантики, образной составляющей и компонентного состава фразеологизмов, а также как оценочные свойства фразеологизмов обуславливаются их стилистическими особенностями.

Методология и методы исследования. Фразеологический материал был собран методом сплошной выборки из фразеологических словарей. Для анализа собранного материала применялись методы семантического и компонентного анализа.

Результаты исследования. В статье были подробно изучены и дифференцированы понятия ценности и оценки на основе фразеологического материала русского и французского языков. Были выделены культурные ценности, а также определено, что национально-культурные ценности могут быть репрезентированы через фразеологизмы, имеющие уникальную семантику, образную составляющую и компонентный состав.

Практическое применение. Результаты исследования могут быть использованы в базовом курсе лингвистики, а также при преподавании фразеологии и аксиологии.

Ключевые слова: аксиология; фразеологизм; ценность; оценка; экспрессивность; общекультурные ценности; национально-культурные ценности.

The semantic structure of most phraseological units (PU) is the unity of logical (significant and denotative) and emotional and expres-

sive aspects of the content. The second component of the meaning of PU assumes the presence of evaluation semes in it. Thus, the object of this study is actualized in the appropriateness of the axiological aspect of phraseology examination. The subject of our research is the ability of phraseological units to express evaluation and mark general cultural and national cultural values.

Axiology (from Greek “axia” – value and “logos” – science, teaching) is a philosophical concept that has a fairly wide range of different definitions depending on the source used. The shortest and laconic definition is presented, for example, in the philosophical encyclopedic dictionary: “Axiology – the science of values” [3, p. 14]. In our opinion, the most capacious definition of this concept is given in the four-volume New philosophical encyclopedia: “... philosophical discipline, exploring the category of “value”, characteristics, structures and hierarchies of the value world, the ways of its knowledge and its ontological status as well as the nature and specificity of value judgments” [9, p. 62].

However, there is an expansion of this concept beyond philosophical research at the present stage of science development, in linguistics, in particular, an example being the definition from the dictionary of new foreign words, where the philosophical interpretation is followed by linguistic, “Axiology – section of the sociology of language, studying the system of evaluations of natural languages and their elements” [5, p. 4]. More recently, the new direction in the field of linguistics such as axiological linguistics has been formed, which aims to study the concept of values in terms of of language. The most important research task of axiologically oriented linguistics is to determine the methodology and technology in the study of the content of the inner world of linguistic (discursive) personality, value orientations of the individuals and the whole society according to the language, which is possible within the framework of the Human–Language–World paradigm [7, p. 19].

Taking into account the above definitions, it is necessary to identify the understanding of axiology within the framework of linguistics, which we will adhere to in this study: axiological linguistics is a branch of linguistics that studies the ways of expressing the evaluation of the

speaker in relation to the object of expression, variants of classification of evaluations, and also determines the general cultural values and the national cultural values through language analysis.

It is necessary to differ the concepts of “evaluation” and “value”. The Explanatory dictionary of the Russian language by S.I. Ozhegov and N.Yu. Shvedova provides the following definitions respectively: “opinion about the value, level or value of someone or something” [11, p. 486] and “importance, significance” [11, p. 876]. As can be seen, these concepts, while they differ, are close, because the evaluation, first of all, involves the opinion of value, and secondly, it is directly related to what matters to someone. Since most PUs from the point of view of their semantics are characterized by evaluation, we can say that the analysis of language material, in particular phraseological, involves the allocation of elements with axiological properties that 1) either implicate the evaluative characteristics of the statement, 2) or indicate national cultural values. Within the first facet of the axiological aspect, with the help of language and some specific language elements, the speaker can convey, in addition to the information message itself, his own evaluative connotation in relation to the object of the statement.

Any PU represents the versatility of its categorical properties, but it is the evaluation that is one of the most important characteristics that fills the PU with expressiveness and emotions. This characterizing function is inseparable from the semantics of most PUs. The axiological aspect adds to the meaning of PU the relation of the subject of speech to the object. In the generalization of the PU’s category of evaluation there can be two types of evaluation: positive [“*ангельское терпение*” and “*patience d’ange*” in the meaning of “*angelic patience*” [6, p. 58] and negative [“*retourner qqn comme une crêpe*” (literally (lit.) “to turn someone over like a pancake”) in the sense of “to influence someone and make him change his opinion” [6, p. 193]; “*в чужом пиру похмелье*” in the sense of “trouble because of others, because of someone else’s guilt” [2, p. 535]. It should be emphasized that any PU in its semantics has one or another evaluative (axiological) connotation, but most of them convey a negative assessment.

The semantic structure of PU, which has a complex organization, includes an axiological component, representing the so-called private evaluative meanings. E.I. Dibrova offers the following classification of private evaluative meanings:

1. Emotional evaluation: “*умирать со смеху*” – to laugh so hard, to have fun, to have fun intensively (positive), “*постная физиономия*” – sad, pale and gloomy person (negative); “*voir tout en bleu*” (lit. “see everything in blue” – be optimistic) (positive), “*avoir la berlue*” (lit. “to have eclipse” – to be stunned, to be crazy) (negative).

2. Ethical evaluation: “*человек слова*” – a reliable person who always keeps the promise (positive), “*шагать по трупам*” – to be cruel, able to eliminate competitors to achieve the goal (negative); “*avoir de l’atout*” (lit. “to have trump card” – He’s very much on the ball) (positive), “*un homme sans aveu*” (lit. “the man without a confession” – a dark person; an adventurer; rogue) (negative).

3. Intellectual (epistemic) evaluation: “*браться за ум*” – to become more reasonable (positive), “*пустая голова*” – a stupid person (negative); “*avoir oublié d’être bête*” (lit. “to forget how to be stupid” – to be very sharp) (positive), “*bouché à l’émeri*” (lit. “plugged with a sandpaper” – stupid, thick-headed) (negative).

4. Normative (deontic) evaluation: “*вырастать в глазах*” – to change in a positive sense according to somebody’s evaluation (positive), “*валять дурака*” – to speak or to do stupidity (negative); “*remplir l’attente*” (lit. “to fill waiting” – to justify hopes) (positive), “*donner une aubade*” (lit. “give the morning serenade” – play a cruel joke with somebody) (negative).

5. Qualificative (qualitative/quantitative) evaluation: “*в два счета*” – very quickly (positive qualitative), “*толстый как боров*” – speaks of an obese man (a negative qualitative); “*faire un bail avec la vie*” (lit. “to sign a lease with life” – to be cheerful, strong in old age) (positive qualitative), “*barre à mine*” (lit. “bar look” – unreliable, unlucky person) (negative qualitative); “*сколько душе угодно*” (very much) (positive quantitative); “*кот наплакал*” – very little (negative quantitative); “*corbeille à pleine*” (lit. “with a full basket” – in abundance, generously)

(positive quantitative); “*être de petite vie*” (lit. “to be from a small life” – to eat not much) (negative quantitative) [12, p. 328].

The feelings of the speaker, their emotions, spiritual experiences are necessarily generated by a private, personal attitude to the object of speech, designated by the PU, which gives us the right to say that the emotional world of the speaker is firmly, indivisibly connected with such a characteristic of PU as evaluativity. Emotional evaluation of something, the attitude to something can be demonstrated by transmitting by the speaker’s various feelings reflected in the semantic structure of the PU. In phraseological dictionaries there are special marks indicating the emotional connotation of the PU: “ironic”, “disapproving”, “contemptuous”, “dismissive”, “humorous” and others. Here are some examples of such Russian PUs: “*как баран на новые ворота*” – to come into a dead end, to face something new, unexpected (dism.) [4, p. 15]; “*бары растабаривать*” – to talk meaninglessly (disapp.) [4, p. 16]; “*черная душа*” – a person capable of low, reprehensible acts (cont.) [2, p. 210]; “*разбираться как свинья в апельсинах*” – not to understand completely smth. (iron.) [2, p. 629]; “*как в аптеке*” – absolutely precisely (hum.) [4, p. 10].

In French it is also possible to distinguish PUs expressing emotional attitude to the designated object of speech. For example, such PUs as “*un bouillon d’onze heures*” (lit. “broth, drunk at eleven o’clock”) – a poisonous potion, poison (colloq.) [8, p. 52]; “*faire les ablutions*” (lit. “to bathe”) to wash (hum.) [10, p. 5]; “*courier l’aiguillette*” (lit. “run with a lace”) to have love affairs (vulg.) [3, p. 29], “*ami de tout le monde*” (lit. “friend of the world”) universal friend (iron.) [10, p. 52], “*bander mou*” (lit. “bandage gently”) to be afraid, be a coward (rude) [10, p. 119].

Based on the above examples, it can be concluded that such categorical properties of PU as evaluativity, expressiveness and emotional evaluation are a correlating, interrelated aspect of the PU’s semantics, which gives the right to associate this commonality of properties with the stylistic characteristics of PU in general [12, p. 331].

Despite the fact that most PUs are evaluative, not every one of them can convey valuable information. The second facet of the axiological aspect of phraseology is actualized by the explication of general cultural (universal) and national cultural (unique) values of Russian and French ethnic groups.

By general cultural values we mean those that exist in the material and spiritual life of the predominant number of linguistic and cultural communities or any specific (in our case, Russian and French) ethnic groups. At the same time, it seems appropriate to introduce the concept of axiological phraseological dyad, actualizing the set of two opposed groups: PU with the meaning associated with conventional values, and PU whose content plan marks the conventional anti-values [1, p. 82]. The examples of such dyads are: life – death [“*вдохнуть жизнь*”] [2, p. 223] and “*redonner la vie à qqn*” (lit. “to give life to someone again”) [10, p. 1594] in the sense of “to revive, to return to life, to make viable” – “*накладывать на себя руки*” and “*mettre fin à ses jours*” (lit. “to put an end to your days”) meaning “to commit suicide” [6, p. 138], courage – cowardice [“*смотреть в лицо (опасности)*” meaning “not to be afraid of something, to be courageous” [4, p. 264] and “*aller au combat comme à la noce*” (lit. “to go into battle as a wedding”) meaning “to go with a smile into danger” [10, p. 343] – “*бояться собственной тени*” and “*avoir peur de son ombre*” in the sense of “to be very fearful, timid, scared” [6, p. 19], wealth – poverty [“*бешеные деньги*” and “*un argent fou*” in the sense of “a huge sum of money” [6, p. 16] – “*зол как сокол*” and “*pauvre comme Job*” (lit. “poor as Job”) meaning “a person who is absolutely deprived of means to exist” [6, p. 142], etc.

National cultural values in this study are understood as important, significant realities of the objective world, either existing within one nation and absent within others, or prevailing in one nation relatively to others. The analysis of a phraseological fund of two languages showed that national cultural values can be actualized by means of PUs, having unique semantics, internal form or lexical-component structure, which are lacunary in phraseology of another language. For example, the unique plan of the content of PU speaks about the national cultural value or anti-value of the described reality: “*Северная Пальмира*” (lit. “Northern Palmyra”) in the meaning of “St. Petersburg” [2, p. 514], “*пошел березки считать*” (lit. “went to count birches”) (about the transportation to Siberia) [2, p. 49], “*l’abbaye de monte-à-regret*” (lit. “Abbey of a sorrow mountain”) in the meaning of “guillotine” [10,

p. 3], “*la bergère de Domrémy*” (lit. “cowgirl from Domrémy”) in the meaning of “Joan of Arc” [10, p. 144].

PU with a unique internal form also mark national cultural values or anti-values: “*как Мамай прошел*” [2, p. 415] and “*C’est la Bérézina*” [6, p. 169] (lit. “this is Berezina” – a complete defeat, disaster, defeat, ruin), “*дым столбом (коромыслом)*” [2, p. 213] and “*la cour du roi Pétoud*” [10, p. 411] (lit. “the court of king Peto” – a place of disorder, turmoil, madhouse).

In accordance with the quantitative approach to the composition of the phraseological fund the ideographic areas are allocated, indicating the accentuation of the nation in a certain sphere of the universe, which implicates the value of a particular reality for a certain linguistic and cultural community. For example, the analysis of the PU meaning reveals that in Russian phraseology more relevant are such moral values as the preservation of family traditions, loyalty, chastity, hospitality, generosity, cordiality [“*Филемон и Бавкида*” in the meaning of “the inseparable couple of old spouses” [2, p. 722], “*зайти на огонек*” in the meaning of “go to visit friends without warning, easily” [2, p. 489], “*пир на весь мир*” in the meaning of “a crowded, rich feast” [2, p. 535], etc.]. French phraseology is dominated by such national and cultural values as freedom of sexual relations, the ease of betrayal of one’s partner, as well as the finance, the politics, the gastronomy, and the various types of entertainment which have the importance for Frenchmen: [“*aller à la cour des aides*” (lit. “to go to the court of assistants”) in the meaning of “to change her husband” [10, p. 411], “*faire suer son argent*” (lit. “to make your money sweat”) in the meaning of “to take large interest on a loan” [10, p. 72], “*des discussions de Café du Commerce*” (lit. “discussions of a commercial café”) in the meaning of “empty political discussions” [10, p. 239], “*donner de l’air à une bouteille*” (lit. “give the air to the bottle”) in the meaning of “uncork the bottle” [10, p. 33], etc.].

Finding unique components in the composition of PU and their distribution by ideographic areas also makes it possible to distinguish national and cultural values on the basis of the analysis. For example, in Russian phraseology the components of units represent such conceptual spheres

as rural life and crafts, cultural and ritual sphere, folklore and mythology, etc. [*“перековать лемех на свайку”* in the meaning of “about people changing their working life for idleness” [2, p. 380], *“как бабушка отшентала”* in the meaning of “everything passed, disappeared without a trace (about illness, troubles)” [2, p. 39], *“богатырь на распутье”* in the meaning of “the choice of the direction of movement; the choice of the solution” [2, p. 59], etc.].

In French phraseology lexical components determine the following value-based ideographic areas: economics, finance, gastronomy, entertainment, etc. [*“marquer à l’actif”* (lit. “mark as an asset”) in the meaning of “to consider as an advantage, to recognize as dignity, merit” [10, p. 14], *“passer bail avec qn”* (lit. “pass the rent with someone”) in the meaning of “to make friends, to engage in an affair with anyone” [10, p. 110], *“donner à qn son biscuit”* (lit. “give your cake to someone”) in the meaning of “send someone away” [10, p. 160], *“comme l’as de pique”* (lit. “as an ace of spades”) in the meaning of “bad, awkward; an utter fool” [10, p. 80], etc.].

Thus, axiology is the science of values, while axiological linguistics studies representations of values through the prism of language. The concepts of evaluation and value are not identical. The most part of PU is characterized by an evaluative rather than a value aspect. The axiological aspect of phraseology can be transmitted through its semantics due to a set of particular values. Evaluativity is inseparable from expressive and emotional evaluation, and in general they correlate with the stylistic characteristics of the PU. The axiological aspect of phraseology is actualized due to the representation of general cultural and national cultural values in it. Cultural values are objectified by axiological phraseological dyads. National cultural values are manifested by means of PUs having unique semantics, image component, and component composition.

References

1. Bajramova L.K., Bagautdinova G.A. Aksiologizm chelovecheskih emocij (smekh – plach) i ego otrazhenie v yazyke [Axiologism of Human Emotions (Laughter – Crying) and its Reflection in the Language]. *Filologicheskie nauki*. 2006. № 1, pp. 81–89.

2. Birikh A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. *Russkaya frazeologiya: istoriko-etimologicheskij slovar'* [Russian Phraseology: Historical and Etymological Dictionary]. M.: Astrel'; AST: Lyuks, 2005. 926 p.
3. *Filosofskij enciklopedicheskij slovar'* [The Encyclopedic Dictionary on Philosophy]. M.: INFRA-M. 2009. 570 p.
4. *Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* [The Phraseological Dictionary of the Russian Language]. M.: YUNVES, 2003. 608 p.
5. Komlev N.G. *Slovar' novyh inostrannyh slov* [The Dictionary of New Borrowed Words]. M.: MGU, 1995. 144 p.
6. Kravtsov S.M. *Francuzsko-russkij slovar' frazeologicheskikh sootvetstvij*, [The French-Russian Dictionary of Phraseological Correspondences]. Rostov-n/D: Rostizdat, 2009. 250 p.
7. *Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya cennostnyh smyslov: kolektivnaya monografiya* [Linguistics and Axiology: Ethnosemiometry of Value Meanings: Collective Monograph]. M.: TEZAURUS, 2011. 352 p.
8. Nazaryan A.G. Semanticheskaya modeliruemost' frazeologizmov: real'nost' ili fikciya [Semantic Modelability of Phraseologisms: Reality or Fiction]. *Filologicheskie nauki*. 1983. № 6. P. 34-40.
9. *Novaya filosofskaya enciklopediya* [The New Philosophical Encyclopedia]: V 4 t. M.: Mysl', 2010. T. 1. 744 p.
10. *Novyj bol'shoj francuzsko-russkij frazeologicheskij slovar'* [The New Unabridged French-Russian Phraseological Dictionary]. M.: Russkij yazyk – Media, 2005. 1624 p.
11. Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. M.: OOO «INFOTEKH», 2009. 944 p.
12. *Sovremennyy russkij yazyk. Teoriya. Analiz yazykovykh edinic* [The Modern Russian language. Theory. Analysis of language units]. Part 1. *Fonetika i orfoepiya. Grafika i orfografiya. Leksikologiya. Frazeologiya. Leksikografiya. Morfemika. Slovoobrazovanie* [Phonetics and orthoepy. Graphics and spelling. Lexicology. Phraseology. Lexicography]. M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2006. 480 p.

Список литературы

1. Байрамова Л.К., Багаутдинова Г.А. Аксиологизм человеческих эмоций (смех – плач) и его отражение в языке // Филологические науки. 2006. № 1. С. 81–89.
2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология: историко-этимологический словарь. М.: Астрель; АСТ: Льюкс, 2005. 926 с.
3. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М. 2009. 570 с.
4. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. И. В. Федосова, А.Н. Лапицкого. М.: ЮНВЕС, 2003. 608 с.
5. Комлев Н.Г. Словарь новых иностранных слов. М.: МГУ, 1995. 144 с.
6. Кравцов С.М. Французско-русский словарь фразеологических соответствий / Под ред. П. Кабаньольса. Ростов-н/Д: Ростиздат, 2009. 250 с.
7. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. 352 с.
8. Назарян А.Г. Семантическая моделируемость фразеологизмов: реальность или фикция. // Филологические науки. 1983. № 6. С. 34–40.
9. Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 1. 744 с.
10. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / Под ред. В.Г. Гака. М.: Русский язык – Медиа, 2005. 1624 с.
11. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «ИНФОРТЕХ», 2009. 944 с.
12. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студ. высш. учеб. заведений. В 2 ч. Ч. 1. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 480 с.

DATA ABOUT THE AUTHORS

Maximets Sergej Viktorovitch, Ph.D. in Philology, Associate Professor
Don State Technical University
1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, Rostov region, 344000, Russian Federation

smaksimets@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7838-7618

Pudeyan Lyudmila Arcvikovna, senior lecturer
Don State Technical University
1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, Rostov region, 344000, Russian Federation
l.pudeyan@mail.ru

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Максимец Сергей Викторович, кандидат филологических наук,
доцент кафедры «НТПиПК» ДГТУ
Донской государственный технический университет
пл. Гагарина 1, г. Ростов-на-Дону, Ростовская обл., 344000,
Российская Федерация
smaksimets@gmail.com

Пудеян Людмила Арцвиковна, старший преподаватель кафедры
«НТПиПК» ДГТУ
Донской государственный технический университет
пл. Гагарина 1, г. Ростов-на-Дону, Ростовская обл., 344000,
Российская Федерация
l.pudeyan@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-5-26-39

УДК 81.42

**СВОЕОБРАЗИЕ ОТКРЫТОЙ ЛЕКЦИИ
ПИСАТЕЛЯ КАК РАЗНОВИДНОСТИ ПУБЛИЧНОГО
ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ РИТОВСКИХ
ЛЕКЦИЙ Х. МАНТЕЛ)**

Бондаренко Л.В., Полховская Е.В.

Цель данной работы – выявить особенности коммуникативной структуры публичного дискурса на материале открытых лекций Хилари Мэнтел, прочитанных в 2017 г. для BBC RADIO 4.

Методы или методология исследования. Исследование публичного дискурса проводилось на основе метода структурного анализа с использованием интертекстуального метода, методов семантического и стилистического анализа, а также элементов дискурсивного анализа.

По форме и содержанию ритовские лекции можно отнести к жанровой разновидности публичного дискурса, предполагающего речевое взаимодействие выступающего и аудитории с целью сообщения слушателям какой-либо информации и представления научных, гуманитарных и социально-политических проблем в определенном аспекте. В работе опираемся на структурную модель публичного дискурса, предложенную О.Ф. Русаковой, и содержащую следующие взаимосвязанные элементы: интенцию, актуальный план, виртуальный план и контекстуальный план. В публичных лекциях Х. Мэнтел интенция реализуется в виде устного дискурса – «перформанса» посредством использования необычного начала, образно-игровой манеры повествования, интерактивной формы для поддержания контакта с аудиторией, употребления формальной и сниженной лексики, лингвостилистических приемов – аллюзий, метафор, сравнений, эпитетов, повторов. Важное значение приобретает контекстуальный план, определяющий место и порядок проведения лекций, присутствие ведущего, вопросы слушателей по окончании и заключительное слово лектора.

Результаты исследования. Исследование показало, что структура открытой лекции писателя представляет собой взаимодействие интенционального, виртуального, контекстуального и психологического планов, определяющих выбор нарративных стратегий выступающего. В зависимости от интенции и индивидуального стиля лектора актуализируются определенные элементы публичного дискурса.

Область применения результатов. Результаты данной работы могут быть полезны при выборе коммуникативных стратегий при подготовке публичного выступления, а также для знакомства с творчеством Хилари Мэнтел – одного из наиболее значимых писателей современности и прекрасного лектора.

Ключевые слова: публичный дискурс; публичная лекция; Хилари Мэнтел; ритовские лекции; исторический роман.

SPECIFICS OF THE WRITER'S OPEN LECTURE AS AN EXAMPLE OF PUBLIC DISCOURSE (BASED ON THE MATERIAL OF REITH LECTURES BY H. MANTEL)

Bondarenko L.V., Polhovskaja E.V.

Purpose. The article focuses on the communicative strategies and structure of the public discourse with the reference to the Reith Lectures presented by Hilary Mantel on BBC RADIO 4 in 2017.

Method or methodology of the work. The public discourse research has been conducted by means of the structural analysis in combination with the intertextual analysis, semantic and stylistic analysis as well as some elements of the discourse analysis.

According to the form and the content, Reith lectures are to be considered a genre variety of public discourse, presupposing audio interaction of the speaker and the audience in order to convey certain information from the stance of the speaker or somebody else's, whom the speaker respects. Considering the public discourse structural model suggested by

O.F. Rusakova, it should be pointed out that the author distinguishes the following interconnected elements, such as 'intention', 'performance', 'virtual plan', and 'contextual plan'. In H. Mantel's lectures the intention is manifested in the form of the audio discourse, i.e. performance by means of a unique beginning, figurative and ludic narration, question-answer strategy for maintaining contact with the audience, utilizing formal and colloquial lexis, lingua-stylistic devices – allusions, metaphors, similes, epithets, repetitions. The contextual plan also comes to the fore, as all the five lectures are traditionally performed at certain locations either connected with the theme of the lecture or the lecturer herself, which is announced by the presenter.

Results. *It is concluded that the structure of the writer's open lecture is based on the interaction of the intentional, virtual, contextual and psychological plans, setting the selection of the narrative strategies of the speaker. Depending on the speaker's intention and individual style, certain elements of the public discourse structure come to the fore.*

Practical implications. *The results of this analysis should be useful for preparing a public performance and getting acquainted with the works of H. Mantel, one of the renowned contemporary English authors.*

Keywords: *public discourse; public lecture; Hilary Mantel; Reith lectures; historical fiction.*

Введение

Термин «дискурс» широко применяется во многих областях знаний – лингвистике, литературоведении, психологии, философии, социологии, антропологии и других, как в теоретических, так и в практических исследованиях. Понятие дискурса впервые появилось в лингвистике, где употреблялось в качестве самостоятельной категории. Принято считать, что предложил данный термин бельгийский ученый Э. Бюиссанс в своей работе «Язык и дискурс» (1943), добавив к оппозиции язык/речь третий элемент – дискурс, обозначающий механизм перевода языка в речь [6]. Самая известная и обоснованная концепция в этой области была сформулирована М. Фуко, французским философом и филологом, который опреде-

лил «дискурс» как «контактирующую поверхность, сближающую язык и реальность, смешивающую лексику и опыт» [6]. Таким образом, по Фуко, дискурс представляет собой реализацию языка в речи с учетом прагматического контекста, то есть ситуации или опыта. Именно такое определение принимается нами как основное для достижения **цели** исследования, которая заключается в том, чтобы определить особенности публичного дискурса на материале пяти риторических лекций Хилари Мэнтел.

Методологическую основу работы составили труды отечественных специалистов в области дискурсологии – О.Ф. Русаковой [7], Е.В. Белоглазовой [1], Е.А. Кожемякина [3], Г.В. Лебедевой, К.Н. Любутина [6], [7], в которых определены основные аспекты изучения публичного дискурса, принципы построения структуры выступления и особенности ее функционирования; а также в тематике историко-литературного дискурса помогли разобраться статьи Б.М. Проскурнина [14] и лекции профессора Оксфордского университета К. Хюит.

Рассматривая лекцию как вид публичного дискурса, следует выделить *академические лекции*, которые читают преимущественно преподаватели высшей школы для студентов по определенной теме, необходимой для получения той или иной специальной информации, и *лекции публичные*, рассчитанные на широкий круг слушателей самого разнообразного возраста, образования, социального статуса и интересов. В то же время публичная лекция имеет ряд отличий от политических речей, выступлений в рекламных целях, от религиозных проповедей и других видов публичного дискурса. Публичная лекция является мощным суггестивным инструментом общения с достаточно обширной аудиторией, распространения информации и убеждения, что определяет *актуальность* данного исследования. С другой стороны, публичная лекция рассчитана на подготовленную аудиторию, обладающую определенными фоновыми знаниями и, возможно, некоторыми специальными.

В статье используется *структурный* подход к анализу публичной лекции как формы публичного дискурса, *когнитивный* метод

при исследовании процессов передачи и восприятия информации и элементы *дискурсивного и лингвостилистического анализа*, позволяющие рассмотреть публичные лекции Мэнтел как в лингвостилистическом, так и в прагматическом аспекте.

Результаты исследования

Ритовские лекции – серия ежегодных радио лекций, которые транслируются для широкой публики с 1948 г. Инициатором лекций стал лорд Рит (Lord Reith), первый генеральный директор корпорации, считавший, что компания должна способствовать интеллектуальному и культурному развитию нации. Для выступлений приглашаются писатели, ученые, общественные деятели, художники, психологи и другие известные личности, чтобы поговорить об актуальных вопросах науки, искусства, социальных и политических проблемах современности. В 2017 г. на BBC пригласили автора трилогии исторических романов о Томасе Кромвелле (последний еще находится в работе), дважды лауреата Букеровской премии – Хилари Мэнтел. Темой ее выступлений стало осмысление исторического прошлого средневековой Англии и его художественное отображение в современной литературе. Было прочитано пять лекций: «The Day is For The Living»; «The Iron Maiden»; «I Met The Man Who Wasn't There»; «Can These Bones Live?»; «Adaptation», объединенных общим названием «Resurrection: The Art and Craft» – «Возрождение: искусство и ремесло» [здесь и далее перевод наш – Л.Б., Е.П.] [11].

В своих лекциях Мэнтел поднимает проблему взаимоотношений истории и исторической художественной литературы, интерпретирующей факты прошлого и образы исторических личностей в зависимости от видения автора. Писательница говорит о своих исторических романах – *A Place of Greater Safety*, *Wolf Hall*, *Bring up the Bodies*, основанных на реальных событиях времен французской революции и тюдоровской Англии. В этих произведениях читателю предлагается заглянуть в прошлое и познакомиться не только с социально-политическими проблемами того времени, но и с внутрен-

ним миром людей, творивших историю. Мэнтел подчеркивает, что задача писателя-историка – не исказить факты, добытые в архивных документах, но додумать то, о чем в них не сказано, дать им новую жизнь в современном контексте. Важно рассказать об истории так, чтобы заинтересовать современного читателя, сохранив при этом историческую правду.

Для определения особенностей структурной парадигмы публичной лекции как жанровой разновидности дискурса мы воспользовались моделью, предложенной О.Ф. Русаковой, которая включает в себя несколько общих компонентов или «планов»: *интенция* или коммуникативная стратегия дискурса; *актуальный план (перформанс)* – практическая реализация интенции; *виртуальный план* – процесс восприятия информации; *контекстуальный план* – изменение смыслового поля под влиянием социокультурных, исторических и других контекстов и *психологический* компонент – эмоциональная атмосфера дискурса [7].

Интенция представляет собой стратегическое планирование выступления и реализуется в виде нарративных стратегий, в свою очередь определяющих стили повествования. В современном филологическом домене повествовательные стратегии входят в сферу интересов нарратологии, преимущественно сосредоточенной на историческом дискурсе, поскольку историки, как и писатели, прибегают к нарративной стилистике при реконструкции событий прошлого и создании текстов, повествующих о прошлом. В этом ключе творчество историка сравнивают с творчеством писателя-драматурга – оба пытаются продемонстрировать публике некий «перформанс» с определенной сюжетной линией. Именно об этом и говорит в своих лекциях Х. Мэнтел – историк по образованию.

В зависимости от цели и задач публичного дискурса актуализируются определенные компоненты модели реализации интенции, то есть «перформанса», такие как: *необычный зачин, образная речь, риторические вопросы, порционная подача информации, дружесленно-доверительная манера речи и поведения, использование разговорной лексики и шуток* для привлечения внимания, оживления

мыслительного процесса и снятия напряжения. Ритовские лекции Мэнтел, как и других лекторов на BBC, не представлены в письменном варианте – состоялась только аудио презентация проекта, поэтому перформативная функция дискурса приобретает особое значение.

Интрига создается с момента объявления названия лекции: *The Day is For The Living* – “День для живущих”, аллюзия на фильм ужасов *Day of the Dead* – «День мертвецов» в жанре научной фантастики; *The Iron Maiden* – «Железная дева», орудие пыток в средневековье; *I Met The Man Who Wasn't There* – «Я встретила человека, которого там не было», строчка из детской песенки; *Can These Bones Live?* – “... оживут ли кости сии?”, фраза из Ветхого Завета, произнесенная пророком Иезекиля; *Adaptation* – «Адаптация», тексты романов «Волчий зал» и «Выносите тела» были переработаны П. Строганом (Peter Straughan) для телесериала, поставленного П. Косминским (Peter Kosminsky).

Для выступлений Х. Мэнтел характерна образная манера рассказа, вовлекающая слушателей в литературную метафору «прошлого в настоящем», в которой новую интерпретацию получают образы реальных исторических личностей и события с ними связанные. Эффект «погружения» достигается посредством необычного вступления: в первой лекции – это четверостишие из баллады У. Хью Одена *As I Walked Out One Evening*, после цитирования строк: «And the crack in the teacup opens, A lane to the land of the dead», Мэнтел формулирует интенцию: «The purpose of my first lecture is to ask if *this lane* [выделено нами – Л.Б., Е.П.] is two-way street». И далее лектор использует форму личного местоимения «мы», подчеркивая эффект причастности аудитории к творческому процессу «воскрешения» прошлого: «In imagination, we chase the dead, shouting, “Come back!» [11].

Первые две лекции Мэнтел начинает с рассказа о своей прабабке Кэтрин, которая в молодости работала на мельнице, потом вышла замуж, родила детей, оставила прежнюю работу и стала омыывать покойников. На фоне этой истории лектор рассуждает об отношении

к предкам и к прошлому. Затем, вспоминая историю о затонувшей деревне, Мэнтел поясняет суть правды, мифа и метафоры. В начале четвертой лекции писательница делится впечатлением о том, как однажды они с другом решили снять дом, и владельцы, желая сделать им приятное, расписали фасад в «стиле Тюдоров». Получилось ужасно – для Мэнтел это было «искажением прошлого», но они жили «в этой метафоре»: «It was like living inside a giant metaphor about the faking of the past» [11] и чувствовали себя «*Tudorized*». Окказионализмы часто встречаются как в художественных текстах Мэнтел, так и в ее лекциях: «*unbiographable*» (о человеке, биографию которого написать невозможно или затруднительно), «*young and strong and raring to go*» (редко посещающий), «*it keys you in to the controversies*» (дает ключ к сути всех противоречий), «*nobodies can do this*» (безродные могут это сделать) [11], [13].

В своих лекциях Мэнтел часто ставит вопросы перед аудиторией, не ожидая ответа на них: «What was going on here?», «How did he become the second most powerful person in English?», «Is it sound? Is it necessary?», «Are you using real characters and events? Or are you using the past as a backdrop?», и мы понимаем, что именно эти вопросы задавала себе Мэнтел, когда писала свои романы о Томасе Кромвеле.

Жизненными и живыми презентации Мэнтел делает сочетание официальной сложной и местами специальной лексики с простыми, резкими и, порой, грубоватыми словами: «*taint with a genre label*» (запятнан клеймом жанра); «*one snide critic who was putting me in my place*» (какой-то жуликоватый критик, который хотел поставить меня на место), «*with our grubby compromised selves*» («с нашей порочной / грязной сущностью»). Речь лектора полна метафор и юмора: «*the writers have eaten the future. I'd prefer to leave the reader hungry*»; «*historical truth is a rough beast – shapeless, blundering, hard to tame*»; «*posterity gives out the prizes – sees who won the battle and who won the war*» [11].

С истинно английским юмором Мэнтел выражает свое отношение к «конкурентам», снявшим исторический телесериал о Тюдорах за несколько лет до публикации ее первого романа – авторы

исказили исторические факты в угоду замыслу. Лектор комментирует: «In real life Henry had two sisters; Margaret married the king of Scotland. Marry married the king of France. The writers *rolled the two sisters into one*, and called her Margaret. *This composite* – who will she marry?» [11]. И далее: «They *may have thought better* of it, because very soon the bride *murdered this fictional king*, Margaret was free to marry again – *a real person this time* – with whom *she had the wrong number of children*» [11].

В юмористической форме выражается авторская интенция написания романов о малоизвестном историческом деятеле эпохи Тюдоров – Томасе Кромвеле: «When the *Revolution is over*, *Thomas Cromwell is next up*». После завершения романа о Французской революции Х. Мэнтел заинтересовалась противоречивой биографией Томаса Кромвеля, сыгравшего, как оказалось, не последнюю роль в истории Англии. Этот образ не складывался в воображении писательницы, но и не отпускал ее, как в английской детской песенке: «As I was going up the stair, I met a man who wasn't there. He wasn't there; he wasn't there again today. I wish, I wish, he'd go away but he didn't» [11]. Двойкий смысл этих стихов раскрывается слушателю после комментариев лектора. Писательница поясняет, что после внимательно-го изучения архивных материалов в ее воображении сложился образ Кромвеля – человека, а не только политического деятеля. Так актуализируется *виртуальный* план дискурса – комплексный ментальный механизм восприятия и интерпретации информации.

Идея не формулируется прямо, но доносится до слушателей опосредованно – через аллгорию. Лектор представляет Генриха VIII в образе Великана, хорошо известного английским слушателям по детским сказкам и мифам: «by *cunning makes himself necessary to a giant*. I have the *giant* in this case Henry VIII. The *giant* in this case is a bit lonely and needy and slow to maneuver» [11]. Образ великана ассоциируется с одиночеством, беспомощностью, возможно, недалекостью, что влияет на восприятие образа Генриха VIII Тюдора. Аллгорическая упрощенность и смысловая емкость образа позволяет удерживать внимание и заинтересованность публики.

Контекстуальный план публичного дискурса, включающий контекст времени и места, порядок проведения лекции и составляющие ее элементы, взаимодействует с *психологическим* компонентом дискурса, задавая приятную эмоциональную атмосферу. Все пять лекций проводились в разных залах, так или иначе связанных с творческой деятельностью или личной биографией лектора – Manchester, Halle St. Peter's; London, Middle Temple; Huntington; Devon, Exeter University; Stratford-on-Avon, Arts House, о чем сообщал публике во вступлении перед лекцией ведущий. Ведущим на всех пяти выступлениях неизменно оставался Д. Лоули (Jim Lawley), знакомящий слушателей с заслугами Х. Мэнтел и ее творческой деятельностью. Так, благодаря ему, слушателям становится известно, что в Манчестере, где состоялось первое выступление Мэнтел, она провела некоторое время в детстве, а в зале, где проходила лекция – St Peter's Hall, 150 лет назад была церковь, потом там располагался склад, и затем долгое время здание пустовало. Недавно зал отреставрировали и теперь используют для репетиций оркестра Halle Orchestra. Таким образом, заключает ведущий, «это место буквально пропитано историей» [11]. Такие экскурсии настраивают слушателей на восприятие определенной темы.

По окончании выступления ведущий делает заключение и задает первый вопрос, как правило, чтобы четче обозначить финал. Потом задают вопросы слушатели, и заключительное слово вновь произносит ведущий, после чего раздаются аплодисменты. Таким образом, контекстуальный план публичного дискурса имеет немаловажное значение и оказывает существенное влияние на успех выступления.

Заключение

Можно сделать вывод о том, что публичную лекцию можно рассматривать как вид публичного дискурса в проекции взаимодействующих между собой интенционального, виртуального, контекстуального и психологического планов, определяющих структуру данного вида дискурса и влияющих на его эффективность. Выбор

нарративных стратегий и других элементов «перформанса» и степень их актуализации определяется интенцией и индивидуальным стилем выступающего.

Список литературы

1. Белоглазова Е.В. О вариативности проявления дискурсивной гетерогенности // Филология. 2009. № 2. С. 15-19. URL: <http://journals.tsu.ru/uploads/import/845/files/332-015.pdf> (дата обращения: 23. 06. 2019).
2. Землинская Т.Е., Ферсман Н.Г. Межкультурный дискурс: понятие, содержание и стратегии изучения // Вопросы методики и преподавания в вузе. 2013. С. 188-195. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnyy-diskurs-ponyatie-soderzhanie-i-strategii-izucheniya> (дата обращения 23.06.2019).
3. Кожемякин Е. Дискурсивный подход к изучению культуры // Современный дискурс-анализ. 2002. В. 1 Т. 1. URL:<http://discourseanalysis.org/ada4.shtml> (дата обращения: 23. 06. 2019).
4. Кудлаева А.Н. Типы текстов в структуре дискурса: автореф. дис. ... канд филол. наук. Пермь, 2006. 30 с. URL: <http://cheloveknauka.com/typy-tekstov-v-strukture-diskursa> (дата обращения: 23. 06. 2019).
5. Леви-Стросс К. Структурная антропология. Структура и форма. Размышления об одной работе Владимира Проппа // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 691 с.
6. Лингвистические подходы к анализу дискурса // Энциклопедия Дискурсология. / Под ред. К.Н. Любутина. 2008 URL: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=27&limitstart=3. (дата обращения: 18.03.2019).
7. Структура дискурса публичной коммуникации // Энциклопедия Дискурсология / Под ред. К.Н. Любутина. 2008 URL: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=27&limitstart=3. (дата обращения: 18.03.2019).
8. Bondarenko L. Thomas Cromwell – «The Man For His Seasons» in Hilary Mantel’s Novel Wolf Hall. // Footpath. 2018. vol. 12. P. 43-52.

9. Van Dijk Teun A. Discourse, power and access. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/e128/b29decb7fc87e71be456e83ab0330c485aa4.pdf> (дата обращения 24.08.2019).
10. Mantel H. Why I became a Historical Novelist // The Gardian. 2017. URL: <https://www.theguardian.com/books/2017/jun/03/hilary-mantel-why-i-became-a-historical-novelist> (дата обращения 24.06.2019).
11. Mantel H. Resurrection: The Art and Craft // BBC Reith Lectures. 2017. URL: <https://www.bbc.co.uk/programmes/b08wp3g3>. (дата обращения 23.06.2019).
12. Mantel H. Wolf Hall // Good Reads. 2017. URL: <https://www.goodreads.com/book/show/6101138-wolf-hall>. (дата обращения 23.06.2019).
13. Mantel H. Bring Up the Bodies. URL: https://royallib.com/book/Mantel_Hilary/bring_up_the_bodies.html (дата обращения 03.09.2019).
14. Proskurnin B. Hilary Mantel's Novels about Thomas Cromwell: Traditions and Innovations // Footpath. 2015. Vol. 9 (4). P. 57-69.
15. Thomas Cromwell by Hilary Mantel in Bring Up The Bodies // Good Reads. 2017. URL: <https://www.goodreads.com/book/show/13507212-bring-up-the-bodies>. (дата обращения 23.06.2019).

References

1. Beloglazova E.V. O variativnosti proyavleniya diskursnoy geterogenosti [On the variability of the manifestation of discourse heterogeneity]. *Filologiya*. 2009. No 2. P. 15-19. <http://journals.tsu.ru/uploads/import/845/files/332-015.pdf>.
2. Zemlinskaya T.E., Fersman N.G. Mezskulturny diskurs: ponyatiye, sodержaniye i strategiyi izucheniya [Intercultural discourse: concept, content and learning strategies]. *Voprosy metodiki i prepodavaniya v vuze*. 2013. P. 188-195. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnyy-diskurs-ponyatie-soderzhanie-i-strategii-izucheniya>.
3. Kozhemyakin E. Diskursnyy podkhod k izucheniyu kultury [Discourse approach to the study of culture]. *Sovremennyy diskurs-analiz* [Modern discourse analysis]. 2002. V. 1 T. 1. URL: <http://discourseanalysis.org/ada4.shtml>.

4. Kudlayeva A.N. *Tipy tekstov v strukture diskursa* [Types of texts in the discourse structure]. Perm, 2006. 30 p. URL: <http://cheloveknauka.com/tipy-tekstov-v-strukture-diskursa>.
5. Levi-Stross K. *Strukturnaya antropologia. Struktura i forma. Razmyschleniya ob odnoy rabote Vladimira Proppa* [Structural anthropology. Structure and form. Reflections on a work by Vladimir Propp]. *Semiotika: Antologiya* [Semiotics: Anthology]. M.: Akademicheskij Proekt; Ekaterinburg: Delovaja kniga, 2001. 691 p.
6. *Lingvisticheskiye podkhody k analizu diskursa* [Linguistic approaches to discourse analysis]. *Entziklopediya Diskursologiya* [Encyclopedia of Discourse]. 2008. http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=27&limitstart=3.
7. *Struktura diskursa publichnoy kommunikatsiyi* [The structure of the discourse of public communication]. *Entziklopediya Diskursologiya* [Encyclopedia of Discourse]. 2008. http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=27&limitstart=3.
8. Bondarenko L. Thomas Cromwell – «The Man For His Seasons» in Hilary Mantel's Novel *Wolf Hall*. *Footpath*. 2018. Vol. 12. P. 43-52.
9. Van Dijk Teun A. Discourse, power and access. <https://pdfs.semanticscholar.org/e128/b29decb7fc87e71be456e83ab0330c485aa4.pdf>.
10. Mantel H. Why I became a Historical Novelist. *The Guardian*. 2017. <https://www.theguardian.com/books/2017/jun/03/hilary-mantel-why-i-became-a-historical-novelist>.
11. Mantel H. Resurrection: The Art and Craft. BBC Reith Lectures. 2017. <https://www.bbc.co.uk/programmes/b08wp3g3>.
12. Mantel H. *Wolf Hall*. Good Reads. 2017. <https://www.goodreads.com/book/show/6101138-wolf-hall>
13. Mantel H. *Bring Up the Bodies*. https://royallib.com/book/Mantel_Hilary/bring_up_the_bodies.html
14. Proskurnin B. Hilary Mantel's Novels about Thomas Cromwell: Traditions and Innovations. *Footpath*. 2015. Vol. 9 (4). P. 57-69.
15. Thomas Cromwell by Hilary Mantel in *Bring Up The Bodies*. Good Reads. 2017. <https://www.goodreads.com/book/show/13507212-bring-up-the-bodies>

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Бондаренко Лидия Валериевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии
*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
проспект Академика Вернадского, 4, г. Симферополь, 295007,
Российская Федерация
lidiaguide@gmail.com*

Полховская Елена Васильевна, заведующая кафедрой английской филологии Института иностранной филологии
*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
проспект Академика Вернадского, 4, г. Симферополь, 295007,
Российская Федерация
engphil.crimea@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Bondarenko Lidia Valeriyevna, candidate of philological sciences, associate professor of the chair of English Philology, Institute of the Foreign Philology
*Crimean Federal Vernadsky University
4, Vernadsky avenue, Simferopol, 295007, Russian Federation
lidiaguide@gmail.com*

Polkhovskaya Elena Vasiliyevna, head of the chair of English Philology, candidate of philological sciences, Institute of the Foreign Philology
*Crimean Federal Vernadsky University
4, Vernadsky avenue, Simferopol, 295007, Russian Federation
engphil.crimea@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-5-40-53

УДК 811.11-112

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ПЕСЕННЫХ ДИСКУРСОВ

Боровкова Е.Р.

Данная статья посвящена исследованию синтаксических особенностей текстов песен на английском и немецком языках в сопоставительном аспекте. Исследование выполнено на материале текстов песен групп «Queen», «Fall Out Boy», «Rammstein». В работе представлены результаты количественного анализа выборки исследования – соотношение использованных языковых средств выразительности текстов

Цель. *Статья посвящена песенному тексту как особому виду текста. Предметом исследования являются синтаксические особенности песенных текстов. Автор ставит целью выявить и сопоставить языковые особенности песенных текстов англоязычных и немецкоязычных групп XX и XIX вв.*

Метод или методология проведения работы. *Основу исследования образуют следующие методы: теоретический анализ литературных источников, классификация, сравнение, обобщение, наблюдение, систематизация.*

Результаты работы заключаются *в осмыслении песенного текста как особого вида поэтического текста; в выявлении основных языковых средств, использованных авторами прошлого и нынешнего времени на синтаксическом уровне.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в практике преподавания, при разработке курсов теории коммуникации, межкультурной коммуникации, стилистики текста.*

Ключевые слова: *песенный дискурс; анафора; асиндетон; инверсия; параллелизм; риторический вопрос; умолчание; эллипс.*

SYNTACTIC FEATURES OF THE ENGLISH AND GERMAN LANGUAGE SONG DISCOURSES

Borovkova E.R.

This article deals with the study of the syntactic features in the English and German lyrics in a comparative aspect. The study was carried out on the material of the lyrics of the groups Queen, Fall Out Boy, Rammstein. The paper introduces the results of a quantitative analysis of the research selection – the ratio of the used expressive language means.

Purpose. *The article is devoted to the song text as a specific type of text. The subject of the research is the syntactic features of the lyrics. The author aims to identify and compare the language features of the English and German lyrics of the XX and XIX centuries.*

Methodology. *The basis of the research is the following methods: a theoretical analysis of literary sources, classification, comparison, synthesis, observation, systematization.*

Results. *The results of the work consist in understanding the song text as a special kind of poetic text; in identifying the main language tools used by the authors of the past and the present time at the syntactic level.*

Practical implications. *The results of the research can be applied in the practice of teaching, in developing courses of communication theory, intercultural communication, text stylistics.*

Keywords: *song discourse; anaphora; asyndeton; inversion; parallelism; rhetorical question; aposiopesis; ellipse.*

Песня как способ выражения культуры представляет собой эстетическую, эмоционально-нравственную интерпретацию многообразия окружающей действительности и способ художественного выражения внутреннего мира человека [1, с. 157].

А.Ю. Морозов и Т.А. Морозова считают, что «песенный материал представляет собой особый «мультисемиотический» тип дискур-

са, в котором вербальный компонент взаимодействует с невербальным, а участники определенного (близкого к речевому) действия вступают в достаточно сложные взаимодействия» [3, с. 25].

Согласно концепции дискурса Н. Фэрклоу, под песенным дискурсом понимается текст песен в совокупности с контекстом их создания и интерпретации [7, с. 3].

Песенный дискурс является особой формой хранения культурных знаний. С помощью музыки и песенных композиций человек познает и интерпретирует окружающий его мир. Данный процесс глубок и интенсивен, а воздействующая способность песни может определенным образом повлиять на мировоззрение слушателя. Поэтому песенные тексты, популярные в определенной социальной среде, у лиц разного возраста, пола, сферы деятельности и т.д., являются ценным материалом для изучения особенностей культуры народа, его мировоззрения и мировосприятия, традиций, обычаев, а также для выявления социальных характеристик лингвокультурного сообщества [2, с. 191]. Большая часть выразительности в песенном языке заключена в синтаксисе, который использует различные способы выделения членов предложения. Синтаксические средства включают в себя особые обороты речи, нетипичное построение предложения, которому прибегает автор для усиления выразительности речи.

Песенный жанр музыкальной культуры на сегодняшний день включает в себя множество интересных, отличающихся друг от друга по звучанию и поэтическому послы музыкантов поджанров, которые нашли сторонников по всему миру. Одним из популярных в современном мире разновидностей песни является жанр рок-песни.

В данной статье проводится сопоставительный анализ средств выразительности на уровне синтаксиса текстов трех рок-групп: «Queen», «Fall Out Boy» и «Rammstein».

«Queen» является культовой британской группой, образованной в 1971 г., работавшей в жанрах хард-рок, глэм-рок и поп-рок. Творчество Queen представляет собой взаимодействие глубокого лирического компонента и виртуозной музыкальной составляющей.

Американский рок-коллектив «Fall Out Boy» был основан в 2001 г. в городе Уилметт, Иллинойс. Песни коллектива являются соединением взрывного звучания гитарных риффов и лирических стихов, побуждающих к действию, бунту.

Знаменитый немецкий рок-коллектив «Rammstein» начал своё существование в году в 1994 г. в Берлине. Группа работает в таких музыкальных жанрах как индастриал-рок, хард-рок, готик-метал, Neue Deutsche Härte (направление немецкого метал-рока, включающее в себя элементы индастриал-метала). Выделяют такие отличительные черты музыки Rammstein как специфический ритм, в котором выдержана большая часть композиций, и экстравагантные, порою даже эпатажирующие песенные тексты, затрагивающие темные стороны человеческой жизни.

Анализ языковых средств выразительности на уровне синтаксиса выявил следующие приемы, которые были использованы при создании песенных текстов, заявленных в данной работе групп:

Таблица 2.

Синтаксические средства выразительности в текстах песен «Queen», «Fall Out Boy» и «Rammstein» в сопоставительном аспекте

Синтаксические средства выразительности	Тексты «Queen»	Тексты «Fall Out Boy»	Тексты «Rammstein»
Анафора	27	16	21
Асиндетон	5	1	4
Инверсия	5	0	0
Параллелизм	3	2	3
Параллельные конструкции	3	2	1
Повелительные предложения	36	29	58
Риторический вопрос	7	3	11
Умолчание	4	1	1
Эллипс	7	2	2

Анафора часто используется в песенных текстах, чтобы усилить значимость сказанной фразы, образа. Причина этого заключается в том, что запоминание песенных стихов происходит лучше, если есть повторяющиеся элементы, например, первые строки, и использование приема анафоры ещё больше способствует данному процессу.

Примеры использования анафор в текстах песен группы Queen:

*Mama, just killed a man, put a gun against his head,
pulled my trigger, now he's dead.*

Mama, life had just begun,

But now I've gone and thrown it all away.

Mama, ooh, didn't mean to make you cry («Bohemian Rhapsody»)

They say I'm going crazy

They say I got a lot of water in my brain («Somebody To Love»)

Анафоры в песенном материале Fall Out Boy:

Some legends are told

Some turn to dust or to gold («Centuries»)

It was never about the songs,

It was competition. («The Music Or the Misery»)

Примеры использования анафоры в песенной лирике группы Rammstein:

Gefährlich ist wer Schmerzen kennt

Vom Feuer das den Geist verbrennt

Gefährlich das gebrannte Kind («Feuer frei»)

Ich bin doch hier

Ich bin doch, bin doch ganz nah bei dir («Bückstabü»)

Асиндетон (бессоюзие) может использоваться авторами текстов для создания четкого, лаконичного повествования, также опущение союзов помогает создать ритм в песенном тексте.

Примеры данного синтаксического приема в текстах Queen:

Caviar and cigarettes

Well versed in etiquette

Extraordinarily nice («Killer Queen»)

One flesh one bone,

One true religion,

One voice one hope («One Vision»)

Асиндетон, встречающийся в песнях Fall Out Boy:

To be despised

To be loved

To be dreamt of

To be sought

To be inside

I don't care («One and Only»)

Приём бессоюзия в текстах песен Rammstein используется не только с именами существительными, а также с глаголами:

Panzer, Ketten und Maschinen

Nägel, Schrauben und Turbinen

Brückenpfeiler, Eisenbahn («Eisenmann»)

Warmes Wasser

Schöne Leiber

Feinste Formen

Gut gebaut

Voller Mund

So braune Haut («Liebe Ist für Alle Da»)

Инверсия является сильным выразительным средством, которое можно часто встретить в текстах песенного дискурса. Прием инверсии заключается в обратном порядке слов в предложении, что придает особую экспрессивную окраску песенному тексту.

В ходе анализа песенных текстов групп, представленных в данной статье, были найдены примеры использования инверсии в только текстах песен группы Queen. Возможно, данный факт связан с тем, что участники, которые являются авторами песен группы, имели тенденцию к экспериментам, которые касались не только музыки, мелодики или аранжировки своих произведений, но, а также затрагивающие словесный компонент песен. Также, в песенных текстах повествуется не простых людях, что можно увидеть каждый день, а об определенных личностях, героях, возможно когда-то существовавших, либо придуманных авторами, поэтому было решено использовать данный приём, чтобы погрузить слушателя в атмосферу прошлого:

Then came a man before His feet he fell

Unclean said the leper and rang his bell

Felt the palm of a hand touch his head

Go now go now you're a new man instead («Jesus»)

And a dirty old man was he («Great King Rat»)

Параллелизм – стилистический прием, суть которого заключается в схожем синтаксическом построении соседних предложений или фраз. Прием параллелизма используется в песнях с целью выделения, подчеркивания определенной фразы, значимой для автора мысли.

Рассмотрим имеющиеся примеры параллелизма в текстах песен Queen:

I wanna be heard

I want to be seen («C-lebrity»)

I am the one, the only one,

I am the god of kingdom come («Gimme The Prize (Kurgan's Theme)»)

Параллелизм в песнях группы Fall Out Boy:

I'll be the watcher of the eternal flame

I'll be the guard dog of all your fever dreams («Immortals»)

We're high-fashion, we're last chances. («The Music Or the Misery»)

Примеры, иллюстрирующие использование параллелизма, которые были найдены вследствие исследования песенных текстов группы Rammstein:

Will sie pflegen, will sie horten («Gib mir deine Augen»)

Keiner erträgt dich

Keiner braucht dich («Jeder lacht»)

Wir halten zusammen

Wir halten miteinander aus

Wir halten zueinander («Haifisch»)

Параллельные конструкции объединяют песенные тексты с поэтическими, к тому же использование данного стилистического приема помогает лучшему запоминанию песенных материалов.

Параллельные конструкции, найденные в песнях Queen:

Let the songs begin

Let the music play

Make the voices sing («Barcelona»)

Примеры данного приема в текстах песен Fall Out Boy:

Some legends are told

Some turn to dust or to gold («Centuries»)

I'll weigh you down; I'll watch you choke. («Nobody Puts Baby In the Corner»)

Примеры использования параллельных конструкций в песенных текстах Rammstein:

Er liebt die Mutter und von der Seite

Er liebt die Schwester und von hinten («Laichzeit»)

Императивные предложения в текстах песен музыкальных групп отражают диалогичность песенного дискурса. Такие императивные предложения, как правило, побуждают имплицитного собеседника к какому-либо действию, создают впечатления прямого общения исполнителя и слушателя.

Примеры употребления императивных предложений в текстах песен Queen:

Forget your singalongs and your lullabies

Surrender to the city of the fireflies

Dance with the devil in beat with the band («The March of the Black Queen»)

Take me to the room where the red's all red

Take me out of my head – 's what I said...

Take me to the room where the green's all green («Dragon Attack»)

Императивные предложения, использованные при написании песен группы Fall Out Boy:

Drink down that gin and kerosene,

and come spit on bridges with me.

Just to keep us warm.

So wear me like a locket around your throat. («Nobody Puts Baby In the Corner»)

В текстах песен немецкоязычного коллектива Rammstein используются короткие, ёмкие и лаконичные фразы для достижения большего эффекта управления, ощущения контроля автором разума слушателей:

Komm her

Bleib hier («Dalai Lama»)

Bück dich – befehl ich dir

Wende dein Antlitz ab von mir
Dein Gesicht ist mir egal
Bück dich - noch einmal («Bück dich»)

Риторический вопрос – особый вид вопроса, который не требует ответа, то есть его можно считать утверждением, которое выражено в виде вопроса. Риторический вопрос вызывает желание дать, найти на него ответ. Этот прием придает более яркую окраску высказанной мысли.

Примеры риторического вопроса в песенном материале Queen:
What is there left for me to do in this life?
Did I achieve what I had set in my sights?
Am I a happy man or is this
Sinking sand?
Was it all worth it was it all worth it? («Was It All Worth It»)

Риторические вопросы, найденные в текстах песен Fall Out Boy:
Which came first, the music or the misery? («The Music Or the Misery»)
Why, why, why won't the world revolve around me? («America's Suitehearts»)

Использование приёма риторического вопроса в песенной лирике группы Rammstein:

Sind die Freunde mir gewogen? («Kokain»)
Kann man Herzen brechen?
Können Herzen sprechen?
Kann man Herzen quälen?
Kann man Herzen stehlen? («Links 234»)

В текстах и англо-, и немецкоязычных авторов задаются не просто вопросы, напрямую касающиеся исполнителя/автора, а также вполне общие вопросы, которые могут затрагивать множество людей по всему миру. Примеры, содержащие данное стилистическое средство выразительности и изложенные выше, могут к тому же задавать немного задумчивое, философское настроение всему музыкальному произведению.

Умолчание является ярким примером попытки автора, исполнителя взаимодействовать со своим слушателем. Это стилистиче-

ское средство может передавать взволнованность чувств исполнителя, но также предполагает, что слушающий сам догадается о невысказанном. Кроме этого, данный приём помогает разжечь в слушателе желание к прослушиванию музыкального произведения, чтобы узнать, что же будет происходить дальше по мере повествования:

Рассмотрим найденные примеры умолчания в песнях Queen:

And from what I've seen it's hot, it's mean ...

Slow down - I gotta make my way... («Dragon Attack»)

Freedom for just one week...

Feels good to get away... («In Only Seven Days»)

Приём умолчания, использованный в текстах песен Fall Out Boy:

Make the biggest scene, make the biggest... («The Music Or the Misery»)

Использование умолчания как стилистического средства выразительности в песенных текстах Rammstein:

Es wurde Zeit... («Los»)

Эллипс – пропуск тех или иных компонентов предложения. Эллиптические конструкции вызывают чувство недосказанности, незаконченности, но также используются при написании песенных материалов с целью создания четкого ритма. Стоит отметить, что проанализированным песенным текстам характерен такой вид эллипса, как отсутствие подлежащего, выраженного местоимением.

Рассмотрим найденные примеры эллипса в песенных текстах рок-коллектива Queen:

Tuesday saw her down on the beach («In Only Seven Days»)

_ Gonna use my stack

_ Gonna get me on the track

_ Got a dragon on my back

_ Gonna eat that sound («Dragon Attack»)

Примеры эллипса, использованные в текстах песен группы Fall Out Boy:

_ Landing on a runway in Chicago («Homesick at Space Camp»)

Barely _stuttered out («Dance Dance»)

Проведя исследования, стоит отметить, что было найдено достаточно небольшое количество использования авторами Fall Out Boy данного стилистического приёма. Возможно, так получилось потому, что на современном этапе создания рок-композиции авторы хотят подчеркнуть, кто именно испытывает определенные чувства, описанные в текстах песен, таким образом, сближаясь со своими поклонниками/слушателями, говоря, что их чувства разделяют и другие люди, и сами исполнители.

Примеры использования приёма эллипса в песенной лирике группы Rammstein:

_Will sie pflegen, _will sie horten («Gib mir deine Augen»)

Und niemand glaubt mir hier

Das ich todkrank __ (bin) («Klavier»)

В песенных текстах рок-коллектива Rammstein также не было обнаружено большой степени использования приёма эллипсиса, что в свою очередь может свидетельствовать о том, что немецкие исполнители тяготеют к четкости, расстановке, строгости в своих песенных текстах.

Синтаксические средства выразительности играют немалую роль в создании эмоционально-экспрессивных песенных композиций. С их помощью исполнитель и слушатель могут находиться в диалоге, также приведенные в настоящей статье приемы синтаксического уровня способствуют более легкому пониманию и запоминанию слов песен. Стоит отметить, что наиболее часто встречающимися синтаксическими приемами являются императивные предложения и анафора. У немецкоязычной группы Rammstein использование императивных предложений является самым распространенным стилистическим явлением на синтаксическом уровне языка из всех представленных в данной работе групп из-за того факта, к тому же они также отличались краткостью строения предложений. В лирике песен Rammstein находится умеренное количество риторических вопросов, возможно даже наибольшее из всех проанализированных в данном исследовании групп. Это наводит на мысль о том, что авторам/исполнителям не чуждо философство-

вание, размышление о жизни и бытие. Также следует сказать, что некоторые найденные нами синтаксические средства выразительности присущи текстам песен только одной из групп. Например, инверсия, умолчание чаще использовались при написании песенных текстов песен групп Queen для создания текстов песен, которые создают впечатление медленного повествования литературного произведения. Такой стилистический приём выразительности как эллипсис не является частотным в песенных текстах американской рок-группы Fall Out Boy и немецкой Rammstein. Для Fall Out Boy характерно явно выделение того, от чьего лица происходит действия, кто тот человек, что испытывает эмоции, описанные в песенной лирике данной группы, чтобы оказаться на шаг ближе к своим слушателям. Говоря о группе Rammstein, хочется лишь заметить, что опущение некоторых компонентов предложений не является их целью для создания эффекта незаконченности или недосказанности. В ходе анализа текстов песен данной группы было отмечено, что большинство песенных строк было составлено, следуя правилам немецкой грамматики. Это говорит о том, что авторы песен Rammstein не нуждались в использовании данного синтаксического средства при создании своих произведений. Возможно, это введет к суждению о том, что немцы по своей натуре тяготеют к логичному, четкому, строгому разрешению ситуаций. Об этом говорит крайне малое количество примеров использования приёма умолчания в песенной лирике данной музыкальной группы.

Список литературы

1. Дуняшева Л.Г. Концепт «свобода» в афроамериканском песенном дискурсе: // Ученые записки Казанского университета: в 153 т. Т. 153: сер. Гуманитарные науки. Казань, 2011. С. 158–167.
2. Дуняшева Л. Г. Песенный дискурс как объект изучения лингвокультурологии // Актуальные проблемы романских языков и современные методики их преподавания: материалы международной научно-практической конференции (Казань, 22-23 октября 2015 г.). Казань: Хэтер, 2015. С. 196.

3. Морозов А.Ю. Речевые особенности социального диалекта “BLACK ENGLISH” в произведениях песенного творчества афро-американцев // Язык в пространстве и времени: Тезисы и материалы международной научной конференции 29-30 октября 2002 г. Часть 1. Самара: Изд-во СамГПУ, 2002. С. 113–115.
4. Тексты песен Fall Out Boy [Электронный ресурс]. URL: http://www.amalgama-lab.com/songs/f/fall_out_boy/ (дата обращения 19.03.2019).
5. Тексты песен Queen [Электронный ресурс]. URL: <http://www.amalgama-lab.com/songs/q/queen/> (дата обращения 25.03.2019).
6. Тексты песен Rammstein [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amalgama-lab.com/songs/r/rammstein/> (дата обращения 04.04.2019)
7. Fairclough N. Language and Globalization. London and New York: Routledge, 2006. 176 p.

References

1. Dunjasheva L.G. Koncept «svoboda» v afroamerikanskom pesennom diskurse [The concept of “freedom” in the African-American song discourse]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. Vol. 153. Kazan’, 2011. P. 158–167.
2. Dunjasheva L.G. Pesennyj diskurs kak objekt izuchenija lingvokul’turologii [Song discourse as an object of studying linguistic cultural studies]. *Aktual’nye problemy romanskikh yazykov i sovremennye metodiki ikh prepodavaniya: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Kazan’, 22-23 oktyabrya 2015 g.]. Kazan’: Hehter, 2013. 196 p.
3. Morozov A.Ju. Rechevye osobennosti social’nogo dialekta “BLACK ENGLISH” v proizvedenijah pesennogo tvorcestva afro-amerikancev [Speech features of the social dialect “BLACK ENGLISH” in the works of African American songwriting]. *Jazyk v prostranstve i vremeni: Tezisy i materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 29-30 oktjabrja 2002 g. Chast’ I* [Language in Space and Time: Abstracts and Materials of the International Scientific Conference October 29-30, 2002. Part 1]. Samara: Izd-vo SamGPU, 2002. P. 113–115.
4. Lyrics for Fall Out Boy. http://www.amalgama-lab.com/songs/f/fall_out_boy/ (accessed March 19, 2019).

5. Queen lyrics. <http://www.amalgama-lab.com/songs/q/queen/> (accessed March 25, 2019).
6. Lyrics Rammstein. <https://www.amalgama-lab.com/songs/r/rammstein/> (accessed April 4, 2019).
7. Fairclough, N. Language and Globalization. London and New York: Routledge, 2006. 176 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Боровкова Елена Рифовна, доцент кафедры Иностранных языков, теории и методики обучения, кандидат филологических наук *Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (Филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета*
ул. Красногвардейская 57, Нижний Тагил 622013, Свердловская обл., Российская Федерация
rifovna@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Borovkova Elena Rifovna, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Theory and Methods of Education, Ph. D. in Philology
Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (Branch) of the Russian State Vocational Pedagogical University,
57, Krasnogvardeyskaya st., Nizhny Tagil, 622013, Sverdlovsk region, Russian Federation
rifovna@mail.ru
SPIN-code: 8003-4308

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-5-54-70

УДК 81-23

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПОСЛОВИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Браташова Э.В.

Цель. В статье рассматриваются особенности пословиц с компонентом-зоонимом в английском и русском языках. Пословицы представляют собой неотъемлемую часть лингвокультурологического фундамента любого языка, которые репрезентируют историческую, культурную и языковую специфику жизни нации. Рассматриваемая форма народного творчества представляет собой жанр фольклора, иллюстрирующий особенности мышления народа, отражая его повседневный образ жизни, чем и обусловлен интерес к данной проблематике и определяется актуальность исследования. Автор работы рассматривает вариации определения пословиц в английской и русской литературе, анализирует их компоненты и выявляет частотность употребления пословиц с компонентом-зоонимом в английском и русском языках, анализирует специфические качества и свойства пословиц.

Метод или методология проведения работы. В ходе исследования применяются такие методы как аксиологический, выявляющий специфику лингвокультуры в качестве структуры, объединяющей материальные и духовные ценности, системный метод для получения анализа взаимосвязи языка и культуры, метод сплошной выборки с целью получения практического материала исследования.

Результаты. Основываясь на обширном материале теоретических исследований и практических данных, авторы исследования приходят к выводу, что пословицы с компонентом-зоонимом представляют собой продуктивное явление в фольклористике как русского, так и английского языков, отражая его лингвокультурные свойства и черты. Изучив языковые и культурологические особен-

ности пословиц, автор приходит к выводу, что в английском и русском языках, несмотря на географическую дистанцию, сохраняется семантическое соответствие многих пословиц.

Область применения результатов. Результаты работы могут быть использованы в сфере межкультурной коммуникации, контактной лингвистики, языковой вариативности.

Ключевые слова: лингвокультурология; английский язык; русский язык; пословицы; компонент-зооним; тематическая группа «Дикие животные»; тематическая группа «Домашние животные».

LINGUISTIC AND CULTURAL SPECIFIC FEATURES OF ENGLISH AND RUSSIAN ZOONYM PROVERBS

Bratashova E. V.

Purpose. The article deals with the linguistic and cultural features of zoonym proverbs in both the English and Russian languages. Proverbs are an integral part of the linguistic and cultural foundation of a language, they represent the historical, cultural and linguistic specifics of a nation's life. The considered form of folk art is a genre of folklore, illustrating the peculiarities of people's thinking, reflecting their everyday life, which is the reason for the interest in this issue and determines the relevance of the study. The author sums the variations of proverbs definitions in English and Russian literature, analyzes their components, and identifies the frequency of zoonym proverbs use in both the English and Russian languages, examines the specific qualities of proverbs.

Method or methodology of the work. In the course of the study the author uses such methods as axiological method, revealing the specificity of linguistic and cultural peculiarities as a structure, combining material and spiritual values; a systematic method for analyzing the relationship of language and culture; the method of continuous selection to obtain practical research material.

Results. Based on extensive material of theoretical research and practical data, the authors of the study conclude that zoonym proverbs are

a productive phenomenon in folklore in Russian and English languages. They reflect its linguistic and cultural properties and features. Having studied the linguistic and cultural features of proverbs, the author comes to the conclusion that despite the geographical distance in the English and Russian languages the semantic correspondence of many proverbs is typical.

Practical implications. *The results of the study can be applied in the sphere of contact linguistics, linguistic variation, intercultural communication.*

Keywords: *cultural linguistics; English language; Russian language; proverbs; zoonym component; “Wild animals” thematic group; “Domestic animals” thematic group.*

Введение

Специалисты в области культурологии и лингвистики в своих исследованиях отмечали, что наследие и дух отдельно взятого народа проявляются через народный фольклор, а именно через пословицы и поговорки.

Народный фольклор несет в себе большой опыт предков, который передается от одного поколения к другому. Пословицы и поговорки пропитаны скрытым смыслом: благодаря их мудрости взрослые обладают возможностью воспитывать детей, обучиться какому-либо ремеслу, ассимилировать бытовые составляющие. Благодаря изучению наследия предков мы не только способны проследить специфику народного фольклора, но также и проанализировать пословицы и прочувствовать насыщенность языка, выявить его яркие и неповторимые, отличные от других обороты речи, связанные с историческими и лингвокультурными особенностями развития того или иного народа.

В нашей работе исследование осуществляется на материале английского и русского языков. В ходе анализа рассматриваются особенности функционирования пословиц с элементом-зоонимом в английском и русском языках с компонентами «дикие животные» и «домашние животные».

Материалы и методы

В ходе работы применялись такие методы исследования как сопоставительный, описательный, структурный, лексический, семантический и стилистический виды анализа. Практическим материалом работы послужили словари пословиц отечественных и зарубежных лингвистов.

Результаты и обсуждение

В современной лингвистической литературе существует множество определений термину «Пословица». В словаре С.И. Ожегова рассматриваемая дефиниция трактуется как: «короткая популярная поговорка с назидательным значением; народный афоризм, представляющий собой краткое устойчивое выражение, высказывание, которое, в отличие от пословицы, не представляет собой полного законченного высказывания» [13, с. 672].

В.И. Даль определяет пословицу как короткую притчу, автор рассматривает анализируемую дефиницию как суждение, вердикт, предписание, характерной чертой которого является его четкая формулировка [7, с. 524].

В словаре английского языка Oxford Advanced Learners Dictionary мы находим следующее определение анализируемому понятию:

«Proverb is a well-formulated statement, usually rhythmic in form, generalizing, typifying various phenomena of life and having a cautionary value» – удачно сформулированное высказывание, обычно ритмичное по форме, обобщающее, типизирующее различные явления жизни и имеющее предостерегающее значение [17, с. 1432].

Основываясь на приведенных определениях, можно прийти к выводу, что пословица представляет собой четко сформулированное высказывание, которое вошло в обиход людей и пользуется популярностью, это устойчивое, ритмичное высказывание, которое сформулировало в своей форме репрезентацию ценного жизненного опыта английского и русского народов. Пословицы имеют долгую историю и употребляются в современной устной и письменной коммуникации. Во многих случаях пословицы сохра-

няют собственную изначальную форму, но способны изменять свою форму под воздействием исторических процессов [5; 6].

Пословицы и поговорки тесно вжились в повседневный обиход речи людей. В английской литературе возможно проследить можно обнаружить один из наиболее ярких примеров, репрезентирующий применение пословиц в пьесе У. Шекспира: «*All is well that ends well*». В советской и Российской киноиндустрии и музыке так же возможно обнаружить применение пословиц, например, в названии фильма «*Москва слезам не верит*». В названии известной песни А.Б. Пугачёвой «*Делу время, а потехе час*» также упоминается известная русская пословица. Популярная австрийская ретро-группа OPUS, исполняющая песни на английском языке, широко известна своей песней, название которой представляет собой пословицу «*Life is life*».

В связи с тем, что пословицы представляют собой особый продукт речи, есть все основания полагать, что они подвержены такому свойству, как изменчивость, что вызвано влиянием времени и истории. Например, в русском языке наблюдается тенденции адаптации пословиц к современным условиям жизни людей, связанных с изменениями условия труда людей. Так, известная русская пословица «*Не топор тешет, а плотник*» с развитием сельскохозяйственной техники подверглась изменению и приобрела форму «*Не трактор пашет, а тракторист*». В довоенный период в русском языке существовала пословица «*Один в поле не воин*», однако, во время Великой Отечественной Войны у наших солдат эта поговорка зазвучала по-новому – «*Если по-русски скроен, и один в поле воин*», при новой интерпретации этой пословицы воспевался дух и героизм русского солдата. Рассматриваемая пословица приобрела добавочное значение – настоящий герой мог и в одиночку справиться с трудностями [12, с. 423; 14, с. 172].

Пословицы входят в жизнь каждого человека, охватывая большой спектр его жизни, связанный со здоровьем, богатством, образом жизни. Здоровье человека всегда считалось самой главной ценностью в жизни, в связи, с чем как в английском, так и в русском языках, возможно, проследить множество примеров, описывающих именно здоровье человека, например:

Английские пословицы:

- *A sound mind in a sound body* [18, p. 11],
- *An apple a day keeps the doctor away* [18, p. 6],
- *Health is better than wealth* [18, p. 226].

Русские пословицы также выделяют рекомендации как сберечь самое главное богатство для человека – его здоровье:

- *Чистота – залог здоровья* [9, с. 826],
- *Кто раньше встаёт, тот дольше живёт* [9, с. 406],
- *Болен – лечись, а здоров – берегись* [19, с. 21].

Все народы воспевают такие людские свойства как трудолюбие, влечение к учению. Такие качества как усердие, стремление к знаниям можно проследить на материале пословиц в русском и английском языках, например:

В английском языке:

- *No bees, no honey; no work, no money* [17, p. 578],
- *Live and learn* [17, p. 413],
- *Doing is better than saying* [17, p. 68].

В русский пословицах наши предки так же придавали большое значение таким ценностям как ученье, наука, старательность и трудолюбие:

- *И сила уму уступает* [14, с. 237].
- *Ученье – свет, а неученье – тьма* [16, с. 182].
- *Век живи, век учись* [15, с. 27].

Как в английском, так и в русском языках всегда подвергались негативной оценке качества противоположные трудолюбию, тяги к знаниям, старательности, например:

В русском языке:

- *На свете не без добрых людей* [2, с. 147],
- *Не стыдись, а нагнись да поклонись* [2, с. 166],
- *Добро не умрёт, а зло пропадёт* [2, с. 78].

В английском языке:

- *Charity begins at home* [18, p. 24],
- *Confession is good for the soul* [18, p. 47],
- *Don't strike a man when he is down* [18, p. 69].

В народном творчестве разных стран, а именно в пословицах, часто воспевались искренние чувства человека, одним из которых является любовь. Мудрые изречения дают людям совет в любви, как сберечь это прекрасное чувство, например:

В русском языке:

- *Любовь правдой крепка* [2, с. 59],
- *Сердце сердцу весть подаёт* [2, с. 112].

В английском языке:

- *Love conquers all* [18, с.227],
- *Love makes the world go round* [18, p. 232].

Весьма актуальной темой для англичан считается погода, что связано с географическим положением государства. Хорошо известно, что на территории Великобритании часто идут дожди, ливни; часто на города спускается туман. Такие погодные условия также нашли свое отражение в пословицах английского языка. С особенностями погодных условий связаны и русские пословицы, которые отражают такие специфически русские черты климата как суровый холод, лютый мороз, стужа.

Примеры пословиц, описывающих погодные условия Великобритании:

- *It never rains, but it pours*[17, p. 269],
- *After rain comes fine weather* [17, p.23].

Примеры пословиц, иллюстрирующих погодные условия России:

- *Мороз не велик, да стоять не велит*[3, с. 145],
- *Если бы не мороз, то овёс бы до неба дорос* [3, с. 102].

Пословицы, посвященные тематике национальной кухни Великобритании и России, также обусловлены национальной спецификой страны, например:

Пословицы с компонентом «национальная кухня» России:

- *Хлеб – всему голова*[8, с. 148],
- *Щи да каша – пища наша* [8, с. 152],
- *Первый блин всегда комом* [8, с. 82].

Пословицы с компонентом «национальная кухня» Великобритании:

- *Don't put all your eggs in one basket* [18, p.56],
- *You can't make an omelet without breaking eggs* [18, p.156].

Таким образом, русские и английские пословицы обладают определенными сходными качествами, хотя, вместе с тем, имеют отличия, так как их становление происходило в различных исторических и общественно-экономических условиях. Есть все основания полагать, что они не совпадают в той же мере, в какой разнятся обстоятельства становления двух народов: от географического положения и погодных условий до различий в национальных характерах, темпераментах и в самих языках, которые отражают все эти несовпадения. В русском языке существует множество пословиц, которые не имеют аналогов в английском языке, также зачастую невозможно найти подходящий эквивалент значения английской пословицы в русском языке [4; 11].

В нашем исследовании особое внимание уделяется сопоставительному анализу репрезентации пословиц с компонентом-зоонимом в английском и русском языках с целью выявления их характерных черт. Практический материал работы, выявленный на основе словарей английского и русского языков, был сгруппирован на две группы:

1. пословицы английского и русского языков, принадлежащие к группе с компонентом-зоонимом «Дикие животные»,
2. пословицы английского и русского языков, принадлежащие к группе с компонентом-зоонимом «Домашние животные».

В ходе компаративного анализа пословиц английского и русского языков, содержащих компонент-зооним «Дикие животные», были изучены лингвокультурные особенности пословиц, включающих в свой состав следующие лексические компоненты: *заяц, медведь, волк, лиса, леопард*. Группа пословиц с компонентом «Домашние животные» представлена такими лексическими компонентами как *кошка, собака, корова, лошадь, овца, свинья*.

Тематическая группа «Дикие животные» представлена в пословицах двух языков, например:

Тематическая группа «Дикие животные» с лексическим компонентом Заяц/ Hare:

Английская пословица «*First catch your hare, then cook it*» – *Сперва поймай зайца, потом его готовь* имеет русский аналог «*Делить шкуру неубитого медведя*».

Русская пословица «*Одним выстрелом двух зайцев убить*» имеет значение «*одновременно выполнить две задачи; добиться осуществления двух целей*».

Английская пословица «*One cannot run with the hare and hunt with the hounds*» – *Нельзя бежать с зайцем и охотиться с гончими* – означает, что нельзя служить двум хозяевам одновременно и соответствует русскому аналогу – *Служить и нашим и вашим*.

Тематическая группа «Дикие животные» с лексическим компонентом Медведь/ Bear:

В русском языке существует множество пословиц с компонентом *медведь*, так как это животное символизирует силу и мощь, например:

- «*Кого медведь драл, тот и пня боится*» [11, с. 62],
- «*Хорошо медведя в окно дразнить*» [11, с. 112].

В словаре английского языка мы находим такую пословицу с лексическим компонентом *Bear*:

«*Catch the bear before you sell his skin*» – *Поймай медведя прежде, чем продать его шкуру* [18, p. 36].

Рассматриваемой пословице английского языка соответствует русская пословица «*Не дели шкуру неубитого медведя*», которая дает настоятельный совет: *невозможно распределять прибыль от еще не осуществленного дела*.

Тематическая группа «Дикие животные» с лексическим компонентом Волк/ Wolf:

В ходе исследования было установлено лексический компонент *Волк/ Wolf* как в английском, так и в русском языке вносит отрицательное значение всей пословице. Как английская пословица «*Who keeps company with the wolf, will learn to howl*» – *Кто водится с волками, научится вить*, так и русская пословица «*С волками жить – по-волчьи вить*» имеют одинаковое отрицательное значение – «*с кем поведешься, от того и наберешься*». Русская пословица «*Ра-*

бота – не волк, в лес не убежит) обычно применяется при описании человека, который не слишком быстро делает свою работу или ленится и хотел бы ее отсрочить, то есть *с работой можно и подождать, она никуда не денется*.

Тематическая группа «Дикие животные» с лексическим компонентом Лиса/ Fox:

В пословицах английского и русского языков лиса представляет собой хитрое животное, способное на обман и подлость, например в русском языке есть пословица *«Лиса семерых волков проведет»*, а в английском языке – *«An old fox is not easily snared»* – *старую лису хитростям не учат*.

Тематическая группа «Дикие животные» с лексическим компонентом Леопард/ Leopard:

Английская пословица *«The leopard cannot change his spots»* – *леопард не может менять пятна* – говорит о том, что невозможно изменить натуру человека. Русский аналог этой пословицы – *«Как волка ни корми, а он всё в лес смотрит»* – совпадает по значению с английской пословицей, хотя в рассматриваемом примере мы наблюдаем замену лексемы *leopard* в английском языке на *волк* в русской пословице, что, на наш взгляд, обусловлено распространением именно этого вида животного на территории России.

Анализ примеров доказывает, что пословицы с компонентом-зоонимом группы *«Дикие животные»* с лексическими элементами *заяц, медведь, волк, лиса, леопард* отражают лингвокультурную специфику Великобритании и России. Значение некоторых пословиц как в русском, так и в английском языках совпадает, в то время как другие пословицы представляют собой уникальную структуру, значение которой можно понять только исходя из совокупности исторических и лингвокультурных особенностей, аналоги таких пословиц отсутствуют в других языках.

Как видно из проанализированных примеров, компонентами многих пословиц являются животные, при этом люди наделяли представителей животного мира определенными как положительными, так и отрицательными человеческими качествами. Одним

животным приписывалась трусость (зайцу), другим – жадность (волку), третьим – хитрость (лисе), что представляется возможным проследить на примере русской пословицы «*Зайца ноги носят, волка зубы кормят, лису хвост бережет*».

Из группы пословиц с компонентом «домашние животные» наиболее продуктивной является подгруппа с лексическим компонентом *Кошка/ Cat*.

Следует отметить, в русской фразеологии коту и кошке не приписывают положительных качеств; напротив, кошку наделяют такими качествами, как хитрость, коварство, жестокость, лень, что скорее всего связано с невозможностью их полного одомашнивания человеком. По сравнению с собакой, коровой, овцой, лошадью только кошки не поддаются полному одомашниванию, недаром известен образ *кошки, которая гуляла сама по себе*. В русских пословицах можно проследить отрицательные качества этого животного, например: «*Знает кошка, чьё мясо съела*», «*Отольются кошке мышкены слёзки*».

Как и в русском языке, в английском языке коту и кошке свойственны отрицательные качества и характеристики. Например, такие пословицы как «*Care killed the cat*» и «*Curiosity killed the cat*» – *От любопытства кошка сдохла* – говорят о том, что не нужно быть слишком любопытным. Рассматриваемая английская пословица соответствует русской пословице «*Много будешь знать – скоро состаришься*». В английском фольклоре кошка также обладает таким качеством как лень, например:

«*The cat would eat fish and would not wet her feet*» [18, p. 355].

В русском языке аналогом рассматриваемой пословицы является пословица «*Хочется рыбку съесть, да не хочется в воду лезть*».

Другая английская пословица с лексическим компонентом *кошка*, «*When the cat is away, the mice will play*», имеет серию аналогов в русском языке:

- «*Кошки нет дома – мышам воля*»,
- «*Кошки со двора – а мыши по столам*» [10, с. 102].

Пословицы группы «Домашние животные» с лексическим компонентом *Собака/ Dog* широко распространены как в английском, так и в русском языках.

Собака издавна считалась надежным другом человека, что доказывают следующие пословицы в английском и русском языках:

В английском языке:

«*Love me, love my dog*» – Любишь смородину, люби и оскомину [18, p. 227],

«*Dog doesn't eat dog*» – Собака собаку не ест [18, p. 156].

В русском языке:

«*Собака помнит, кто её кормит*».

«*Собака – друг человека*» [10, с. 121].

Часто в пословицах русского и английского языков образ собаки связан со скрытой угрозой, например:

«*Dumb dogs are dangerous*» [18, p. 157].

Рассматриваемая пословица английского языка имеет русский аналог: «*Не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой*».

Пословицы группы «Домашние животные» с лексическим компонентом *Корова/ Cow* широко распространен в английском и русском языке. Корова является одним из наиболее главных домашних животных в культурах англичан и русских, ее образ ассоциируется с достатком и добром, так как она – главная кормилица крестьянина.

Примеры:

«*Корова на дворе – харч на столе*» [10, с. 62],

«*У хорошей доярки корова маслом доится*» [10, с. 141],

«*If you sell the cow, you sell her milk too*» – Продаешь корову – значит продаешь и её молоко, то есть достаток [18, p. 113].

Пословицы, содержащие в своем составе лексический компонент *Лошадь/ Horse* также типичны как для русского, так и для английского языка. Лошадь в культуре России и Великобритании символизирует упорный труд и всегда играла в крестьянском хозяйстве важную роль. Пословицы «*Never spur a willing horse*», «*Охочую лошадку не надо понукать*» символизируют эти качества.

В ходе работы было отмечено, что такое домашнее животное как овца (лексический компонент *Овца/ Sheep*) представлена в русской и английской культурах с часто отрицательной стороны.

Примеры:

«С паршивой **овцы** хоть клоч шерсти» [8, с. 109].

«*There is a black **sheep** in every flock*» – «Паршивая **овца** все стадо портит» [18, p. 262],

«*A lazy **sheep** thinks its wool heavy*» – «Ленивой **овце** и собственная шерсть тяжела» [17, p. 34].

Наименее продуктивной группой пословиц группы «Домашние животные» являются пословицы с лексический компонент *Свинья/Pig*. В культурах как англичан, так и русских наблюдается недоброжелательное отношение к свинье. Например, в русском языке были выявлены такие пословицы как:

«Посади **свинью** за стол - она и ноги на стол» [12, с. 115],

«**Свинье** только голову просунуть, и вся пролезет» [12, с. 125].

На материале английского языка была найдена такая пословица с компонентом-зоонимом, содержащая в своем составе лексический компонент *Pig* как «*Never buy a **pig** in a poke*». В русском языке анализируемой пословице соответствует аналог «*купить kota в мешке*».

Заключение

Таким образом, пословицы представляют собой элемент народного фольклора, обладающий долголетней историей, употребляемый в современной устной и письменной речи, а также в продуктах массовой культуры.

Пословицы способны сохранять собственную начальную форму, но обладают свойством изменчивости под воздействием исторических процессов. Общие и отличительные особенности английских и русских пословиц о животных. В ходе анализа пословиц с компонентом-зоонимом в русском и английском языках было установлено, что особого внимания заслуживают те выразительные средства, с помощью которых достигается стойкость или запоминаемость английских и русских пословиц о животных. Как в русском, так и в английском языках пословицы обладают такими сходными характеристиками, как краткость и четкость высказываний, способность к рифме, многозначность значения.

Разнообразие пословиц с компонентом-зоонимом как в русском, так и в английском языках содержит пословицы о домашних и диких животных. Среди пословиц группы «Дикие животные» наиболее частотны пословицы с лексическими компонентами *заяц, медведь, волк, лиса*. Лексический компонент *медведь* более типичен для русского языка, обозначая силу и мощь. Пословицы с компонентами-зоонимами *волк* и *лиса* как в русском, так и в английском языках характеризуют этих животных как хитрых, злых млекопитающих и наделяют их негативными качествами.

Тематическая группа «Домашние животные» представлена пословицами с лексическими компонентами *кошка, собака, корова, лошадь, овца, свинья*. Как для английского, так и для русского языков характерной особенностью пословиц является предписание таких характеристик как хитрость, обман, лень для кошки; верность, преданность собаке, неряшливость, глупость для овцы и свиньи. Необходимо отметить, что многие английские и русские пословицы и поговорки многозначны, что делает их трудными для толкования и сравнения.

Список литературы

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. СПб.: ЛГУ, 2013. 208 с.
2. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: Учпедгиз, 2017. 250 с.
3. Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В., Морозова Н.Н. Лексикология английского языка. М.: Дрофа, 2011. 286 с.
4. Бакирова М.Р. Оценочность в пословицах с зоометафорами. Казань: Изд-во КГУ, 2016. Т. 2. 890 с.
5. Браташова Э.В. Чэньюй – один из видов фразеологии // Филология. Международный научный журнал. 2016. №2 (2), 2016. С. 25–26.
6. Браташова А.Н., Луханина А.Н. Чэньюй и идиомы – один из видов фразеологии в китайском и английском языках // Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики. 2016. №4. С. 429–432.

7. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Эксмо, 1994. Т. 3. 715 с.
8. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. М.: Просвещение, 2003. 160 с.
9. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 2000. 1016 с.
10. Иванова Е.В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 160 с.
11. Кравцов Н.И., Лазутин С.Г. Русское устное народное творчество. М.: Высшая школа, 2008. 448 с.
12. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 2004. 699 с.
13. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 994 с.
14. Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. М.: ЮНИТИ, 2011. 566 с.
15. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. М.: Русский язык, 2017. 238 с.
16. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 2015. 199 с.
17. Oxford Advanced Learners Dictionary. 7th edition. Oxford: OUP Oxford, 2005. 1918 p.
18. The Oxford Dictionary of Proverbs. 4th edition. Oxford: Oxford University Press, 2003. 448 p.

References

1. Amosova N.N. *Osnovy anglijskoj frazeologii* [Fundamentals of English phraseology]. St. Petersburg: LGU, 2013. 208 p.
2. Anikin V.P. *Russkie narodnye poslovice, pogovorki, zagadki i detskij fol'klor* [Russian folk proverbs, sayings, riddles and children's folklore]. Moscow: Uchpedgiz, 2017. 250 p.
3. Andrushina G.B., Afanasyeva O.V., Morozova N.N. *Leksikologija anglijskogo jazyka* [Lexicology of the English language]. Moscow: Dropha, 2011. 286 p.

4. Bakirova M.R. *Ocenochnost' v poslovičah s zoometaforami* [Evaluation in proverbs with animal somatisms]. Kazan: Izd-vo KGU, 2016. T. 2. 890 p.
5. Bratashova E.V. Chjenjuij – odin iz vidov frazeologii [Chengyu as one of the types of phraseology]. *Filologija. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal*. 2016, no 2 (2), 2016. P. 25-26.
6. Bratashova A.N., Lukhanina A.N. Chjenjuij i idiomy - odin iz vidov frazeologii v kitajskom i anglijskom jazykah [Chengyu and idioms as one of idioms types in Chinese and English]. *Sovremennye problemy jazykoznanija, literaturovedenija, mezhkul'turnoj kommunikacii i lingvodidaktiki*. 2016, no 4. P. 429–432.
7. Dahl V.I. *Poslovičy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moscow: Eksmo, 1994. T. 3. 715 p.
8. Zhukov V.P. *Semantika frazeologičeskikh oborotov* [Semantics of phraseological units]. Moscow: Prosveshhenie, 2003. 160 p.
9. Zhukov V.P. *Slovar' russkih poslovič i pogovorok* [The dictionary of Russian proverbs and sayings]. Moscow: Russkij jazyk, 2000. 1016 p.
10. Ivanova E.V. *Poslovičnyje kartiny mira (na materiale anglijskih i russkih poslovič)* [Proverbial pictures of the world (on the material of English and Russian proverbs)]. St. Petersburg: Filologičeskij fakul'tet SPbGU, 2002. 160 p.
11. Kravtsov N.I., Lazutin S.G. *Russkoe ustnoe narodnoe tvorčestvo* [Russian folk art]. Moscow: Vysshaja škola, 2008. 448 p.
12. Kunin A.V. *Anglo-russkij frazeologičeskij slovar'* [The English-Russian phraseological dictionary]. Moscow: Russkij jazik, 2014. 699 p.
13. Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [The dictionary of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik, 1999. 994 p.
14. Rybnikova M.A. *Russkie poslovičy i pogovorki* [Russian proverbs and sayings]. Moscow: UNITY, 2011. 566 p.
15. Felitsyn V.P., Prokhorov Ju.E. *Russkie poslovičy, pogovorki i krylatye vyraženija* [Russian proverbs, sayings and aphorisms]. Moscow: Russkij jazyk, 2017. 238 p.
16. Shansky N.M. *Frazeologija sovremennogo russkogo jazyka* [Phraseology of the modern Russian language]. Moscow: Vysshaja škola, 2015. 199 p.

17. Oxford Advanced Learners Dictionary. 7th edition. Oxford: OUP Oxford, 2005. 1918 p.
18. The Oxford Dictionary of Proverbs. 4th edition. Oxford: Oxford University Press, 2003. 448 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Браташова Элеонора Викторовна, ассистент кафедры второго иностранного языка
НИУ «БелГУ»
ул. Студенческая, 14, г. Белгород, Российская Федерация
eleonora8991@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Bratashova Eleonora Viktorovna, Assistant Professor, Department of second foreign language
Belgorod State University
14, Studencheskaya Str., Belgorod, Russian Federation
eleonora8991@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-5-71-95

УДК 811.111:633.31/37+635.651/659

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ НАРОДНЫХ НАЗВАНИЙ ЗЕРНОБОБОВЫХ КУЛЬТУР

Винья-Тальянти Я., Казыдуб Н.Г.

Статья посвящена анализу английских народных названий зернобобовых культур с целью улучшения качества переводов и формирования навыков владения специализированной лексикой на иностранном языке у будущих специалистов данного направления сельскохозяйственной деятельности. Методологическую основу исследования образуют сравнительный метод и принцип историко-этимологической реконструкции. Результаты работы заключаются в систематизации народных названий зернобобовых культур на английском языке по сравнению с их эквивалентами на русском языке. Также разработан глоссарий в облике легкочитаемой таблицы для терминологической проверки переводов. Результаты исследования могут быть применены в сфере подготовки переводчиков, а также при обучении профессиональной терминологии на английском языке студентов и специалистов, занимающихся выращиванием и селекционно-семеноводческой работой зернобобовых культур.

Ключевые слова: зернобобовые культуры; народные названия; многокомпонентные термины; именные группы; синтагматические отношения; сельскохозяйственная терминология.

A TERMINOLOGICAL ANALYSIS OF THE ENGLISH VERNACULAR NAMES FOR LEGUMINOUS CROPS

Vigna-Taglianti J., Kazydub N.G.

The article is devoted to the analysis of the English vernacular names of leguminous crops in order to improve the quality of translations and to create specialised terminological skills in a foreign language in future

specialists working in this area of the agricultural activity. The methodological bases of the present research are represented by the comparative method and the principle of historical and etymological reconstruction. The results of the study consist in the systematisation of the English vernacular names of leguminous crops in comparison with their Russian equivalents. A glossary in the form of an easy-to-read table for the terminological assessment of translations is presented as well. The results of the study can be applied in the sphere of translators' training as well as while teaching professional terminology in English to students and post-graduates who specialise in the cultivation, breeding and seed production of leguminous crops.

Keywords: *leguminous crops; vernacular names; multiword terms; noun phrases; syntagmatic relations; agricultural terminology.*

Введение

О важности выращивания и популяризации зернобобовых культур свидетельствует то, что в ноябре 2015 г. на 68-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 2016 год был провозглашен Международным годом зернобобовых культур, на церемонии открытия которого Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун утвердил, что «зернобобовые могут внести значительный вклад в решение проблемы голода, недоедания, решение экологических проблем и улучшение здоровья человека» [4, с. 6]. Зернобобовые выгодно выращивать в связи с тем, что они являются вкусным универсальным продуктом с длительным сроком хранения. К тому же, это единственные культуры, которые обогащают почву минеральными веществами и не требуют большого расхода воды. Благодаря высокому содержанию белка и других микро и макроэлементов, зернобобовые являются «идеальными для улучшения рациона питания всех слоев населения, важной составляющей повседневного рациона в большинстве уголков земного шара и одним из основных ингредиентов многих блюд национальных и региональных кухонь» [5, с. 190]. Данные культуры также «имеют определяющее значение в увеличении плодородия, фитомелиорации и фитосанитарной очистки почв, а так

же в снижении энергозатрат в растениеводстве» [6, с. 205]. В связи с этим создание новых сортов, разработка и усовершенствование различных технологических приемов и технологий возделывания и семеноводства зернобобовых культур являются актуальными направлениями исследования российских и зарубежных вузов и научно-исследовательских институтов.

Владение специальной терминологией на иностранном языке является необходимым условием для распространения результатов исследований и реализации совместных проектов в рамках международных программ научного сотрудничества, важным навыком не только для специалистов сельскохозяйственных наук, но и для переводчиков, выбирающих данную область знания как перспективную сферу специализации своей будущей работы. В целях улучшения переводов, повышения языковых навыков специалистов и продвижения международного сотрудничества ученых, занимающихся исследованием зернобобовых культур, считается необходимым проанализировать характерные для этого направления сельскохозяйственной деятельности терминологические единицы в рамках лингвистического изучения специальных словосочетаний в разных сферах наук и техники (исследования Т.В. Дроздовой [1], Н.В. Егоршиной [2], М.В. Кислухиной [7, 8], Э.В. Копыловой [9], Т.А. Кудиновой [10], И.Г. Кудрявцевой [11], Н.И. Панасенко [13, 14], Н.И. Сосниной [14], Е.В. Тезиной [15] и др.).

Материалы и методы

Материалом исследования являются 63 разные терминологические единицы на английском языке, обнаруженные в первую очередь в руководстве Продовольственной сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) «Определение и классификация сельхозтоваров» (англ. *Definition and Classification of Commodities*) [19] и в других онлайн-ресурсах. Терминологический анализ исследуемых единиц основывается на методах межъязыкового сравнения между русским и английским языками и этимологической реконструкции обоснования и происхождения терминов с исполь-

зованием разных ресурсов, включая электронные варианты кембриджского и оксфордского словарей [17, 29], словаря издательства Мерриам-Уэбстер [20], а также этимологический онлайн-словарь английского языка [28].

Терминологический анализ

Согласно классификации ФАО, «термин *pulses*» [бобы] относится к культурам, выращиваемым только для зерен, исключая таким образом культуры, культивируемые для употребления зеленых бобов в пищу (горох овощной, фасоль овощная и т.д.) [...]. Также исключаются культуры, предназначенные для производства растительного масла (например, зерно сои и арахиса), и другие зернобобовые культуры (например, семена клевера и люцерны), выращиваемые исключительно в посевных целях» [31]. В соответствии с данным определением, по стандарту ФАО к бобовым культурам относится 11 категорий растений зернового использования: сушеная фасоль (*dry beans*), сушеные бобы (*dry broad beans*), сушеный горох (*dry peas*), нут (*chick-peas*), коровий горох (*dry cowpeas*), голубиный горох (*pigeon peas*), чечевица (*lentils*), земляные бобы (*bambara beans*), горошек (*vetches*), люпин (*lupins*), не указанные в другом месте бобы (*pulses not elsewhere specified*) [Там же]. Овощными считаются такие зернобобовые культуры, как фасоль овощная (*green beans*), горох овощной (*green peas*), бобы овощные (*green broad beans*) и стручковая фасоль (*string beans*) [33], а масличными культурами – соя (*soybeans*) и арахис (*groundnut*) [27]. Под категорию кормовых культур попадают клевер (*clover*), люцерна (*alfalfa*) и бобовые силосные культуры (*legumes for silage*) [24].

Стоит все-таки отметить, что в разговорной речи английские эквиваленты русского термина «бобы», т.е. *legumes* и *pulses*, можно отнести ко всем перечисленным культурам и не только. Например, согласно оксфордскому словарю *legume* – это «любое растение, имеющее семена в длинных бобах» [29], а *pulses* (чаще всего во множественном числе) – это «зерна некоторых растений, употребляемые в пищу, такие как горох и чечевица» [Там же]. Предвари-

тельный анализ вышеуказанных категорий согласно классификации ФАО указывает на то, что большинство названий зернобобовых культур представляют собой многокомпонентные термины, состоящие из именных групп с вершиной *bean* «фасоль, боб» или *pea* «горох» в сочетании с преддетерминативом. Следовательно, слово *bean* определено не только как «зерно разных прямостоячих и вьющихся растений (в т.ч. родов *Phaseolus* и *Vigna*) семейства зернобобовых», но и как «разные семена или плоды, похожие на зерна или бобы фасоли» [20]; к последнему определению относятся не только зернобобовые культуры, такие как бобы овощные (*broad beans*) и соя (*soybeans*), но и плоды других растений, не входящих в семейство зернобобовых, такие как какао (*cocoa beans*), кофе (*coffee beans*) и ваниль (*vanilla beans*). Таким же образом, слово *pea* в узком смысле обозначает «переменчивое однолетнее евразийское вьющееся растение (*Pisum sativum*) семейства зернобобовых, культивируемое особенно для получения округленных гладких или сморщенных съедобных белковосодержащих зерен», а в широком – «разные бобовые растения, родственные или похожие на горох, обычно в сочетании или совместно с квалифицирующим термином» [Там же]. При переводе данных словосочетаний, важную роль играют синтагматические отношения между словами, которые не всегда совпадают при сравнении между английским и русским языком: например, буквальный перевод русского термина *бобы овощные* как **vegetable pulses* или наоборот английского эквивалента *broad beans* как **широкие бобы* приводит к появлению выражений, неестественно звучащих на выходном языке. Кроме этого, некорректный перевод таких словосочетаний не только вызывает неясность на понятийном уровне, но иногда имеет конкретные экономические последствия [3]. Именно во избежание таких проблем настоящее исследование представляет собой полезный инструмент для специалистов как филологических, так и сельскохозяйственных наук, чтобы гарантировать терминологическую точность при переводе или непосредственной публикации на иностранном языке результатов исследования как в отечественных, так и в зарубежных журналах и

сборниках, где правила оформления требуют частичное или всеобщее использование английского как международного языка науки.

Что касается их структурных особенностей, большинство исследуемых английских названий зернобобовых культур состоит из многокомпонентных терминов (49 единиц – 77,78%). Среди них, самая продуктивная синтаксическая структура – это N+N (существительное + существительное) – 37 единиц (58,73%); среднепродуктивной является модель Adj+N (прилагательное + существительное) – 11 единиц (17,46%); всего лишь в 1 единице (1,59%) встречается низкопродуктивная трехкомпонентная структура Adj+N+N (прилагательное + существительное + существительное). Следует отметить, что среди однокомпонентных терминов (14 единиц – 22,22%) обнаружены и сложные существительные (6 единиц – 9,52%), 5 из которых возможно этимологически отнести к явлениям словосложения многокомпонентных терминов (*horse-bean, soybean, chick-pea, groundnut, peanut*).

Английские названия зернобобовых культур можно также распределить по 5 разным группам в зависимости от терминоэлемента, выполняющего роль вершины именной группы (в случае многокомпонентных терминов) или ядра сложного существительного. К группам I–IV относятся 54 единицы (85,71%) со следующими структурными характеристиками: группа I – 35 единиц (55,55%) с вершиной *bean*; группа II – 12 единиц (19,05%) с вершиной *pea*; группа III – 4 единицы (6,35 %) с вершиной *gram*; группа IV – 3 единицы (4,76%) с вершиной *nut*. К группе V относятся все остальные термины, состоящие из простых существительных (9 единиц – 14,29%).

Группа I. Слово *bean* появилось в древнеанглийском языке со значением «боб» уже до XII в. [20], произойдя от прагерманского **bauno*. Этимологически связанными терминами являются латинский *faba* «боб», древнегреческий *φακός* «чечевица», албанский *bathë* «боб конский» и русский *боб* [28]. Согласно К. Уоткинсу первоисточником данного слова является процесс геминации индоевропейского корня **bhā-bhā-* [32], а М. де Ваан утверждает, что италийские, славянские и германские термины – «вероятно заим-

ствования из какого-то слова европейского языкового субстрата с формой **bab-*» [18]. Данное слово встречается в 35 названиях (55,55%) видов зернового использования – сушеная фасоль (*dry/kidney/haricot/navy bean, lima/butter bean, adzuki bean, mung bean, urad bean, runner/scarlet runner bean, rice bean, moth bean, tepary bean*), сушеные бобы (*broad/faba/fava/field bean, horse-bean*), коровий горох (*black-eyed bean*), голубиный горох (*Congo bean*), нут (*garbanzo bean*), земляные бобы (*Bambara bean*), не указанные в другом месте бобы (*hyacinth bean, jack/winged bean, guar bean, velvet bean, yam bean*); овощного использования – фасоль овощная (*green/string/snap bean*); одной масличной культуры – соя (*soybean, soya bean*).

Группа II. Слово *pea* восходит к началу-середине XVII в., является ложным единственным числом среднеанглийского термина *pease*: поскольку данное слово оканчивается звуком /z/, который обычно в английском языке выявляет окончание множественного числа, по гиперкоррекции от него была образована форма единственного числа *pea* [28]. Древнеанглийский источник *pise* можно отнести к латинскому *pisum* и древнегреческому *πίσων* фракийского или фригийского происхождения [25]. Данное слово встречается в 12 названиях (19,05 %) видов зернового направления – горох (*dry/garden/field pea*), нут (*chickpea*), коровий горох (*cow/black-eyed pea*), голубиный горох (*pigeon/cajan pea*), бобы земляные (*earth pea*); овощного направления – горох (*green/snow/snap pea*).

Группа III. Впервые аттестованное в 1702 г., слово *gram* является заимствованием от португальского языка (в современном португальском *grão*) и берет свое начало в латинском термине *granum* «зерно» [20]. Встречается в 4 названиях (6,35%) видов зернового направления – маш (*golden/green gram*), урд (*black gram*), нут (*Bengal gram*).

Группа IV. Слово *nut*, «орех», относится в большинстве случаев к орехоплодным культурам, происходит через среднеанглийский *note*, древнеанглийский *hnutu* и прагерманский **hnut-* от праиндоевропейского корня **kneu-* [28]. Использование данного термина в

названиях двух зернобобовых культурах объясняется тем, что по своей форме они соответствуют общему определению слова *nut*: «плод некоторых деревьев и кустарников, имеющие зерна, включенные в невскрывающуюся при созревании древесной оболочке» [Там же]. Данное слово встречается в 3 названиях (4,76%) двух разных видов, а именно одной культуры зернового направления – бобы земляные (*Bambara groundnut*) – и одной масличной культуры – арахис (*groundnut, peanut*).

Группа V. К другим терминам относятся 9 названий (14,29%) культур зернового направления – лобия (*lablab*), чечевица (*lentil*), люпин (*lupin*), горошек (*vetch*); овощного направления – горох (*mangetout*); кормового направления – клевер (*clover*) и люцерна (*alfalfa, lucerne*).

По своим структурно-семантическим особенностям можно также распределить все исследуемые народные названия по следующим категориям:

- а) заимствования из разных иностранных языков – 19 единиц (30,16%);
- б) описательные словосочетания, содержащие информацию о разных признаках бобов или зерен растения – 15 единиц (23,81%);
- в) словосочетания, содержащие информацию об употреблении культуры в пищу – 8 единиц (12,70%);
- г) словосочетания, содержащие информацию о характеристиках выращивания культуры – 7 единиц (11,12%);
- д) словосочетания, содержащие топонимы – 3 единицы (4,76%);
- е) словосочетания, содержащие этнонимы – 2 единицы (3,17%);
- ж) словосочетания, содержащие звукоподражания – 2 единицы (3,17%);
- з) сложные существительные с двумя ядрами – 2 единицы (3,17%);
- и) словосочетания, содержащие имена собственные – 1 единица (1,59%);
- к) другие термины – 4 единицы (6,35%).

а) Заимствования из разных языков встречаются в некоторых случаях в чистой форме (5 единиц – 7,94%). От французского языка происходит название *mange-tout* (букв. «ешь всё»), обозначающее некоторые сорта гороха овощного и указывающее на то, что можно есть всю лопатку, а не только в ней содержащиеся зерна; оно появилось в 1823 г. [20]. Термин *alfalfa* «люцерна» впервые аттестован в 1845 г., является заимствованием из испанского языка и происходит от арабского *al-fisfisa* «свежий корм» [28]; согласно этимологическому словарю К. Уоткинса, его источником является древнеиранское сложное существительное **aspasti* «люцерна, клевер», т.е. **aspa-* «конь» + **-sti-* «корм» [32]. Другое название данного растения, т.е. *lucerne*, более распространено в британском варианте английского языка, является заимствованием из французского *luzerne* или окситанского *luserno*, датируется 1626 г. [20]. *Lablab* «лобия» – заимствование из арабского языка [Там же]. Термин *cowhage* «мукуна жгучая» – заимствование из хинди *kavāc, kevāc* [Там же]. 13 терминологических единиц (20,36 %) представляют собой сложные существительные и именные группы типа I, т.е. с вершиной *bean*. Много из этих заимствований происходит от языков народов Азии: терминологический элемент *adzuki* (или *azuki*) в названии *adzuki bean* «адзуки» – транскрипция японского слова, обозначающего «мелкий боб»; терминологический элемент *soy(a)* в терминологических единицах *soybean, soya bean* «soя» происходит от японского названия соевого соуса, *shōyu*; слово *guar* в именной группе *guar bean* «гуар» – заимствование из языка хинди, от которого происходят также терминологические элементы *mūṅg* в названии *mung bean* «маш» и *urd, urad* в названии *urad bean* «урд»; терминологический элемент *moth* в словосочетании *moth bean* «мотт» не имеет никакого отношения с ночными бабочками (англ. *moth*), на самом деле является заимствованием из индоарийского языка маратхи, в котором данное растение называется *maṭh* [20]. 4 терминологические единицы происходят от европейских языков: от латинского *faba* и итальянского *fava* «боб» происходят два названия бобов овощных – *faba bean* и *fava bean*, которые чаще всего встречаются в американском варианте английского языка для обозначения

пищевых сортов данного растения; словосочетание *haricot bean*, появившееся в 1653 г., происходит от французского *haricot* «фасоль» и обозначает сорта фасоли с мелкими овальными кремово-белыми зернами; терминологический элемент *garbanzo* в именной группе *garbanzo bean* «нут» является заимствованием из испанского языка [Там же]. 2 единицы берут свое начало в языках народов Америки: слово *tépar* (вин. п. *tépari*) для обозначения мелких бобов впервые аттестовано в XVII в. в северо-мексиканском языке опата, встречается в названии *tepary bean* «тепары» [30, с. 230], а терминологический элемент *yam* в названии *yam bean* «хикама» – искажение испанского слова *jicama*, в свою очередь от ацтекского языка науатль *xīcamatl* [20]. Среди исследуемых терминов найдено всего 1 словосочетание группы II (1,59%) – *cajan pea* «голубиный горох» от малайского *kachang* «фасоль, горох» [Там же].

б) Среди описательных словосочетаний 8 терминологических единиц (12,70%) содержат информацию о визуальных характеристиках бобов или зерен растения. Название *broad bean* (букв. «широкие бобы») ссылается на то, что зерно бобов овощных крупнее зерна других бобовых культур. *Hyacinth bean*, как и его русский эквивалент «гиацинтовые бобы», объясняется схожестью соцветий лобии с растениями рода *Hyacinthus*. Название *kidney bean* связано с тем, что бобы темно-красных сортов фасоли обыкновенной похожи по окраске и форме на почки (анг. *kidneys*). *Rice bean*, как и его русский эквивалент «фасоль рисовая», объясняется тем, что бобы данного растения такие мелкие как зерна риса. Название *string bean* связано с тем, что в бобе некоторых сортов фасоли овощной находится нить (анг. *string*), связывающая его две половинки. Название *sword bean*, как и его русский эквивалент «канавалия мечевидная», связано с тем, что бобы данного растения похожи на меч (анг. *sword*). Словосочетание *velvet bean* «мукуна жгучая» объясняется тем, что плоды данного растения бархатистые (от англ. *velvet* «бархат»). Название *winged bean*, как и его русский эквивалент «бобы крылатые», обосновано наличием четырех волнистых и зубчатых крыльев (анг. *wings*), расположенных по длине бобов.

6 терминологических единиц (9,52%) данной категории относятся «к профессиональным понятиям и терминам, непосредственно связанным с активным употреблением цветообозначительной лексики» [16]; из этой категории исключены народные названия *green bean* и *green pea*, поскольку в данном случае прилагательное *green* «зеленый» ссылается на возможность употребления свежих, недоспелых лопаток в пищу, больше чем на их цветовые характеристики. Интересным фактом является то, что цветообозначению чаще всего встречаются в именных группах Adj+N в сочетании с вершиной *gram* (группа III): *black gram* (букв. «черное зерно») для урда, *golden gram* и *green gram* (букв. «золотистое зерно» и «зеленое зерно» соответственно) для маша. В двух альтернативных названиях коровьего гороха встречается сложное прилагательное *black-eyed* (букв. «черноглазый») в сочетании с вершиной *bean* (группа I) и *pea* (группа II), так как зерно данного растения имеет характерное, отличающееся по окраске от остальной оболочки пятно в центре боба, которое чаще всего бывает черного цвета. К этой категории относится также единственное название типа Adj+N+N, т.е. *scarlet runner bean* «фасоль огненно-красная», в котором первый предeterminатив *scarlet* «алый» ссылается на ярко-красную окраску цветков, а второй *runner* «ползучий» – на классификацию стебля данного растения по направлению роста. 1 терминологическая единица (1,59%) обоснована вкусовыми характеристиками зерна. Речь идет о названии *butter bean*, которое особенно встречается в Великобритании и на юге США, где «название данного сорта кремовой фасоли ссылается на молочный продукт с похожей богатой консистенции: сливочное масло [*butter*]» [23].

в) Среди словосочетаний, содержащих информацию об употреблении в пищу, 4 единицы (6,35 %) ссылаются на зерновое или овощное использование определенной культуры: именные группы с прилагательным *dry* (*dry bean* и *dry pea*) обозначают, что едят сушеные бобы, а с прилагательным *green* (*green bean* и *green peas*) обозначают, что в пищу употребляют зеленые лопатки. 3 терминологические единицы (4,76%) данной категории содержат на-

звание животного в роли преддетерминатива, ссылаясь на первоначальное употребление культуры в качестве корма для животных: *horse-bean* «бобы конские» (данное название относится только к сорту *Vicia faba* var. *equina*), *cow pea* «коровий горох», *pigeon pea* «голубиный горох». К этой категории также относится 1 единица (1,59 %) обоснована историческими причинами: название *navy bean* для сортов фасоли с мелкими кремово-белыми зернами появилось в 1833 г. и объясняется тем, что данная культура с середины XIX в. входит в рацион Военно-морских сил США (анг. *US Navy*) [20].

з) К категории словосочетаний, содержащих информацию о характеристиках выращивания культуры, относятся 7 терминологических единиц (11,12%). Существительное-преддетерминатив *field* со значением «полевой» встречается в названиях 1 сорта бобов овощных кормового направления (*field beans*, т.е. *Vicia faba* var. *minor*) и 1 сорта гороха зернового (*field pea*, т.е. *Pisum sativum* var. *arvense*), а *garden* со значением «садовый» – в названии 1 сорта гороха зернового (*garden pea*, т.е. *Pisum sativum* var. *sativum*). Слово-сочетание *runner bean* идентифицирует фасоль огненно-красную без цветообозначения (см. выше). Названия *groundnut* «арахис» и *earth pea* «земляные бобы» связаны с тем, что стручки данных растений подземные. Слово-сочетание *snow pea* связано с тем, что данный сорт гороха овощного (*Pisum sativum* var. *saccharatum*) успешно выращивают и зимой на открытых полях, даже под снегом (анг. *snow*).

д) Топонимы встречаются в альтернативных названиях 3 культур (4,76%). *Bengal gram* (букв. «бенгальское зерно») встречается помимо *chickpea* для обозначения нута, *Congo bean* (букв. «конголезские бобы») – помимо *pigeon pea* для обозначения голубиногороха, *lima bean* – помимо *butter bean* для обозначения лимской фасоли. Последняя терминологическая единица связана с тем, что данную культуру сперва привезли в Европу и Северную Америку из города Лима, Перу; тем не менее, в словосочетании *lima beans* первый терминологический элемент произносится как /'laɪmə/, а название перуанской столицы – как /'li:mə/ [22].

е) Этноним *Bambara* встречается в 2 альтернативных названиях (3,17%) одного и то же растения, т.е. *Bambara bean* и *Bambara groundnut* для обозначения бамбарского земляного ореха (или земляных бобов). Поскольку данный вид является местным растением западной Африки, его название происходит от народа Бамбара, обитающего в Мали и ограничивающих странах. В случае названия *Bambara groundnut* – данная терминологическая единица также содержит информацию об условиях выращивания культуры (см. выше).

ж) Звукоподражание *snap* встречается в 2 терминологических единицах (3,17%), а именно в альтернативных названиях фасоли овощной *snap bean* и гороха овощного *snap pea*. Его присутствием в роли преддетерминатива объясняется тем, что для приготовления данных культур необходимо отдалить кончики лопатки, издавая звонкий шелк (анг. *snap*)

з) 2 терминологические единицы (3,17%) являются сложными существительными, характеризующимися присутствием двух ядер. В случае слово *peanut* «арахис» в роли ядер встречаются вышеописанные терминологические элементы *pea* и *nut*; данное название отличается от *groundnut* тем, что оно обозначает сорта, употребляемые в пищу как пищевые добавки или в форме арахисовой пасты, а *groundnut* – сорта, используемые для производства арахисового масла [21]. В случае слово *chickpea* (также *chick-pea*) вторым ядром помимо слова *pea* является терминологический элемент *chick*; сложное существительное впервые аттестовано в 1712 г., до этого встречались варианты *chich* и *chic*, происходящие через древнефранцузский *chiche* от латинского *cicer* «нут»; родственными терминами являются древнегреческий *κίκερος* «пале», армянский *sisern* «нут» и албанский *thjer* «чечевица» [28].

и) Среди исследуемых терминов всего 1 единица (1,59%) – *jack bean* – содержит имя собственное в роли преддетерминатива. Выбор данного имени ссылается на английскую народную сказку «Джек и бобовый стебель» (анг. *Jack and the Beanstalk*), впервые опубликованную как «История о Джеке Сприггинсе и волшебной фасоли» (анг. *The story of Jack Spriggins and the Enchanted Bean*) в 1734 г. и

перделанную Бенджамином Табартом в поучение под названием «История о Джеке и бобовом стебле» (англ. *The History of Jack and the Bean-Stalk*) в 1807 г.

к) Под категорию «другие термины» попадают 4 терминологические единицы (6,35%), состоящие из простых существительных: *clover* «клевер», *lentil* «чечевица», *lupin* «люпин», *vetch* «горошек, вика». Слово *clover* происходит через среднеанглийский *claver* и древнеанглийский *clafre*, *clæfre* от прагерманского **klaibron* неясного происхождения [28]. Согласно лингвистам А. Либерману и Е. Клейну его источником является западногерманский корень **klaiwaz-* «липкая мякоть», так как сок клевера служил основой самого распространенного сорта мёда [25, 26]. Термин *lentil* восходит к середине XIII в. и происходит через древнефранцузский *lentille* «чечевица» или «веснушка» от латинского *lenticula*, в свою очередь уменьшительное от *lens* «чечевица»; этимологически связанными терминами являются древнегреческий *λάθυρος* «боб», древневерхненемецкий *linsa* «чечевица» и старославянский *лашма* [28]; при том М. де Ваан утверждает, что «схожесть между славянским, германским и латинским кажется слишком велика, чтобы быть случайной, но восстанавливать общую исходную форму невозможно. Как и в случае других сельскохозяйственных терминов, слово «*lentil*» может быть заимствованием из какого-то неиндоевропейского языка в Европе» [18]. Слово *lupin* (также *lupine*) датируется концом XIV в., является непосредственным заимствованием из латинского названия того же растения *lupinus*, т.е. из субстантивированного прилагательного, первоначально обозначающего «волчий». Наверное древне римляне так называли данное растение в связи с необоснованным убеждением о том, что оно представляло вред для почвы [28]. Термин *vetch*, впервые аттестованный в конце XIV в., происходит через старонормандский вариант *veche* древнефранцузского слова *vese* от латинского *vicia* «горошек, вика». Данный источник этимологически можно соотнести к латинскому глаголу *vincire* «связать, завязать» и к праиндоевропейскому корню **weik-* «гнуть, обмотать» [Там же].

Заклучение

В результате исследования английских народных названий зернобобовых культур, выявлена высокая степень синонимии: 63 терминологическим единицам соответствуют всего лишь 26 разных видов (в практических целях разные виды родов *Phaseolus* и *Vigna*, именуемые в разговорном русском языке под общим названием «фасоль», считаются одной единицей). Из них 10 видов (38,45%) имеют всего одно название, 8 видов (30,77%) – 2 названия, 5 видов (19,23%) – 3 названия, по одному виду (3,85%) – 5, 6 и 7 названий.

Анализ и систематизации исследуемых терминологических единиц также поспособствовали разработке специального межъязыкового глоссария в виде легкочитаемой таблицы с указанием всех синонимических английских названий зернобобовых культур в сопоставлении с их русскими эквивалентами, а также с биномиальной номенклатурой на латыни (таб. 1).

Таблица 1.

Терминологический анализ английских названий зернобобовых культур с указанием выделенных групп (I-V) и категорий (а-к).

Английское название	Латинский биномен	Русское название
groundnut (гр. IV, кат. з) peanut (гр. IV, кат. з) [1]	<i>Arachishypogea</i>	арахис
sajan pea (гр. II, кат. а) Congo bean (гр. I, кат. д) pigeon pea (гр. II, кат. в)	<i>Cajanus cajan</i>	голубиный горох каян
jackbean (гр. I, кат. и) swordbean (гр. I, кат. б)	<i>Canavalia</i> spp.	канавалия мечевидная
Bengal gram (гр. III, кат. д) chickpea (гр. II, кат. з) garbanzo bean (гр. I, кат. а)	<i>Cicer arietinum</i>	нут
guar bean (гр. I, кат. а)	<i>Cyamopsis tetragonoloba</i>	гуар
soya bean (гр. I, кат. а) soybean (гр. I, кат. а)	<i>Glycine max</i>	соя
hyacinthbean (гр. I, кат. б) lablab (гр. V, кат. а)	<i>Lablab purpureus</i>	лобия гиацинтовые бобы
lentil (гр. V, кат. к)	<i>Lens culinaris</i>	чечевица

Продолжение табл. 1.

lupin (зр. V, кат. κ)	<i>Lupinus</i> spp.	люпин волчий боб
cowhage (зр. V, кат. а) velvet bean (зр. I, кат. б)	<i>Mucuna pruriens</i>	мукуна жгучая
yam bean (зр. I, кат. а)	<i>Pachyrrhizus erosus</i>	хикама
tepanybean (зр. I, кат. а)	<i>Phaseolus acutifolius</i>	тепари фасоль остролистная
runner bean (зр. I, кат. з) scarlet runner bean (зр. I, кат. б)	<i>Phaseolus coccineus</i>	фасоль огненно-красная
butter bean (зр. I, кат. б) lima bean (зр. I, кат. д) [2]	<i>Phaseolus lunatus</i>	фасоль лимская фасоль луновидная фасоль лунообразная
dry bean (зр. I, кат. в) green bean (зр. I, кат. в) haricot bean (зр. I, кат. а) kidney bean (зр. I, кат. б) navy bean (зр. I, кат. в) snap bean (зр. I, кат. ж) string bean (зр. I, кат. б) [3]	<i>Phaseolus</i> spp. <i>Vigna</i> spp.	фасоль овощная фасоль стручковая фасоль спаржевая фасоль зерновая
dry pea (зр. II, кат. в) field pea (зр. II, кат. з) garden pea (зр. II, кат. з) green pea (зр. II, кат. в) mangetout (зр. V, кат. а) snap pea (зр. II, кат. ж) snow pea (зр. II, кат. з) [4]	<i>Pisum sativum</i>	горох овощной горох посевной горох полевой
wingedbean (зр. I, кат. б)	<i>Psophocarpus-tetragonolobus</i>	крылатые бобы
broad bean (зр. I, кат. б) faba bean (зр. I, кат. а) fava bean (зр. I, кат. а) field bean (зр. I, кат. з) horse-bean (зр. I, кат. в) [5]	<i>Vicia faba</i>	бобы овощные бобы садовые бобы русские бобы конские
vetch (зр. V, кат. κ)	<i>Vicia sativa</i>	горошек вика
moth bean (зр. I, кат. а)	<i>Vigna aconitifolia</i>	могг фасоль аконитолистная
adzuki bean (зр. I, кат. а)	<i>Vigna angularis</i>	адзуки фасоль угловатая
black gram (зр. III, кат. б) urad bean (зр. I, кат. а)	<i>Vigna mungo</i>	урд

Окончание табл. 1.

golden gram (зр. III, кат. б) green gram (зр. III, кат. б) mung bean (зр. I, кат. а)	<i>Vigna radiata</i>	маш
Bambara bean (зр. I, кат. е) Bambara groundnut (зр. IV, кат. е) earth pea (зр. II, кат. з)	<i>Vigna subterranea</i>	бамбарский земляной орех земляные бобы
rice bean (зр. I, кат. б)	<i>Vigna umbellata</i>	фасольрисовая
black-eyed bean (зр. I, кат. б) black-eyed pea (зр. II, кат. б) cow pea (зр. II, кат. в)	<i>Vigna unguiculata</i>	коровий горох
<p>Примечания:</p> <p>[1] словом <i>peanut</i> обозначают сорта, употребляемые в пищу как пищевые добавки или в форме арахисовой пасты, а словом <i>groundnut</i> – сорта, используемые для производства арахисового масла.</p> <p>[2] название <i>butter bean</i> встречается в основном на юге США и в Великобритании, а <i>lima bean</i> – в остальных регионах англоязычного мира.</p> <p>[3] выбор между преддетерминативами <i>dry</i> или <i>green</i> акцентирует внимание на зерновом или овощном направлении культуры; название <i>kidney bean</i> употребляется для темно-красных сортов фасоли зерновой, а <i>haricot bean</i> и <i>navy bean</i> для сортов фасоли зерновой с мелким овальным кремово-белым зерном; название <i>string bean</i> употребляется для сортов фасоли овощной со связывающей две половинки лопатки нитью, а <i>snap beans</i> – для сортов без нее.</p> <p>[4] выбор между преддетерминативами <i>dry</i> или <i>green</i> акцентирует внимание на зерновом или овощном направлении культуры; название <i>garden pea</i> обычно обозначает сорт <i>Pisum sativum</i> var. <i>sativum</i>, <i>field pea</i> – <i>Pisum sativum</i> var. <i>sativum</i>, <i>snow pea</i> – <i>Pisum sativum</i> var. <i>saccharatum</i>, <i>snap pea</i> – <i>Pisum sativum</i> var. <i>macrocarpon</i>, <i>mangetout</i> – плоды сортов var. <i>saccharatum</i> и <i>macrocarpon</i> (особенно в британском варианте английского языка).</p> <p>[5] для обозначения пищевых сортов (<i>Vicia faba</i> var. <i>major</i>) особенно в британском варианте английского языка встречается в основном название <i>broad bean</i>, а в американском – <i>fava bean</i> (или <i>faba bean</i>); названия <i>horse-bean</i> и <i>field bean</i> обозначают сорта кормового направления (<i>Vicia faba</i> var. <i>equina</i> и var. <i>minor</i> соответственно).</p>		

Список литературы

1. Дроздова Т.В. Типы и особенности многокомпонентных терминов в современном английском языке: на материале терминологии производства искусственного холода: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1989. 24 с.
2. Егоршина Н.В. Несколькословные термины в военном подязыке (ономасиологический аспект): дис. ... к. филол. н. М., 1995. 178 с.
3. Зеленцов С.В., Хатнянский В.И., Михайлова Н.П. Экономические последствия некорректного применения термина «бобы соевые» в

- финансовой документации // Масличные культуры. 2017. № 2 (170). С. 76–80.
4. Зотиков В.И., Наумкина Т.С., Грядунова Н.В., Сидоренко В.С., Наумкин В.В. Зернобобовые культуры – важный фактор устойчивого экологически ориентированного сельского хозяйства // Зернобобовые и крупяные культуры. 2016. № 1 (17). С. 6–13.
 5. Казыдуб Н.Г., Кузьмина С.П., Плетнева М.М., Коновалова Е.А., Коцюбинская О.А. Зернобобовые культуры в структуре функционального питания (фасоль зерновая и овощная, горох овощной, нут) // Зернобобовые культуры, развивающееся направление в России. Омск: Омский ГАУ, 2018. С. 190–197.
 6. Казыдуб Н.Г., Фрейлих Е.С., Боровикова М.А, Уфимцева С.В. Технологические и сортовые особенности выращивания фасоли на семена в Омской области как фактор устойчивости сельских территорий // Интернационализация высшего образования: опыт реализации совместных европейских проектов. Кокшетау: Мир печати, 2019. С. 204–211.
 7. Кислухина М.В. Терминологические словосочетания подъязыка сельскохозяйственной и почвенной микробиологии в английском, украинском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6 (84). С. 83–88.
 8. Кислухина М.В. Терминосистема сельскохозяйственной и почвенной микробиологии (на материале английского, украинского и русского языков): дисс. ... к. филол. н. Донецк, 2014. 308 с.
 9. Копылова Э. В. Терминологические словосочетания в рыболовецкой лексике Волго-Каспия // Вопросы теории и методики русского языка. Ульяновск: УлГПИ им. В.И. Ульянова, 1969. С. 119–127.
 10. Кудинова Т. А. К вопросу о природе многокомпонентного термина (на примере английского подъязыка биотехнологий) // Вестник Пермского университета. 2011. № 2 (14). С. 58–62.
 11. Кудрявцева И.Г. Особенности формальной структуры и семантические характеристики терминологических словосочетаний (на материале английской и русской специальной лексики научно-технической области «Интернет»): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2010. 21 с.

12. Панасенко Н. И. Фитонимическая лексика в системе романских, германских и славянских языков (опыт ономаσιο-логического и когнитивного анализа). Черкассы: Брама-Украина, 2010. 452 с.
13. Панасенко Н.И. Имена собственные в названиях лекарственных растений (ономасиологический подход) // Филологические исследования: Филология и медицина. 2014. № 11. С. 218–236.
14. Соснина Н.И. Вариативность акцентуации бинарного именного терминологического словосочетания (на материале языка для специальных целей): дисс. ... к. филол. н. Иваново, 2006. 272 с.
15. Тезина Е. В. Многокомпонентные терминологические словосочетания как элементы интернет-текста // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2006. № 17 (72). С. 208–210.
16. Федорцова В.Н., Тархова А.Б. Структурные, семантические и мотивационные особенности цветообозначений на базе этнонимов и топонимов в английском языке // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 1. С. 173–177.
17. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 24.08.2019).
18. De Vaan M. Etymological Dictionary of Latin and other Italic Languages // Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series [ed. A. Lubotsky]. Vol. 7. Leiden: Brill, 2008. 825 с.
19. Definition and classification of commodities (Draft). URL: <http://www.fao.org/waicent/faoinfo/economic/faodef/faodefe.htm> (дата обращения: 24.08.2019).
20. Dictionary by Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 24.08.2019).
21. Difference between Groundnut and Peanut // DifferenceBetween.net. URL: <http://www.differencebetween.net/object/difference-between-groundnut-and-peanut/> (дата обращения: 24.08.2019).
22. English pronunciation of “lima bean” // Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/pronunciation/english/lima-bean> (дата обращения: 24.08.2019).
23. Farris V. Butter Beans vs. Lima Beans: What’s the Difference? // FOOD52, 27.02.2018. URL: <https://food52.com/blog/21723-whats->

- the-difference-between-lima-and-butter-beans (дата обращения: 24.08.2019).
24. Fodder crops and products // Definition and classification of commodities (Draft). URL: <http://www.fao.org/waicent/faoinfo/economic/faodef/fdef11e.htm> (дата обращения: 24.08.2019).
 25. Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Amsterdam: Elsevier, 1971. 870 с.
 26. Liberman A. Analytic Dictionary of English Etymology. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2008. 368 с.
 27. Oil-bearing crops and derived products // Definition and classification of commodities (Draft). URL: <http://www.fao.org/waicent/faoinfo/economic/faodef/fdef06e.htm> (дата обращения: 24.08.2019).
 28. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 24.08.2019).
 29. Oxford Advanced Learners' Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 24.08.2019).
 30. Pennington C.W. Arte y vocabulario de la lengua dohema, heve o eudeva. Mexico City: UNAM, 1981. 259 с.
 31. Pulses and derived products // Definition and classification of commodities (Draft). URL: <http://www.fao.org/waicent/faoinfo/economic/faodef/fdef04e.htm> (дата обращения: 24.08.2019).
 32. The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots [ed. C. Watkins]. Boston, MA: Houghton Mifflin, 2000. 149 с.
 33. Vegetables and derived products // Definition and classification of commodities (Draft). URL: <http://www.fao.org/waicent/faoinfo/economic/faodef/fdef07e.htm> (дата обращения: 24.08.2019).

References

1. Drozdova T.V. *Типы и особенности многокомпонентных терминов в современном английском языке: на материале терминологии производства искусственного холода* [Types and characteristics of multiword terms in present-day English: as exemplified by the terminology of the production of artificial cold]. PhD thesis synopsis. Moscow, 1989. 24 p.

2. Egorshina N.V. *Neskol'koslovnye terminy v voennom pod'yazyke (onomasiologicheskii aspekt)* [Multi-word terms in the military sublanguages (onomasiological aspect)], Phd thesis. Moscow, 1995. 178 p.
3. Zelentsov S.V., Khatnyaskiy V.I., Mikhaylova N.P. Yekonomicheskie posledstviya nekorrektnogo primeneniya termina «boby soevye» v finansovoy dokumentatsii [The economic consequences of the incorrect application of the term «soya pods» in the financial documentation]. *Maslichnye kul'tury. Nauchno-tekhnichestkiy byulleten' Vserossiyskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta maslichnykh kul'tur*. 2017. No. 2 (170). P. 76–80.
4. Zotikov V.I., Naumkina T.S., Gryadunova N.V., Sidorenko V.S., Naumkin V.V. Zernobobovye kul'tury – vazhnyy faktor ustoychivogo yekologicheski orientirovannogo sel'skogo khozyaystva [Pulses as an important factor of sustainable ecologically oriented agriculture]. *Zernobobovye i krupyanye kul'tury*. 2016. No. 1 (17). P. 6-13.
5. Kazydub N.G., Kuz'mina S.P., Plenteva M.M., Konovalova E.A., Kotsyubinskaja O.A. Zernobobovye kul'tury v strukture funktsional'nogo pitaniya (fasol' zernovaya i ovoshchnaya, gorokh ovoshchnoy, nut) [Leguminous crops within the framework of functional nutrition (dry and green beans, green peas, chickpeas)]. *Zernobobovye kul'tury, razvivayushcheesya napravlenie v Rossii*. Omsk: Omskiy GAU, 2018. P. 190–197.
6. Kazydub N.G., Freylikh E.S., Borovikova M.A., Ufimtseva S.V. Tekhnologicheskie i sortovye osobennosti vyrashchivaniya fasoli na semena v Omskoy oblasti kak faktor ustoychivosti sel'skikh territoriy [Technological and varietal characteristics of the cultivation of beans for seed production in the Omsk Region as a factor of sustainability of rural areas]. *Internatsionalizatsiya vyshego obrazovaniya: opyt realizatsii sovmevnykh evropeyskikh proektov*. Kokshetau: Mir pechati, 2019. P. 204–211.
7. Kislukhina M.V. Terminologicheskie slovosochetaniya pod'yazyka selskokhozyaystvennoy i pochvennoy mikrobiologii v angliyskom, ukrainskom i russkom yazykakh [Terminological word-combinations of sublanguage of agricultural and soil microbiology in the English, Ukrainian and Russian languages]. *Filologicheskie nauki. Voprosi teorii i praktiki*. 2018. No. 6 (84). P. 83-88.

8. Kislukhina M.V. *Terminosistema sel'skokhozyaystvennoy i pochvennoy mikrobiologii (na materiale angliyskogo, ukrainskogo i russkogo yazykov)* [The terminosystem of agricultural and soil microbiology (as exemplified by English, Ukrainian and Russian languages)], PhD thesis. Donetsk, 2014. 308 p.
9. Kopylova Ye.V. Terminologicheskie slovosochetaniya v rybolovetskoj leksike Volgo-Kaspiya [Terminological collocations in the fishery lexis of the Volgo-Caspian region]. *Voprosy teorii i metodiki russkogo yazyka*. Ul'yanovsk: UIGPI im. V.I. Ul'yanov, 1969. P. 119–127.
10. Kudinova T.A. K voprosu o prirode mnogokomponentnogo termina (na primere angliyskogo pod'yazyka biotekhnologii [On the nature of multi-word terms (as exemplified by the English sublanguage of biotechnologies)]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 2011. No. 2 (14). P. 58–62.
11. Kudryavtseva I.G. *Osobennosti formal'noy struktury i semanticheskie kharakteristiki terminologicheskikh slovosochetaniy (na materiale angliyskoy i russkoy spetsial'noy leksiki nauchno-tekhnicheskoy oblasti «Internet»)* [Formal structure peculiarities and semantic characteristics of terminological collocations (as exemplified by the English and Russian special lexis of the S&R field “Internet”)], PhD thesis synopsis. Moscow, 2010. 21 p.
12. Panasenko N.I. *Fitonomicheskaya leksika v sisteme romanskikh, germanskikh i slavyanskikh yazykov* [Phitonymic lexis in the system of romance, german and slavic languages (an experience of onomasio-logic and cognitive analysis)]. Cherkassy: Brama-Ukraina, 2010. 452 p.
13. Panasenko N.I. Imenna sobstvennye v nazvaniyakh lekarstvennykh rasteniy (onomasiologicheskiy podkhod) [Proper names in medicinal plants (onomasiological approach)]. *Filologicheskie issledovaniya: Filologiya i meditsina*. 2014. No. 11. P. 218–236.
14. Sosnina N.I. *Variativnost' aktsentuatsii binarnogo imennogo terminologicheskogo slovosochetaniya (na materiale yazyka dlya spetsial'nykh tseley)* [Variation in the accentuation of binary terminological noun collocations (as exemplified by special language)], PhD thesis, Ivanovo, 2006. 272 p.
15. Tezina E.V. *Mnogokponentnye terminologicheskie slovosochetaniya kak yelementy internet-teksta* [Multi-word terminological collocations

- as elements of the Internet-text]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2006. No. 17 (72). P. 208–210.
16. Fedortsova V.N., Tarkhova A.B. Strukturnye, semanticheskie i motivatsionnye osobennosti tsvetooboznacheniy na baze yetnonimov i toponimov v angliyskom yazyke [Semantic, structural and motivation aspects of toponymically and ethnonymically based colour terms in english language]. *Izvestiya Samarkogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii*. 2015. Vol. 17, No. 1. P. 173–177.
17. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: August 24, 2019).
18. De Vaan M. *Etymological Dictionary of Latin and other Italic Languages*. Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series [ed. A. Lubotsky]. Vol. 7. Leiden: Brill, 2008.
19. *Definition and classification of commodities (Draft)*. URL: <http://www.fao.org/waicent/faoinfo/economic/faodef/faodefe.htm> (accessed: August 24, 2019).
20. *Dictionary by Merriam-Webster*. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed: August 24, 2019).
21. *Difference between Groundnut and Peanut*. DifferenceBetween.net. URL: <http://www.differencebetween.net/object/difference-between-groundnut-and-peanut/> (accessed: August 24, 2019).
22. English pronunciation of “lima bean”. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/pronunciation/english/lima-bean> (accessed: August 24, 2019).
23. Farris V. *Butter Beans vs. Lima Beans: What's the Difference?* FOOD52, 27.02.2018. URL: <https://food52.com/blog/21723-whats-the-difference-between-lima-and-butter-beans>(accessed: August 24, 2019).
24. Fodder crops and products. *Definition and classification of commodities (Draft)*. URL: <http://www.fao.org/waicent/faoinfo/economic/faodef/fdef11e.htm> (accessed: August 24, 2019).
25. Klein E. *A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language*. Amsterdam: Elsevier, 1971.
26. Liberman A. *Analytic Dictionary of English Etymology*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2008.

27. Oil-bearing crops and derived products. *Definition and classification of commodities (Draft)*. URL: <http://www.fao.org/waicent/faoinfo/economic/faodef/fdef06e.htm> (accessed: August 24, 2019).
28. *Online Etymology Dictionary*. URL: <https://www.etymonline.com/> (accessed: August 24, 2019).
29. *Oxford Advanced Learners' Dictionary*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed: August 24, 2019).
30. Pennington C.W. *Arte y vocabulario de la lengua dohema, heve o eudeva*. Mexico City: UNAM, 1981.
31. Pulses and derived products. *Definition and classification of commodities (Draft)*. URL: <http://www.fao.org/waicent/faoinfo/economic/faodef/fdef04e.htm> (accessed: August 24, 2019).
32. *The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots* [ed. C. Watkins]. Boston, MA: Houghton Mifflin, 2000.
33. Vegetables and derived products. *Definition and classification of commodities (Draft)*. URL: <http://www.fao.org/waicent/faoinfo/economic/faodef/fdef07e.htm> (accessed: August 24, 2019).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Винья-Тальянти Якопо, преподаватель кафедры иностранных языков
Омский государственный аграрный университет
ул. Институтская площадь, 1, г. Омск, Омская область,
644008, Российская Федерация
jacopo.vignataglianti@gmail.com

Казыдуб Нина Григорьевна, профессор кафедры садоводства,
лесного дела и защиты растений, д-р с.-х. наук
ул. Институтская площадь, 1, г. Омск, Омская область,
644008, Российская Федерация
ng-kazydub@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vigna-Taglianti Jacopo, lecturer, Department of Foreign Languages
Omsk State Agrarian University

1, Institutskaya square, Omsk, Omsk Region, 644008, Russian Federation

jacopo.vignataglianti@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8449-544X

Researcher ID: Y-3631-2019

Kazydub Nina Grigorevna, Full Professor, Department of Horticulture,
Forestry and Plant Protection, Dr. Agr. Sci.

Omsk State Agrarian University

1, Institutskaya square, Omsk, Omsk Region, 644008, Russian Federation

ng-kazydub@yandex.ru

SPIN-code: 8100-7068

ORCID: 0000-0002-2234-9647

Scopus ID: 57196259502

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-5-96-107

УДК 811.111

**ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ТЕРМИНЫ В АМЕРИКАНСКОМ
И БРИТАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ***Грубин И.В., Дмитриева Е.И.*

Актуальность исследования. Образование английских железнодорожных терминов неразрывно связано с развитием железнодорожного транспорта сначала в Великобритании, а затем и в США. При этом точность перевода профессиональных текстов во многом зависит от понимания территориальных различий между британской и американской терминологиями.

Цель исследования. Целью исследования является сравнительный анализ железнодорожной терминологии в британском и американском вариантах английского языка

Методы. К используемым методам можно отнести анализ словарных дефиниций, этимологический анализ, сравнительно-сопоставительный метод.

Результатом исследования является подтверждение гипотезы о том, что американская и британская железнодорожная терминология строят номинацию на основе разных ключевых признаков (например, в американском варианте английского языка, в основу номинации положены более узкие значения (ср. *controller* и *dispatcher*).

Область применения результатов. Полученные результаты могут быть использованы в ходе преподавания лексикологии и терминоведения, а также на практических занятиях по иностранному языку в транспортных вузах.

Ключевые слова: терминология; терминосистема; британский английский; американский английский.

RAILWAY TERMS IN AMERICAN AND BRITISH ENGLISH*Grubin I.V., Dmitrieva E.I.*

The relevance. The formation of English rail terminology is closely linked with the development of rail transport, first in the UK and then in

the USA. Thus, the accuracy while translating professional texts largely depends on understanding these territorial differences.

***Aim of the study** is the analysis of railway terms used in the American and British versions of the English language.*

***The methods used** include the analysis of vocabulary definitions, as well as the etymological analysis and the comparative method.*

***The result of the study** is the confirmation of the hypothesis that American and British railway terminology build a nomination on the basis of various key features (for example, American English uses more narrow features as the nomination basis (compare the terms controller and dispatcher).*

***The results obtained** can be used while teaching lexicology and terminology as well as professional English in transport engineering universities.*

***Keywords:** terminology; terminological system; British English; American English.*

Сегодня английский язык по праву можно считать международным языком. В настоящее время в мире существует несколько территориальных вариантов английского языка, таких как австралийский, американский, британский, ирландский. Из них наиболее используемыми являются американский английский и британский английский. На всем своем пути развития эти два варианта английского языка, равно как и другие, находились под сильным влиянием национального мышления носителей языка. Хотя для американцев и англичан родным языком является английский язык, восприятие мира у них различно в силу национального менталитета, разницы в историческом и культурном развитии. Представители каждой нации выделяют в объектах и понятиях те черты, которые являются для них наиболее значимыми и отражают характерное видение мира для каждой нации. Поэтому, можно утверждать, что национальные различия в восприятии окружающего мира имеют место не только в общепотребительном языке, но и в специализированных языках [2].

Целью статьи является рассмотрение различий железнодорожных терминов, используемых в американском и британском вариантах английского языка. Образование терминов любой области знания является результатом работы отдельных людей, представляющих ту или иную нацию (в данном случае американскую и британскую) с характерными для них особенностями восприятия мира, историко-культурными и языковыми условиями. Основной задачей данной работы является рассмотрение пар железнодорожных терминов, представленных в британском и американском вариантах английского языка. Для решения данной задачи использованы следующие методы: анализ словарных дефиниций, этимологический анализ, сравнительно-сопоставительный метод.

Актуальность рассмотрения железнодорожной терминологии обусловлена тем, что сегодня сложно представить современный мир с его различными видами промышленности, с всеохватывающими товарно-рыночными отношениями без использования железных дорог. В Великобритании и Соединенных Штатах Америки железнодорожный транспорт и железнодорожные перевозки играют важную роль во многих областях. Образование английских железнодорожных терминов неразрывно связано с развитием железнодорожного транспорта сначала в Великобритании, а затем и в США. При этом необходимо отметить тот факт, что железнодорожная терминология, как и любая другая, является крайне точной и стандартизированной [10], соответственно, ошибки при переводе британских или американских текстов, вызванные непониманием различий между этими двумя территориальными вариантами, являются недопустимыми.

Научная новизна работы обеспечивается современным материалом исследования, который включает в себя постоянно обновляемые интернет-издания.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в ходе преподавания таких теоретических дисциплин, как лексикология и терминоведение, а также на практических занятиях по иностранному языку в транспортных вузах.

Систему железнодорожных терминов в английском языке с самого начала формирования можно разделить на британскую и американскую. При анализе основных железнодорожных терминов, использовавшихся в Америке и Англии в период создания первых железных дорог, можно увидеть, как общие, так и характерные для каждой из наций термины. Первое показывает единство языкового сознания и восприятия окружающего мира носителей английского языка. Второе является проявлением национальных особенностей восприятия мира в процессе формирования терминологии.

На примере некоторых терминов из приведенного ниже списка можно наилучшим образом показать как общность, так и разницу между американской и британской железнодорожной терминологиями. Список составлен на основе материалов интернет-издания *Railway Gazette International*, содержащего материалы как британских, так и американских авторов и представлен в таблице:

UK	US	Рус.
railway	railroad	железная дорога
railwayman	railroader	железнодорожник
railway carriage repair works	railroad car repair plant	вагоноремонтный завод
permanent way	track structure	верхнее строение пути
sleeper	tie	шпала
shunting locomotive	switcher	маневровый локомотив
bogie	truck	вагонетка
driver	engineer	машинист
mixed traffic locomotive	general-purpose locomotive	универсальный локомотив
covered wagon	boxcar	крытый вагон
flat (or a flat wagon)	flatcar	платформа
open wagon	open wagon	полувагон
tanker tank wagon	tank car	вагон-цистерна
goods wagon	freight car	товарный вагон
refrigerator van	refrigerator car	вагон рефрижератор
hopper wagon	hopper car	вагон-хоппер
attendant	conductor	проводник
luggage	baggage	багаж

Окончание табл.

booking-office	ticket office	касса
commuter train	suburban train	пригородный поезд
direct train	through train	прямой поезд
inquiry office	information bureau	справочное бюро
return ticket	round-trip ticket	билет туда и обратно
single ticket	one-way ticket	билет в одну сторону
restaurant carriage	dining car	вагон-ресторан
interchange station	transfer station	станция пересадки
controller	dispatcher	диспетчер
carriage shed	car barn	место отстоя вагонов
marshalling yard	classification park	сортировочный парк
point	switch	стрелка
point blade	switch rail	стрелочный перевод
crossing sleepers	crossing ties	шпалы поперечные
steam locomotive	steam engine	паровоз
wagon	freight car	грузовой вагон
signalbox	signaltower	сигнальная башня (диспетчерская)
fishplate	jointbar	рельсовое стыковое скрепление.

[7]

Во-первых, стоит отметить ряд терминов, таких как «*rail*», «*track*», «*train*», которые имеют и в американской, и в британской терминологической системе одинаковое значение.

Термин «*rail*» был образован от латинского слова *regida* (брусок, планка). В английском языке слово «*rail*» появилось примерно во второй половине XVIII в., когда на различных шахтах стали применяться стальные рельсы вместо деревянных. Затем с образованием первых железных дорог в английском языке появился термин «*railway*», обозначающий железную дорогу. В американском варианте английского языка для термина, обозначающего железную дорогу, используется слово «*railroad*». В британском термине «*railway*» очевидно прослеживается сема «*путь*» (так как первые железные дороги появились в шахтах, а там были именно пути). В то же время, в американском термине *railroad* акцент сделан на семе «*дорога*» (т.е. маршрут, по которому можно добраться из одного

пункта в другой). Понятие *rail* является общим и для американцев, и для британцев, но производные от этого слова уже различаются в зависимости от национального восприятия мира. Соответственно, легко можно определить, к какой системе терминов относится тот или иной термин, в образовании которого используются **railway** либо **railroad**. Например: **railwayman** (UK) – **railroader** (US) (железнодорожник), **railway station** в (UK) – **railroad station** (US) (железнодорожная станция).

Термин «станция» также имеет разное обозначение в американском и британском варианте английского языка. Станция – это железнодорожный объект, по которому поезда регулярно совершают остановки для разгрузки, погрузки грузов, посадки и высадки пассажиров [7]. Понятие «станция» в британском варианте обозначается словом «**station**». Впервые слово «station» в качестве термина, обозначающего железнодорожную станцию, появилось около 1830 г. Данный термин восходит к значению слова «station», обозначающего с середины XVI в. «*a stopping place on a journey*» (остановка во время путешествия). Опираясь этим уже существующим на тот момент значением, британцы стали использовать слово «station» для обозначения железнодорожной станции. Термин «depot» появился в английском языке из французского языка и использовался для обозначения военного склада. Опираясь на близость значений, в британском варианте английского языка термин «depot» стал обозначать место для стоянки и ремонта составов. Американцы же тогда употребляли термин «**depot**» для обозначения понятия «станция». Сегодня в американском английском термин «depot» является устаревшим и вместо него используется термин «**train station**» («**depot** (US) – a station; now largely superseded by ‘train station’» [5, p. 75]), что с точки зрения американского восприятия мира является более адекватным названием железнодорожной станции. В данном термине акцент сделан на том, какое именно транспортное средство останавливается у станции.

Подобное явление, когда в основе образования термина в железнодорожной терминологии двух языков лежит разное восприятие

того, что является семантическим ядром термина также можно наблюдать, если сравнить наименование «паровоза». В “The Oxford English Dictionary” указано, что вначале XIX в. английском языке для обозначения понятия «паровоз» появился термин «*locomotive engine*» [5, p. 389]. Позднее произошло разделение данного термина. В британском варианте английского языка паровоз это – «*steam locomotive*», а в американском варианте паровоз стал обозначаться термином «*steam engine*». В американском термине в первую очередь преобладает сема «машина/двигатель», а в британском термине – сема «движение». Соответственно, машинист паровоза тоже называется по-разному. В Америки машинист – это **engine driver (engineer)**, а в Британии машинист – **locomotive driver (driver)**.

В качестве следующего примера можно рассмотреть термин «*блокпост*». Блокпостами назывались отдельные здания на определенных участках дороги, из которых осуществлялось управление светофорами и семафорами. В американской терминологии здание блокпоста получило название «**signal tower**» так как, по мнению американцев, ассоциировалось с башней. Британцы, в свою очередь, ассоциировали такие здание с коробкой или ящиком, что привело к наименованию «**signal box**». Служащего, работающего в таком здании, называли «**signal man**». Впоследствии, с развитием железнодорожного транспорта и железнодорожной инфраструктуры термин *signal man* разделился на «**controller**» в британском английском языке и «**dispatcher**» в американском английском. В основу данного термина у англичан положено то, что служащий именно контролирует движение поездов. Американцы главным признаком сделали то, что служащий следит за отправлением поездов.

Наиболее ярко разница в наименовании терминов в зависимости от национального восприятия мира видна при сравнении названий различных типов вагонов.

Когда создавались первые вагоны, англичане использовали уже употреблявшиеся в английском языке термины, наделив их новыми специальными значениями. Слова **carriage** (экипаж), **coach** (ка-

рета), **wagon** (повозка) употреблялись в английском языке уже с XIV–XVI вв. Британские железнодорожники начали использовать эти понятия в качестве наименований для новых железнодорожных реалий.

Термином **carriage** в начале существования железных дорог британские железнодорожники стали называть в основном ‘пассажирский вагон’. В словаре “The Oxford English Dictionary” (OED) термин **carriage** часто обозначает колесное транспортное средство для перевозки людей, а не грузов: «A wheeled vehicle for conveying persons. ... *railwaycarriage*...» [7, III, p. 132]. А в словаре “Oxford Dictionary of Current English” указанно значение термина **carriage** как именно пассажирского вагона в составе поезда: «a passenger vehicle in a train» [8, p. 129]. Термин «**coach**» использовался в английском языке с середины XVIв. и обозначал карету, запряженную лошадьми. С появлением железнодорожного транспорта у термина «**coach**» появилось новое значение – «комфортабельный вагон для перевозки большого числа пассажиров». Для обозначения пассажирского вагона в британском английском используются два слова **carriage** и **coach**.

Для общего обозначения грузового вагона в британской железнодорожной терминологии используется «**wagon**». Но в начале под термином «**wagon**» понимались не только грузовые вагоны. Согласно словарю “The Oxford English Dictionary” слово **wagon** используется для обозначения:

- covered or open wagon,
- third class wagon,
- any wagon in the train [7, XVII, p. 15].

По последнему пункту британский термин **wagon** сопоставим с американский термином **car**.

В американском варианте английского для наименования *пассажирского вагона* железнодорожники используют термин «**passenger car**» или, как и в Англии, «**coach**». Необходимо отметить тот факт, что в США большинство типов вагонов как пассажирских, так и грузовых обозначаются термином «**car**». Пассажир-

ский вагон будет именоваться как «**passenger car**», а грузовой вагон – «**freight car**».

На примере следующих терминов, представленных в таблице, можно увидеть разницу в наименовании различных типов грузовых вагонов между американскими и британскими железнодорожниками.

Великобритании	США
open wagon	gondola car
covered wagon	boxcar
flat wagon	flatcar
tanker tank wagon	tank car
goods wagon	freight car
hopper wagon	hopper car
restaurant carriage	dining car

Британские же железнодорожники давали названия различным типам вагонов, исходя из их сходства с уже известными им транспортными средствами или другими понятиями. Из примеров **open wagon – gondola car** и **covered wagon – boxcar** видно, что американские железнодорожники в наименовании этих вагонов на первое место ставили их форму, а их британские коллеги выносили на первый план отсутствие крыши у вагона.

Еще одним примером является термин «пригородный поезд». Для их обозначения в американском английском используется термин «**suburban train**», а в британском варианте используется «**commuter train**». В США в основу этого термина положено то, где используется данный вид поезда в предместье – **suburban**, а в Британии термин **commuter** (пассажир с сезонным билетом) призван показать, что этот поезд перевозит исключительно пассажиров.

В качестве последнего примера можно привести термины, обозначающие *рельсовое стыковое скрепление*. В британском английском это понятие получило наименование «**fish plate**» вследствие того, что соединительная деталь напоминала железнодорожникам рыбу. А американские железнодорожники сначала использовали британский термин, но потом заменили его на термин «**joint bar**»,

что, по их мнению, больше соответствовало внешнему виду используемой детали.

Так же стоит отметить тот факт, что железнодорожной терминологии, как и в общеупотребительной лексике наблюдается расхождение в орфографии, принятой в американском и британском вариантах английского языка. Например:

«signalling»(UK) – «signaling»(US);
«switching centre»(UK) – «switching center»(US);
«network control programme» (UK) – «network-control program» (US) [9]

На рассмотренных в качестве примеров терминах можно увидеть, что некоторые базовые понятия имеют в американской и британской традициях образования терминов национальное оформление. Это является отражением национального восприятия окружающего мира. Как отмечает известный культуролог и философ Г.Д. Гачев: *«... у каждого народа, культурной целостности есть свой склад мышления, что предопределяет картину мира, что здесь строится, и сообразуясь с которой и развивается история, и ведет себя человек, и слагает мысли в ряд, который для него доказателен, а для другого народа нет»* [1, с. 21–22]. Сравнение приведенных выше британских и американских железнодорожных терминов, показывает, что в основе номинации американской и британской терминосистем лежат разные принципы.

Список литературы

1. Гачев Г.Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. М.: Академический проект, 1995. 511 с.
2. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
3. Англо-русский железнодорожный словарь / Пронина Р.Ф., Бегун А.И., Волкова Н.С. и др. / под ред. А.Е. Чернухина. М.: Трансжелдориздат, 1958. 664 с.
4. Космин А.В., Космин В.В. Англо-русский железнодорожный словарь. М.: Маршрут, 2006. 960 с.

5. Connelly J.A., Curdy W.J. *The Railroaders' Dictionary*. Philadelphia: Railsearch Publishing Co, 1985. 235 p.
6. Jackson A. *The Railway Dictionary*. Gloucestershire: Sutton Publishing ltd., 2000. 368 p.
7. *The Oxford English Dictionary*. Oxford: Oxford University Press, 1989. 730 p.
8. *Oxford Dictionary of Current English*. Oxford: Oxford University Press, 2001. 1083 p.
9. *Railway Gazette International*. URL: <https://www.railwaygazette.com/> (дата обращения: 15.04.2019).
10. *International Union of Railways* URL: <https://uic.org/> (дата обращения: 7.06.2019).

References

1. Gachev G.D. *Kosmo-Psikho-Logos: Natsional'nyye obrazy mira* [Cosmo-Psycho-Logos: National images of the world]. M.: Akademicheskiy proyekt, 1995. 511 p.
2. Kornilov O.A. *Yazykovyye kartiny mira kak proizvodnyye natsional'nykh mentalitetov* [Language pictures of the world as derivatives of national mentalities]. M.: CheRo, 2003. 349 p.
3. *Anglo-russkiy zheleznodorozhnyy slovar'* [English-Russian railway dictionary]. M.: Transzheldorizdat, 1958. 664 p.
4. Kosmin A.B., Kosmin V.V. *Anglo-russkiy zheleznodorozhnyy slovar'* [English-Russian railway dictionary]. M.: Marshrut, 2006. 960 p.
5. Connelly J.A., Curdy W.J. *The Railroaders' Dictionary*. Philadelphia: Railsearch Publishing Co, 1985. 235 p.
6. Jackson A. *The Railway Dictionary*. Gloucestershire: Sutton Publishing. 2000. 368 p.
7. *The Oxford English Dictionary*. Oxford: Oxford University Press, 1989. 730 p.
8. *Oxford Dictionary of Current English*. Oxford: Oxford University Press, 2001. 1083 p.
9. *Railway Gazette International*. <https://www.railwaygazette.com/>
10. *International Union of Railways*. <https://uic.org/>

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Грубин Илья Валентинович, кандидат исторических наук, доцент,
кафедра иностранные языки-5
Российский университет транспорта (МИИТ)
ул. Образцова 9, стр. 9, г. Москва, Российская Федерация
Grubin.Ilya@yandex.ru

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук,
доцент, кафедра иностранные языки-5
Российский университет транспорта (МИИТ)
ул. Образцова 9, стр. 9, г. Москва, Российская Федерация
eidmitrieva@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Grubin Ilya Valentinovich, Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor, Department of Foreign Languages-5
Russian University of Transport
9/9, Obraztsova Str., Moscow, Russian Federation
Grubin.Ilya@yandex.ru

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences, As-
sociate Professor, Department of Foreign Languages-5
Russian University of Transport
9/9, Obraztsova Str., Moscow, Russian Federation
eidmitrieva@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-5-108-118

УДК 811.161.1

МЕЖДОМЕТНАЯ ФУНКЦИЯ ЗООНИМОВ В СОВРЕМЕННОМ РЕЧЕВОМ УПОТРЕБЛЕНИИ

Иванищева О.Н., Болгова Е.В.

*Цель работы – определить специфику междометной функции слов-зоонимов в современном русском языке (на материале зоонима «собака»). Материалом исследования явились названия животных из укрупнённых групп зоонимов, которые были извлечены методом сплошной выборки из «Большого толкового словаря русского языка» (под ред. С.А. Кузнецова). Было проанализировано около 490 зоонимов. Примеры речевого употребления были взяты из Национального корпуса русского языка. В исследовании использованы следующие **методы**: метод сплошной выборки, интроспекция, метод анализа словарных дефиниций, методы компонентного анализа, контекстуального и интерпретативного анализа.*

***Результаты.** Функции зоонимов в современном речевом русскоязычном употреблении представлены тремя группами: характеризующая, инвективная и междометная. Междометная функция, впервые описанная в настоящей работе, обусловлена наличием в значении слов-зоонимов пейоративной коннотации. Условиями реализации междометной функции являются наличие контекстных показателей, способствующих десемантизации основной и переносных значений слов-зоонимов. Основным признаком междометной функции зоонима является реализация прагматической семантики этой группы слов. Анализ материала показал, что слова-зоонимы в междометной функции выражают не только отрицательную эмоцию презрения, но и прагматику отношения к объекту восприятия.*

***Область применения результатов.** Результаты исследования могут быть применены в области лингвистической экспертизы, лексикографической практики, а также в области преподавания русского языка как иностранного.*

Ключевые слова: зоонимы; междометная функция; прагматическая семантика.

INTERJECTION FUNCTION OF ZOONIMES IN THE MODERN SPEECH USAGE

Ivanishcheva O.N., Bolgova E.V.

Purpose of work – to determine the specificity of the interjective function of word-zoonyms in the modern Russian language (on the material of the zoonym «dog»).

The material of the study was the names of animals from an enlarged group of zoonyms, which were extracted by the continuous sampling method from the *The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language* (edited by S.A. Kuznetsov). About 490 zoonyms were analyzed. Examples of their speech use were taken from the *National Corpus of the Russian Language*. The following methods were used in the study: continuous sampling, introspection, analysis of vocabulary definitions, component analysis, contextual and interpretive analysis.

The study showed that the functions of zoonyms in modern Russian-speaking speech usage are represented by three groups: characterizing, invective and interjective ones. The interjective function, first described in this paper, is due to the presence of pejorative connotation in the meaning of the zoonyms. The conditions for the implementation of the interjective function are the presence of contextual indicators that contribute to the desemantization of the main and figurative meanings of the words-zoonyms. The main sign of the interjective function of the zoonym is the implementation of the pragmatic semantics of this group of words. The analysis of the material showed that the zoonyms in the interjective function expressed not only the negative emotion of contempt, but also the pragmatics of the attitude to the object of perception.

The result of the research can be applied in the field of linguistic expertise, lexicographic practice, as well as in the field of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: zoonyms; interjective function; pragmatic semantics.

Введение

Актуальность работы обусловлена возрастающим интересом к такой группе слов, как зоонимы (названия животных), с точки зрения современной лингвокультурологии (см., например: [14; 15; 17]), когнитивистики и прагматики, а конфликтогенность данной группы слов является определяющим фактором в исследовании дискурсивных практик и решении проблем межкультурной коммуникации.

Новизна настоящего исследования состоит в выделении и описании ранее не представленной в литературе функции слов-зоонимов – междометной функции. **Цель** работы – определить специфику междометной функции слов-зоонимов в современном русском языке (на материале зоонима «собака»).

Материал и методы исследования

Материалом исследования явились названия животных из укрупнённых групп зоонимов: хищные млекопитающие, копытные млекопитающие, грызуны, приматы, морские млекопитающие, другие млекопитающие, земноводные животные (амфибии), пресмыкающиеся животные (рептилии), беспозвоночные животные, птицы, рыбы, насекомые, которые были извлечены методом сплошной выборки из «Большого толкового словаря русского языка» [1].

Было проанализировано 130 000 слов, среди которых обнаружено около 490 зоонимов. Примеры речевого употребления были взяты из Национального корпуса русского языка [5]. В исследовании использованы следующие методы: метод сплошной выборки, интроспекция, метод анализа словарных дефиниций, методы компонентного анализа, контекстуального и интерпретативного анализа.

Результаты исследования

Постановка вопроса

В последнее время зоонимы все больше и больше интересуют лингвистов как лингвокультурологический феномен. Лингвокультурологический потенциал зоонимов изучен достаточно подробно

на материале различных языков, в том числе в сопоставительном аспекте (см., например: [2; 10]).

Инвективность данной группы лексики не являлась до сих пор предметом комплексного исследования, но в литературе представлены мнения об особом употреблении этой группы слов как оскорбительной лексики, выделены критерии зоонимов как инвективных единиц, рассмотрены условия использования этих слов в функции, подразумевающей намерение породить конфликт (см., например: [3; 4; 7; 11]).

Функции зоонимов в литературе упоминаются в связи с рассмотрением особенностей переносного употребления зоонимов, а также индивидуально-авторского употребления. Тем не менее функции этой группы слов в современном речевом употреблении видятся нам намного шире.

Анализ материала показал, что функции зоонимов в современном речевом русскоязычном употреблении могут быть сведены к следующим: функция характеризующая (при характеристике человека), функция воздействия (функция обращения, инвективная функция (функция оскорбления (см.: [13])) и функция выражения эмоций (междометная).

Характеризующая и инвективная функция описана нами ранее (см.: [3]). В данной статье рассмотрена функция выражения эмоций, так называемая междометная функция.

Обсуждение результатов

Как известно, функция выражения эмоций свойственна такой группе слов, как междометия. По своим семантическим функциям выделяются междометия, обслуживающие сферы эмоций и эмоциональных оценок, волеизъявления и этикета. Большая часть междометий со специализированными семантическими функциями выражает отрицательные эмоции: презрение, пренебрежение и др. [8, с. 732–733].

Выражение отрицательных эмоций словами-зоонимами обусловлено наличием в их значении пейоративной коннотации.

Так, пейоративная коннотация лексемы «собака» представлена в словарях современного русского языка следующим образом: «о злом, жестоком, грубом человеке» [1, с. 1224]; «о злом, грубом человеке» [6, с. 739]. В таком значении зооним «собака» используется в современном речевом употреблении в характеризующей и инвективной функциях.

В толковых словарях современного русского языка указано и междоментное употребление зоонима – «употребляется как выражение одобрения, восхищения кем-л.» (*Он малый ловкий. И, нечего сказать, учен, Учен, **собака!*** Полонский, Свежее преданье; – *Ах, **собака**, что делает! – одобряли пляску зрители.* Скиталец, Огарки) [9, с. 169].

Анализ употребления зоонима «собака» в современной речевой практике показывает условия реализации его междоментной функции.

Ср. примеры: (1) *Очень хотел подвинуть парня. А он, **собака такая**, не сдается! – смеется Коротышкин* [Советский спорт, 16.08.2010]; (2) *Возникает ощущение, что как будто песни ты не помнишь или писал их совершенно не ты. Прямо удивляешься и думаешь: «Эх, **зараза**, как загнул, **собака!**»* [РБК Daily, 29.02.2008].

В данных примерах зооним «собака» употребляется как выражение отрицательной эмоции презрения. Примечательно, что контекст в таком случае содержит показатели эмотивности: в примере (1) это местоимение «такая», выражающее «сильную степень свойства, состояния или усиления оценки» [1, с. 1303], а в примере (2) сопоставление с обращением «зараза», также усиливающее отрицательную оценку объекта.

Кроме того, важным условием проявления «междоментности» зоонима является десемантизация основного (домашнее животное семейства псовых, родственное волку (используется человеком для охраны, охоты, езды в упряжке и т.п.) [1, с. 1224]) и переносных (о знающем, ловком, искусном в каком-либо деле человеке; знаток [1, с. 1224]) значений слова.

Необходимо отметить, что подобная десемантизация происходит при употреблении зоонима не только в междоментной, но и в характеризующей и инвективной функциях. Ср.: (1) *Это прощальный*

поцелуй. *Ты – собака!*», – заявил тогда журналист и был задержан [Комсомольская правда, 13.12.2011]; (2) В результате дает врагу материал на себя: «*Собака, нашел себе товарища! Я бегу на Дон, только не к твоему собачьему Сиверсу, а к генералу Краснову...*» [Известия, 25.09.2012].

В примерах (1) и (2) «собака» употребляется в одном и том же значении – «о злом, жестоком, грубом человеке» [1, с. 1224]. Но в примере (1) реализуется характеризующая функция зоонима, так как говорящий дает отрицательную характеристику объекту, чтобы повысить свой статус. А в примере (2) реализуется инвективная функция зоонима, чему способствует позиция слова «собака» как обращения (см. об этом: [3]).

Особого внимания заслуживают примеры употребления зоонима «собака» как бранного слова из толковых словарей русского языка (см.: [1; 9]). Сравнение примеров из двух словарей показывают их отличие в представлении функции зоонима. Ср.: (1) *Ты стрелял, с. (собака. – О.И., Е.Б.)? Отойди с дороги, с. (собака. – О.И., Е.Б.) паршивая!* [1, с. 1224]; (2) *Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьет, собака, в первом кабаке.* Пушкин, Капитанская дочка [9, с. 169]. По нашему мнению, пример (1) демонстрирует употребление зоонима «собака» в инвективной функции, а в примере (2) – в междометной.

Основным признаком междометной функции зоонима является, с нашей точки зрения, реализация прагматической семантики (см. [16]) этой группы слов. По мнению ученых, междометия – это не просто эталонные «эмотивные» единицы, выражающие внутренние переживания, но и подкласс интеръективов, выделяемый на основе критерия отношения говорящего к различным объектам [12, с. 218]. Применительно к анализируемому языковому материалу это означает, что примеры со словом-зоонимом в междометной функции выражают не только отрицательную эмоцию презрения (1), но и прагматику отношения к объекту восприятия (2).

Ср.: (1) *ЦК начал решать, что делать с дырой в 100 миллионов? Доллар-то, собака, все не падал* [Комсомольская правда, 18.02.2004]; (2) *Три года назад, когда Галкин выдал фразу: «Кто*

это так воет? Так это же собака Басков!», поклонники певца были страшно возмущены [Комсомольская правда, 20.12.2007].

В обоих примерах представлен объект номинации зоонимом «собака»: в примере (1) это доллар, в примере (2) это Басков. Но если в примере (1) слово «собака» употреблено как уточнение, что актуализирует эмотивность лексемы, то в примере (2) – как определение (приложение), подчеркивающее отношение к знаменитому певцу.

Выводы

Таким образом, функции зоонимов в современном речевом русскоязычном употреблении представлены тремя группами: функции характеризующая, инвективная и междометная. Междометная функция, впервые описанная в настоящей работе, обусловлена наличием в значении слов-зоонимов пейоративной коннотации. Условиями реализации междометной функции являются наличие контекстных показателей, способствующих десемантизации основной и переносных значений слов-зоонимов. Основным признаком междометной функции зоонима является реализация прагматической семантики этой группы слов. Анализ материала показал, что слова-зоонимы в междометной функции выражают не только отрицательную эмоцию презрения, но и прагматику отношения к объекту восприятия.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка. [Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов]. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.
2. Гукетлова Ф.Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале разноструктурных языков: французского, кабардино-черкесского и русского языков): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 431 с.
3. Иванищева О.Н., Болгова Е.В. Инвективная зоонимическая лексика русского языка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 8 (131). С. 122–125.
4. Маджуга Н.Н. Инвективная функция русских зоонимов в аспекте лингвоэкспертологии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 3 (180). С. 108–112.

5. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 01.12.2019).
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
7. Осадчук Н.В. Зооним как оскорбление в русском, французском и немецком языках // Молодой ученый. 2016. № 8 (112). С. 1150-1152.
8. Русская грамматика. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Издательство «Наука», 1980. 783 с.
9. Словарь русского языка: в 4 т. [Под ред. А.П. Евгеньевой]. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981-1984. Т. 4. С-Я. 1984. 794 с.
10. Солнцева Н.В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 32 с.
11. Уразахаева О.А. Зоонимы-конфликтогены в русском и английском языках // *Lingua Mobilis*. 2013. № 7 (46). С. 75-78.
12. Шкапенко Т.М. О прагматическом подходе к описанию междометий // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 217-221.
13. Insult as a linguistic and legal phenomenon / Ivanishcheva O.N., Bolgova E.V., Shadrina I.M., Gushchina A.V., Nikonov S.B. // *International Journal of Engineering & Technology*. 2018. vol. 7. № 4.38, pp. 216-219.
14. Ivanishcheva O.N. "It's too late to drink borjomi," or Russian cultural vocabulary in the modern language space // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. 2018. vol. 53, pp. 84-102. doi: 10.11649/sfps.2018.007
15. Ivanishcheva O.N. Culture in Contrastive Lexicographical Prospects // *English Linguistics Research*. Sciedu Press. 2013. vol. 2. №. 2, pp. 155-159.
16. Kiklewicz A. О коммуникативно-прагматических аспектах многозначности // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2014. № 5 (2), pp. 225-241.
17. Modern Philological Knowledge: Anthropocentrism and Linguistic Identity / Sedykh A.P., Ivanishcheva O.N., Koreneva A.V., Ryzkova I.V. // *International Journal of Engineering & Technology*. 2018. vol. 7. № 4.38, pp. 447-451.

References

1. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Norint, 2000. 1536 p.
2. Guketlova F.N. *Zoomorfnyj kod kul'tury v yazykovoj kartine mira (na materiale raznostrukturnyh yazykov: francuzskogo, kabardino-cherkesskogo i russkogo yazykov)* [Zoomorphic Code of Culture in the Linguistic Picture of the World (based on the Materials of Different Structural Languages: French, Kabardino-Circassian and Russian)]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow, 2009. 431 p.
3. Ivanishcheva O.N., Bolgova E.V. *Invektivnaya zoonimicheskaya leksika russkogo yazyka* [Invective Zoonymic Vocabulary of the Russian Language]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2018, no 8 (131), pp. 122–125.
4. Madzhuga N.N. *Invektivnaya funkciya russkih zoonimov v aspekte lingvoekspertologii* [Invective Function of Russian Zoonyms in the Aspect of Linguoexpertology]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019, no 3 (180), pp. 108–112.
5. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka* [The National Corpus of the Russian Language]. URL: www.ruscorpora.ru (accessed: 01.12.2019).
6. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik, 1999. 944 p.
7. Osadchuk N.V. *Zoonim kak oskorblenie v russkom, francuzskom i nemeckom yazykah* [Zoonym as an Insult in Russian, French and German]. *Molodoj uchenyj*. 2016, no 8 (112), pp. 1150–1152.
8. *Russkaya grammatika. T. I. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonaciya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian Grammar. T. I. Phonetics. Phonology. Stress Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow: Izdatel'stvo «Nauka», 1980. 783 p.
9. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: in 4 Volumes]. Moscow: Russkij yazyk, 1981–1984. T. 4. S.-Ya. 1984. 794 p.
10. Solnceva N.V. *Sopostavitel'nyj analiz zoonimov russkogo, francuzskogo i nemeckogo yazykov v etnosemanticheskom aspekte* [Comparative Analysis of Zoonyms of the Russian, French and German languages in the Ethno-semantic Aspect]. Omsk, 2004. 32 p.

11. Urazahaeva O.A. *Zoonimy-konfliktogeny v russkom i anglijskom yazykah* [Zoonomy-Conflict Generators in Russian and English]. *Lingua Mobilis*. 2013, no 7 (46), pp. 75–78.
12. Shkapenko T.M. O pragmaticheskom podhode k opisaniyu mezhdometij [On the Pragmatic Approach to the Description of Interjections]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017, no 1, pp. 217–221.
13. Ivanishcheva O.N., Bolgova E.V., Shadrina I.M., Gushchina A.V., Nikonov S.B. Insult as a linguistic and legal phenomenon. *International Journal of Engineering & Technology*. 2018, vol. 7, no 4.38, pp. 216–219.
14. Ivanishcheva O.N. “It’s too late to drink *borjomi*,” or Russian cultural vocabulary in the modern language space. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. 2018, vol. 53, pp. 84–102. doi: 10.11649/sfps.2018.007
15. Ivanishcheva O.N. Culture in Contrastive Lexicographical Prospects. *English Linguistics Research*. Sciedu Press. 2013, vol. 2, no 2, pp. 155–159.
16. Kiklewicz A. O коммуникативно-прагматических аспектах многозначности [On the communicative-pragmatic aspects of polysemy]. *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2014, no 5 (2), pp. 225–241.
17. Sedykh A.P., Ivanishcheva O.N., Koreneva A.V., Ryzkova I.V. Modern Philological Knowledge: Anthropocentrism and Linguistic Identity. *International Journal of Engineering & Technology*. 2018, vol. 7, no 4.38, pp. 447–451.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Иванищева Ольга Николаевна, профессор кафедры филологии и медиакоммуникаций, доктор филологических наук, профессор Мурманский арктический государственный университет
ул. Капитана Егорова, 15, г. Мурманск, Мурманская область,
183038, Российская Федерация
oivanishcheva@gmail.com

Болгова Елена Викторовна, аспирант кафедры филологии и медиакоммуникаций
Мурманский арктический государственный университет
ул. Капитана Егорова, 15, г. Мурманск, Мурманская область,
183038, Российская Федерация
ass-elena@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Ivanishcheva Olga Nikolaevna, Professor, Department of Philology
and Mediacommunication, Ph. D. in Philology

Murmansk Artic State University

*15, Kapitan Egorov Str., Murmansk, Murmansk Region, 183038,
Russian Federation*

oivanishcheva@gmail.com

SPIN-code: 1082-6004

ORCID: 0000-0001-8495-0502

ResearcherID: D-1120-2015

Scopus Author ID: 57164798000

Bolgova Elena Viktorovna, Ph. D. student

Murmansk Artic State University

*15, Kapitan Egorov Str., Murmansk, Murmansk Region, 183038,
Russian Federation*

ass-elena@rambler.ru

SPIN-code: 1712-9088

ORCID: 0000-0002-9845-4638

ResearcherID: AAH-2887-2019

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-5-119-133

УДК 81'42

СТРУКТУРНО СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗВАНИЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ БЛЮД

Иванова С.Н., Мучкина Е.С., Немчинова Н.В., Селихова С.Г.

Цель. Как в далеком прошлом, так и в современном мире культура питания играет значительную роль в жизни человека. При этом контекст потребления пищи, как правило, национально обусловлен и в значительной мере отражает культурные и социально-религиозные особенности этносов. В данной статье исследуется особый аспект англоязычного глоттонического дискурса – система номинации англоязычных блюд, а именно их структурно-семантические особенности и прагматическая специфика.

Метод или методология проведения работы. Анализ практического материала осуществлялся путем использования метода семантического анализа, дефиниционного анализа, интерпретационного анализа.

Результаты. Результатом исследования стала классификация названий блюд, построенная с учетом семантического признака и отражающая прагматические особенности номинации блюд в меню.

Область применения результатов. Результаты исследования могут найти применение в вузовских курсах по лексикологии, межкультурной коммуникации, семантике.

Ключевые слова: глоттонический текст; глоттонический дискурс; меню; номинация блюд; семантика; прагматика.

STRUCTURAL SEMANTIC FEATURES OF THE NAMES OF ENGLISH DISHES

Ivanova S.N., Muchkina E.S., Nemchinova N.V., Selikhova S.G.

Purpose. Both in the distant past and in the modern world, food culture plays a significant role in human life. The context of food consumption, as a rule, is nationally determined and largely reflects the cultural

and socio-religious characteristics of ethnic groups. This article explores a special aspect of the English-language gluttonic discourse – the nomination system of English-language dishes, namely their structural and semantic features and pragmatic specifics.

Method or methodology of the work. *The analysis of practical material was carried out using the method of semantic analysis, definition analysis, and interpretation analysis.*

Results. *The result of the study was a classification of the names of dishes, developed taking into account the semantic attribute and reflecting the pragmatic features of the nomination of dishes in the menu.*

Practical implications. *The research results can be used in university courses in lexicology, intercultural communication, semantics.*

Keywords: *gluttonic text; gluttonic discourse; menu; dish nomination; semantics; pragmatics.*

История человеческой цивилизации тесно связана с пищевыми ресурсами, составляющими одну из базовых потребностей человека. Следует отметить, что каждый этнос при этом имеет свои собственные вкусовые предпочтения, которые составляют глуттоническую картину мира и отражаются в ткани языка, а именно в глуттонических текстах. Поясним, что термин «глуттонический» введен в лингвистический обиход А.В. Оляничем и понимается им как термин, который коррелирует с понятием гастрономии (знания поваренного искусства и умения пользоваться его производными), и соотносится с когнитивной системой глуттонии любой этнокультуры [Олянич 2004].

В современной лингвистике часто используется термин «глуттонический дискурс», являющийся «сложным коммуникативным явлением, которое соотносится с языковым отражением физиологических потребностей человеческого организма в области пищевых предпочтений» [Ермакова, 2011: 14].

По своей форме и структуре глуттонический дискурс содержит большой набор экстралингвистических свойств, так как он отражает культурные, языковые, религиозные, этнические и идеологиче-

ские картины мира и является частью гастрономической картины мира. Его социально-культурными ценностями являются формирование норм морали, этикета, составление мировоззрения и даже вкусовых предпочтений у потребителя.

Внутри глоттонического дискурса четко выделяются различные жанры, которые отличаются своим функциональным предназначением: меню, рецепты, кулинарные гиды, гастрономические фрагменты художественных произведений, гастрономическая реклама, кулинарные передачи и др.

Значительную роль в гастрономической культуре и глоттоническом дискурсе играет меню. Меню как особый жанр глоттонического дискурса обладает своими отличительными чертами. Рецепиентом, погруженным в гастрономический дискурс, выступает лицо, читающее меню. Хронотопом в этом случае является момент выбора блюд перед приемом пищи. Место осуществления дискурса – объекты общественного питания [Ундрицова, 2015].

Одной из ключевых функций меню можно считать информативность, поэтому кроме названия блюда меню информирует о цене, весе порции, иногда о внешнем виде блюда, предоставляя фотографию и, более того, в рамках меню название блюда может сопровождаться разными дополнениями, например, перечислением отдельных ингредиентов, особенностей его приготовления, описанием.

Для удобства клиентов традиционное меню обычно разбивается на секции. Выделяют следующие секции: горячие блюда, супы, закуски, морепродукты, вегетарианские блюда, фирменные блюда, напитки, салаты, десерты и др. Несмотря на то, что названия и количество секций могут меняться в зависимости от специфики заведений, общей чертой для них остается лаконичность.

Гастрономические номинации, репрезентирующие блюда в рамках меню, создаются таким образом, чтобы пробудить живые картины в воображении читателя, поэтому в меню, в отличие от других жанров глоттонического дискурса, наиболее ярко проявляются «языковые игры». Под языковой игрой, мы, вслед за Ю.О. Коноваловой, будем понимать «комплекс средств, формирующих особую

сферу языка, который отличается специфическим функционированием в разговорной речи и свидетельствует о творческих способностях говорящего» [Коновалова, 2008: 163].

Не менее важным фактором в представлении блюда является описание, поскольку здесь раскрываются ингредиенты, которые входят в состав приобретаемого продукта и расписываются способы механической и термической обработки, что способствует привлечению внимания клиента.

И, поскольку обозначенные в гастрономических номинациях способы приготовления и продукты, преобладающие в той или иной кухне, а также языковые игры, имеющие эффективность в рамках данной лингвокультуры, несут в себе культурный код общества, под которым В. В. Красных понимает некую «сетку», которую культура своеобразно «набрасывает» на окружающую действительность, «... членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [Красных, 2002: 232], можно сказать, что гастрономическое меню в полной мере отражает гастрономическую культуру данного социума, так как изначально формируется с учетом психологических, в том числе и культурно обусловленных, особенностей его представителей.

Гастрономия Великобритании разнообразна и тесно связана с ее историей. Н. Ховард, описывая историю туманного Альбиона, говорит: «Сначала были викинги, за которыми последовали римляне, и даже французы со временем принесли на английский стол плавильный котел ингредиентов и продуктов. Это влияние хорошо заметно во вторжении франко-норманнов, которые принесли специи из шафрана, мускатного ореха, перца, имбиря и сахар. Средневековая английская кулинария изобилует рецептами, содержащими эту экзотическую еду, и эти ингредиенты по-прежнему можно встретить в английской кухне в традиционных рецептах» [Haward, 2006: 26].

Территория проживания англосаксонского этноса предоставляет большие возможности для добычи базовых ресурсов существования. Е.Г. Шахнубарян отмечает, что в англосаксонской системе глоттонии преобладали естественные источники пищи, добывался

зверь, собирались грибы, ягоды, желуди для кормления свиней, лекарственные травы, выкашивалось сено, выращивались агрикультуры (леса, долины, плодородные пахотные земли). Самые известные рестораны Лондона часто акцентируются на английских традиционных блюдах «от свеклы до свиных ножек и требухи. У кулинаров вновь входят в моду такие традиционные продукты, как ревень или черный (кровяной) пудинг. Кроме того, все более широкое применение находят сезонные и экологически чистые продукты» [Шахнубарян, 2016: 160].

Анализ практического материала позволил выделить несколько способов номинации блюд:

1. Номинации, обусловленные составом и способом приготовления блюда
2. Номинации, связанные с локальной отнесенностью блюда:
 - номинации, отражающие местность, которая исторически считается местом изобретения блюда;
 - номинация, связанная с традициями национальной кухни;
 - номинации фирменных блюд, включающих в себя название ресторана;
3. Креативные номинации.
4. Номинации, указывающие на время приема пищи (сезон; день недели; часть дня);
5. Номинации в честь личностей (создатель блюда; известная личность);
6. Номинации в честь праздников.

Рассмотрим каждый способ подробнее. Номинации, обусловленные составом и способом приготовления блюда, встречаются в англоязычном меню довольно часто. В большинстве случаев название блюда, связанное со способом его приготовления или способом приготовления его отдельных ингредиентов, включает в свое название перечисление одного или нескольких доминирующих в составе данного блюда продуктов. Например, такие мясные блюда, как *Smoked Turkey & Cheddar*, *Roasted Chicken & Goat Cheese*, *Smoked Turkey & Avocado*, *Aged rib eye burger with mozzarella*. В данных

номинациях акцент ставится на ведущий ингредиент и способ пищевой обработки, а второстепенный ингредиент указывается для создания более детального образа блюда.

Уточнение способа приготовления отдельного составляющего блюда, а не всех его ингредиентов в совокупности, также часто используется в названиях салатов: *Crushed pea salad*, *Chopped chicken salad*, *BBQ chicken salad*, *Marinated beetroot salad*. При этом в состав салата может входить еще несколько приготовленных различными способами или необработанных ингредиентов.

С семантической точки зрения номинации, сообщающие о способе приготовления и обработки можно подразделить на номинации со значением:

- способа нарезки: *Chopped chicken salad*;
- добавления приправы: *Seasoned fries*, *Powdered duck breasts*;
- придания формы: *Egg naan roll*, *Bacon wrapped dates*, *Eggs et cocotte*;
- качественного изменения продукта: *Scrambled eggs*, *Grinded beef*;
- термической обработки: *Fried egg sandwich*, *Baked beans*, *Smoked salmon*, *Roasted sprouts*, *Poached eggs*, *Grilled cheese*, *Braised celery*, *Iced caramel*.

Для обозначения способа обработки или кондиции блюда также могут использоваться итальянские языковые единицы, такие как «*Al Forno*» и «*Al Dente*». «*Al Forno*» (от итал. приготовленный в печи): *Lasagne Al Forno*, *Pasta Al Forno*. «*Al Dente*» (от итал. на зубок. Характерной особенностью продуктов, приготовленных «*al dente*», является сохранение ими после термической обработки ощутимой при укусе внутренней упругости): *Pasta Al Dente*, *Vegetables Al Dente*.

Полный состав может быть отражен в несложном названии только в тех случаях, когда блюдо гомогенно, и при отсутствии акцента на соусы и приправы. Такие названия могут не отражать способ их приготовления, но в таком случае в обычных заведениях их помещают в специальную секцию меню (*Grill*, *Bakery* etc).

Однако, заведения, базирующиеся на той или иной национальной кухне, или рестораны высокого уровня не выделяют такие блюда в отдельные секции, т.к. их типичный контингент посетителей обладает пресуппозицией по отношению к технологии производства указанного блюда. В *The Ritz*, ресторане обладающем звездой Мишлен, акцент ставится именно на состав: *Loin of lamb, Fillet of lamb, Terrine of goose liver*, они не определены в отдельную секцию и представляют собой название главного ингредиента без какого-либо уточнения. То же происходит и с блюдами национальной кухни, например, такие блюда в английских ресторанах китайской кухни, как *Mixed vegetables, Mushrooms and Chicken*, которые в лучших традициях китайской кухни приготовлены в большом количестве масла на вок-сковороде, или *Brown rice*, который обычно подается в пропаренном виде.

Однако, как было отмечено ранее, при номинации блюд с гомогенным составом также может использоваться схема «продукт + способ приготовления». Уточнение способа приготовления обусловлено использованием данного продукта в широком диапазоне блюд разного характера, а также большого количества способов его обработки как отдельного ингредиента: *Grilled rhubarb, Poached rhubarb, Rhubarb jelly*, или вариации приготовления такого популярного продукта в европейских странах, как шпинат: *Wok cooked spinach, Boiled spinach, Sauted spinach*.

Близкими по своему названию к блюдам с гомогенным составом являются блюда, содержащие продукты одной категории. Например, овощные блюда: *Vegetable Spring Rolls, Vegetable tricolore* (подразумевает наличие трех видов овощей), *Veggie pot*; блюда, содержащие морепродукты: *Seafood cocktail, Shrimp trio, Seafood basket, Seaside Sampler*.

В англоязычных меню также присутствуют названия, основанные на составе и блюда и добавленных в него соусах. В меню часто представлены блюда, при приготовлении которых используются соусы из разных регионов мира: азиатские соусы (*Teriyaki salmon, Tofu teriyaki, Chicken-Asparagus Negimaki, Sweet and Sour Chicken*),

итальянские соусы (*Spaghetti bolognese, Lasagna Bolognese, Pesto chicken, Pesto muffins*), французские соусы (*Asparagus with Cheese Béchamel, Béchamel Lasagna, Tuna tartar*).

Гастрономическая номинация может отражать разные виды связи «блюдо – место». Следует выделить номинации, отражающие местность, которая исторически считается местом изобретения блюда. Так, например, считается, что *California Roll* был создан в 1973 году Итиро Маситой, шеф-поваром ресторана *Tokyo Kaikan* в Лос-Анджелесе. В 80-х годах он распространился и по другим штатам, потом стал известен в Японии, а затем – во всём мире. Или *Cornish ice cream* – вид мороженого, впервые сделанного в Корнуолле на юго-западе Великобритании. При его изготовлении используются корнишские свернутые сливки.

Также существует вид номинации, при которой акцент ставится не на место изобретения, а на связь состава или способа приготовления блюда с какой-либо национальной кухней. Это может быть отражено как в названии страны, так и в названии ее отдельного города: *Greek-style yogurt* – йогурты, подобные греческому, выпускаются и в других европейских странах, однако они в основном уплотняются путём добавления загустителей, а даже если и производятся по традиционной греческой технологии, производятся из местного молока, а не греческого. Йогурт, приготовленный по греческому рецепту, имеет более богатую структуру и одновременно характеризуется гораздо более низким содержанием жиров по сравнению с обычным йогуртом.

Следующая, наименее распространенная группа номинаций – номинации фирменных блюд, включающих в себя название ресторана. Они представляют собой вариации уже существующих блюд, но, тем не менее, создают референцию к местам их трансформации. *Tupelo Honey Cafe's Herbed Panko Fish Risotto* – одно из фирменных блюд места под названием *Tupelo Honey Cafe's*. В то время как традиционное рыбное ризотто готовится из лосося, в данной вариации используют рыбу махи-махи, а так же сыр и томаты, которые не являются ингредиентами оригинального рыбного ризотто.

Daniel's Restaurant Lasagna – вариация лазаньи, которую готовит шеф-повар Дэниэль Перри в своем ресторане. Его лазанья – это слои свежей пасты, наполненные сыром рикотта и моцареллой, вместо твердых сортов сыра, свежим фаршем цыпленка и подаваемые с соусом маринара, вместо типичных для лазаньи соусов бешамель или болоньезе.

Учитывая, что основной целью меню является сбыт блюда, оно составляется таким образом, чтобы посетитель захотел приобрести предлагаемые блюда, что по многим критериям сближает некоторые номинации блюд в меню с рекламой. В данном случае тексты меню могут быть оценены как феномен “*low text – high context*”. Рестораторы заинтересованы в творческих номинациях, поэтому ими, часто намеренно, создается коммуникативная ситуация, когда потребитель оказывается включенным в условия языковой игры.

Языковая игра в рамках номинации блюд проявляется на разных уровнях языка: фонетическом, лексическом и словообразовательном.

На лексическом уровне языковая игра может строиться на использовании идиоматического выражения в качестве названия, например, *Toast of the town* для тостов в утреннем меню, чье значение «человек, популярный в обществе» переносится на обжаренный хлеб и создает ему соответствующий образ. При этом происходит снятие образности с выражения и возвращение к первичному, прямому значению слова *toast*. Для того чтобы этот прием языковой игры сработал, реципиент должен обладать соответствующей культурной пресуппозицией.

Часто встречается лексическая игра, при которой создаются новые смысловые связи в языке. Создание имиджа блюда происходит при номинации с использованием языковых единиц, которые относят блюдо к какой-либо группе населения или общественному слою. Такие референции создают соответствующие образы в сознании посетителей. Обратимся к примерам.

Vegan billionaire – здоровое, вегетарианское блюдо из приготовленных на пару овощей, название которого намекает на статусность заказчика.

Builders breakfast – очевидно представляет белковый завтрак, для тех, кто занимается тяжелым физическим трудом и кому требуется много сил и энергии.

Farmers plate – название, упоминающее ферму, в той или иной степени заставляет потребителя поверить, что все продукты, использованные при приготовлении данного блюда, являются экологическими и свежими.

Также названия блюд часто связаны с предметами и явлениями, вызывающими у потребителя приятные ассоциации: *Porridge of the Gods*, *The lion power smoothie*, etc.

Фонетическая игра может проявляться в рифмовке, ассонансе или аллитерации: *Mumbo jumbo combo*, *Fiery piri piri wings*, *Messy Jessy BBQ chicken*, *Oscar wrap-a-doodle-doo*.

На лексическом уровне также обыгрываются фразовые выражения, включающие в себя названия продуктов: *Go Bananas* – десерт из банана и шоколада, *Oreo's go nuts* – десерт, в состав которого входит печенье *Oreo* и арахисовая паста.

Названия блюд могут быть представлены в форме аббревиатуры. В одном случае аббревиатура специально создается для того или иного блюда, основывается на его составляющих и расшифровывается соответственно: *BEC* – *Beacon, Egg, Cheddar*; *BLT* – *Beacon Lettuce Tomato*, следовательно, в таких названиях нет языковой игры. Однако иногда при использовании аббревиатур в номинации блюд можно встретить реализацию языковой игры на фонетическом уровне, например, *OMG chicken wrap*, где «*OMG*» из принятого «*Oh My God*» превращается в «*Oh My Garlic*» и сообщает о том, что в блюде содержится чеснок.

Наиболее интересны случаи языковой игры на грани фонетики и словообразования, например, такие собственно окказиональные образования как: *Vincent man Gogh* (десерт из манго, в названии которого используется имя художника с заменой буквы, а, соответственно, и звука [v] на [m] так, чтобы вторая часть звучала схоже со словом «манго»), *Ham so eggsated* (в данном названии происходит замена словом «egg» первой части слова «*excited*», при котором сохраняется фонетическая оболочка слова), etc.

В рамках детского меню можно найти отдельный вид креативных названий. Чаще всего языковая игра в них основана на внешних характеристиках блюда, так как дети не могут в полной мере постичь ассоциативный потенциал слов. Приведем пример. *Dinosaur-shaped chicken nuggets* – подается в ресторане, где главной тематикой всего оформления являются динозавры, а *Lava Mud* – сливочный шоколадный пудинг с измельченным печеньем *Oreo* и мармеладными червями. В то время как для взрослого человека это название может звучать неаппетитно и отталкивающе, ребенок воспримет все как шутку.

Также в названиях блюд в пределах одного меню можно найти игру на контрастности. Сначала в перечне дается обычное название, а затем название, вызывающее более высокую степень аттракции, например, такие пары названий, как *The little boss – The boss*, *Boring fries – Cheesy fries*.

Таким образом, в рамках меню языковая игра проявляется на разных уровнях языка, что говорит о ее эффективности в применении по отношению к продвижению, рекламе и продаже блюд. Исследование показало, что фонетический и лексический уровни языка дают большие возможности для реализации творческого потенциала языка и позволяют осуществить авторскую задумку в процессе номинации блюд.

1. Номинация блюда может указывать на время приема пищи: сезон года (*Summer pudding*, *Seasonal fruit salad*), день недели (*Sunday roast*, *Thursday gnocci*), часть дня (*Overnight Crock-Pot Egg Casserole*, *Egg Breakfast Muffins*, *Open-Face Breakfast Sandwich*, *Morning Glory Muffins*).

Также существуют блюда, названные в честь праздника и приготовленные по случаю торжества:

- Рождество (*Christmas pudding*, *Christmas-ready mincemeat pies*, *Twelfth Night Cake* (традиционно подается в последний день Рождества), *Christmas turkey*);
- Пасха (*Easter cake*, *Pesach brownies*);
- День рождения (*Birthday cake*, *Birthday Pasta*);

- Хэллоуин (*Halloween Baked Rats, Halloween Jack-o'-Lantern Beef Pies, Halloween Meatloaf, Tina's Halloween Quesadillas*);
- Новый Год (*New Year's Black-Eye Pea Dip, New Year's Soup, New Year's Champagne Punch*);

Еще один вид номинации блюд: номинация в честь известных людей. При номинации с использованием имени человека могут отражать создателя блюда, как например, в случае *Caesar salad* – салат получил название по имени его изобретателя – американского повара итальянского происхождения Цезаря Кардини. Номинации блюд также могут представлять собой акт уважения по отношению к той или иной известной личности: *The Arthur, Elvis cocktail*.

Итак, подводя итоги, можно отметить, что самым распространенным способом гастрономической номинации является обозначение состава и способа приготовления блюда. В центре англоязычной глуттонии располагаются преимущественно номинации яиц, овощей, мяса и рыбы. Антропонимы также часто встречаются в английском меню и несут информацию о создателе блюда или являются данью уважения знаменитым людям. Креативные названия используются часто и характерны как для взрослого меню, так и для детского меню. Еще одной особенностью является тот факт, что многие номинации блюд являются многокомпонентными, т.е. отражают несколько характеристик блюда.

Список литературы

1. Ермакова Л.Р. Глуттонические прагматонимы и национальный характер: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Белгород, 2011. 236 с.
2. Коновалова Ю.О. Языковая игра в современной русской разговорной речи. Владивосток: ВГУЭС, 2008. 196 с.
3. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
4. Олянич А.В. Потребности – дискурс – коммуникация. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
5. Ундрицова М.В. Глуттонический дискурс: лингвокультурологические, когнитивно-прагматические и переводческие аспекты (на ма-

- териале русского, английского, французского и греческого языков): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2015. 204 с.
6. Шахнубарян Е.Г. Этнокультурные различия англо- и русскоязычной гастрономии в дискурсивных практиках лингводидактики // *Дискурс-Пи*. 2016. Вып. 3-4. С. 143–144.
 7. Haward N. Traditional food in Britain // *Bridge*. 2006. P. 26–29. http://www.bridge-online.cz/wp-content/uploads/2016/09/36_food_uk_usa_austr_newzel_cz.pdf

References

1. Ermakova L.R. *Gljuttonicheskie pragmatonimy i nacional'nyj harakter* [Gluttonic pragmatonyms and national character]. Belgorod, 2011. 236 p.
2. Konovalova Ju.O. *Jazykovaja igra v sovremennoj russkoj razgovornoj rechi* [Language game in modern Russian colloquial speech]. Vladivostok: VGUJeS, 2008. 196 p.
3. Krasnyh V.V. *Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology]. M.: Gnozis, 2002. 284 p.
4. Oljanich A.V. *Potrebnosti – diskurs – komunikacija* [Needs – discourse – communication]. Volgograd: Paradigma, 2004. 507 p.
5. Undricova M.V. *Gljuttonicheskij diskurs: lingvokul'turologicheskie, kognitivno-pragmaticheskie i perevodcheskie aspekty (na materiale russkogo, anglijskogo, francuzskogo i grecheskogo jazykov)* [Gluttonic discourse: linguistic and cultural, cognitive-pragmatic and translation aspects (based on Russian, English, French and Greek languages)]. M., 2015. 204 p.
6. Shahnubarjan E.G. *Diskurs-Pi*. 2016. Issue 3-4. P. 143–144.
7. Haward N. Traditional food in Britain. *Bridge*. 2006. P. 26–29. http://www.bridge-online.cz/wp-content/uploads/2016/09/36_food_uk_usa_austr_newzel_cz.pdf

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Иванова Светлана Николаевна, студентка 4 курса

Сибирский федеральный университет

Проспект Свободный, 82А, г. Красноярск, 660041, Российская

Федерация

svetkonay@mail.ru

Мучкина Екатерина Сергеевна, доцент кафедры теории германских языков и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук
Сибирский федеральный университет
Проспект Свободный, 82А, г. Красноярск, 660041, Российская Федерация
mes_kras@mail.ru

Немчинова Наталья Викторовна, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных направлений, кандидат филологических наук
Сибирский федеральный университет
Проспект Свободный, 82А, г. Красноярск, 660041, Российская Федерация
natalyales.84@gmail.com

Селихова Светлана Григорьевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков для гуманитарных направлений
Сибирский федеральный университет
Проспект Свободный, 82А, г. Красноярск, 660041, Российская Федерация
selihovas@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ivanova Svetlana Nikolaevna, 4th year student
Siberian Federal University
82A, Svobodny pr., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Krai, 660041, Russian Federation
svetkonay@mail.ru

Muchkina Ekaterina Sergeevna, Associate Professor, Department of German Languages and Intercultural Communication, Ph. D. in Philology
Siberian Federal University
82A, Svobodny pr., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Krai, 660041, Russian Federation
mes_kras@mail.ru

Nemchinova Natalya Viktorovna, Associate Professor, Department of Foreign Languages for Humanities, Ph. D. in Philology
Siberian Federal University
82A, Svobodny pr., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Krai, 660041, Russian Federation
natalyales.84@gmail.com

Selikhova Svetlana Grygorievna, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages for Humanities
Siberian Federal University
82A, Svobodny pr., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Krai, 660041, Russian Federation
selihovas@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-5-134-140

УДК 811.512.141

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПЕРЕВОДА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ
НА МАТЕРИАЛЕ МНОГОТОМНОЙ БАШКИРСКОЙ
ЭНЦИКЛОПЕДИИ НА БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ**

Кабилова Г.У.

***Цель.** В данной работе рассматриваются наиболее распространенные трудности, возникающие при переводе научно-технических терминов, а также пути достижения адекватности и эквивалентности перевода терминов с русского на башкирский язык при разработке многотомной энциклопедии на башкирском языке. В настоящее время особенности перевода технических терминов на башкирский язык изучены недостаточно: нет специальных словарей, глоссариев и т.д. Автор ставит целью изучить научно-технические термины и способы их перевода.*

***Метод работы.** В ходе исследования были использованы методы обобщения языковых фактов, сравнительный метод.*

***Результаты.** В процессе исследования были выявлены и проанализированы основные способы перевода технических терминов на башкирский язык: заимствование, калькирование, дословный и описательный перевод. Кроме того, были определены особенности применения каждого способа перевода. Был сделан вывод о необходимости комбинирования данных способов перевода.*

***Область применения результатов.** Результаты исследования могут быть применены при составлении терминологических словарей, при переводе технической документации на башкирский язык.*

***Ключевые слова:** перевод; энциклопедическая статья; научно-технический текст; перевод терминов; переводческие приемы; транслитерация; калькирование; описательный перевод.*

TOPICAL ISSUES OF TRANSLATING SCIENTIFIC AND TECHNICAL TERMS AS BASED ON THE MATERIAL OF THE MULTIVOLUME BASHKIR ENCYCLOPEDIA

Kabirova G.U.

Purpose. *The present article deals with certain most common difficulties of translating scientific and technical texts as well as ways to achieve adequacy and equivalence of translation of the terms from Russian into Bashkir in the development of a multivolume encyclopedia in the Bashkir language. The peculiarities of translation of technical terms into the Bashkir language have been insufficiently studied so far: at present there are neither special dictionaries nor glossaries, etc. The author aims to study scientific and technical terms as well as ways of translating them.*

Methodology. *The basis of the research is the method of generalizing language facts and the comparative method.*

Results. *In the process of the research the main ways of translation of technical terms into Bashkir are identified and analyzed, i.e. borrowing, calquing, literal and descriptive translation. In addition, peculiarities of using each way of translation have been determined. The author concludes that it is necessary to combine those ways of translation.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in compiling terminological dictionaries, translating the technical documentation into the Bashkir language.*

Keywords: *translation; encyclopedic article; scientific and technical text; translation of terms; translation techniques; transliteration; calque; descriptive translation.*

Вслед за стремительным научно-техническим развитием большую актуальность в 21 в. получают исследования, связанные с терминологией, терминосистемой башкирского языка.

Данное исследование посвящено проблемам перевода технических терминов на башкирский язык на материале многотомной Башкирской энциклопедии (далее – БЭ). Такой выбор материала

обусловлен стремлением рассмотреть башкирскую техническую терминологию на современном этапе развития.

Вопросы терминологии освещались в трудах таких отечественных ученых, как А.А. Реформатский, В.П. Даниленко, В.М. Лейчик, С.В. Гринев-Гриневиц и др. В башкирской лингвистике мало работ, специально посвященных техническим терминам, хотя накоплен достаточный материал.

Как и большинство национальных энциклопедий, башкирский вариант многотомной энциклопедии является переводным изданием и подготовлен на основе статей БЭ на русском языке. Как правило, формой подачи материала в любой энциклопедии служит энциклопедическая статья, отличающаяся своей структурой и содержащая большое количество фактического материала. Перевод энциклопедической статьи является одним из самых сложных видов перевода. Это обусловлено, прежде всего, избытком в статьях научной терминологии, понятий, аббревиатур, сокращений и т.д. Переводчик должен разбираться во всех тонкостях, знать, что означает то или иное понятие или словосочетание, владеть терминологией и разбираться в тематике перевода. То есть переводчик должен передать смысл текста так, чтобы он был понятен читателю, в данном случае носителю башкирского или любого тюркского языка.

Значительную часть БЭ занимают статьи естественно-технического блока. Следует отметить, что при переводе научно-технических статей энциклопедии, нужно стремиться к максимальной точности и полноте передачи информации, так как любая ошибка может привести к неправильному пониманию информации. Основная стилистическая черта научно-технического текста – точное и четкое изложение материала при почти полном отсутствии выразительных элементов. Из-за различия терминосистем русского и башкирского языков возникла проблема достижения адекватного перевода. Поиск и нахождение эквивалентов, соответствий двух языков составляет главную трудность перевода на башкирский язык.

Насыщенность терминами и специальной лексикой является одной из отличительных черт научно-технического текста. Термины

составляют значительную по объему и специфическую часть башкирской лексики. Именно термины несут в себе когнитивную информацию текста. В лингвистической науке существует множество определений понятия «термин». Под «термином» понимается слово или словосочетание, означающее понятие специальной области знания или деятельности [1, с. 34]. В нашей работе принято следующее, наиболее общее определение термина, данное С.В. Гриневым, в котором он характеризует термин «как номинативную специальную лексическую единицу (слово или словосочетание) специального языка, принимаемую для точного наименования специальных понятий» [2, с. 22]. В башкирском языке имеется целый ряд неоднозначных терминов, которые создают дополнительные сложности перевода научного материала. При переводе необходимо учитывать, к какой области познания относится переводимый термин (т.е. соотнесенность термина с терминосистемой башкирского языка), избегать синонимического употребления. Термины характеризуются стилистической нейтральностью и не зависят от контекста. Не допускается приблизительный, синонимический перевод термина каким-либо близким по смыслу словом или выражением. Иначе говоря, термин исходного языка должен быть переведен термином переводимого языка, соответствующим термину оригинала. В том случае, если термин имеет одно закреплённое значение, особых трудностей не возникает. Анализ исследуемого материала показал, что основная часть технических терминов имеют зафиксированные в башкирском языке переводы.

Сложность перевода терминов заключается в его многозначности (одно и то же слово имеет разное значение в разных областях науки), поэтому поиск тождественности означаемых терминами понятий представляет собой важнейшую задачу перевода статей естественно-технического блока БЭ. Под многозначностью понимается возможность того, что один термин может принадлежать к различным терминосистемам, в соответствии с этим меняя свое значение [3, с. 3]. Многозначность непосредственно связана с терминами, так как некоторые «термины образуются в результате изменений

в смысловом содержании того или иного общеупотребительного слова. В то же время лексическая единица, получая специальное терминологическое значение, продолжает употребляться и в своем основном или прямом значении» [4, с. 4]. В дальнейшем общеупотребительные слова в результате использования их в качестве термина расширяют свое значение и образуют многозначность. Например, слово «*туп*» – «*мяч*» (спортивный инвентарь или термин в биологии «стая или множество животных»). Один и тот же термин можно применить в различных областях науки и техники, но перевод его будет зависеть от той области, в которой он применяется. Например, термин «*королош*» – «*строение*» (термин в биологии, истории, архитектуре, технике). При их применении необходимо знать, к какой области науки они относятся, и учитывать контекст употребления.

Анализ энциклопедических статей БЭ показывает, что многие технические термины принадлежат к интернациональной лексике, которая встречается в языках многих народов мира. В БЭ часть терминов, имеющих международный характер, передается путем транслитерации и не нуждается в переводе: «*компрессор*», «*операция*», «*реакция*» и др. Некоторые термины имеют прямые соответствия на башкирском языке и передаются соответствующими эквивалентами: «*напряжение*» – «*кәсәргәнеш*», «*сопротивление*» – «*каришылык*» и др. Большинство терминов при переводе калькируются, т.е. передаются с помощью башкирских слов и выражений, дословно воспроизводящих слова русского языка: «*ледокол*» – «*бозваткыс*», «*бетонномешалка*» – «*бетон изгес*», «*зерносушилка*» – «*иген киптергес*» и др. Если в имеющихся словарях башкирского языка нет соответствующего термина, необходимо прибегнуть к описательному переводу: «*надвиг*» (термин в геологии) – «*каплау шыузырмаһы*», «*оседлость*» (термин в этнологии) – «*ултырак тормош*», «*блеклые руды*» (термин в геологии) – «*тонок мәгдәндәр*», «*выюнковые*» (термин в ботанике) – «*эт эсәге һымактар*» и др.

Таким образом, терминология представляет собой неотъемлемую часть науки и техники. При переводе энциклопедических статей по

естественно-техническому блоку необходимо уделять особое внимание терминам, поскольку именно они несут в себе основное содержание текста. Кроме того, при выборе того или иного варианта перевода термина необходимо учитывать стиль и контекст энциклопедического текста. Только такой системный подход обеспечивает точность и адекватность передачи информативного содержания текста оригинала. В ходе исследования были использованы методы обобщения языковых фактов, сравнительный и сопоставительный методы. На основе проведенного исследования мы пришли к выводу, что значительную часть башкирской технической терминологии составляют термины иноязычного происхождения, термины-кальки.

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Гринев С.В. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. 309 с.
3. Базалина Е.Н. К проблеме перевода терминов научно-технических текстов. // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2009. №1. С. 102–107.
4. Зайнуллина Г.Д. Формирование и развитие башкирской лингвистической терминологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1988. 25 с.
5. Башкирская энциклопедия: [7 тт. на башк. яз.] / [гл. ред. М.А. Ильгамов]. Уфа: Башк. энцикл., 2014–2018.

References

1. Barhudarov L.S. *Jazyk I perevod: voprosy obhhej teorii perevoda* [Language and Translation: Issues of the General and Specific Theory of Translation]. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1975. 240 p.
2. Grinyov S.V. *Vvedenie v terminovedenie* [Introduction to Terminology Studies]. M.: Moskovskiy litsey, 1993. 309 p.

3. Bazalina E.N. K probleme perevoda terminov nauchno-tehnichekikh tekstov [On the Problem of Translation of Terms of Scientific and Technical Texts]. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta*. 2009. №1, pp. 102–107.
4. Zajnullina G.D. *Formirovanie i razvitie bashkirskoj lingvisticheskoy terminologii* [Formation and Development of the Bashkir Linguistic Terminology]. Ufa, 1988. 25 p.
5. *Bashkirskaya entsiklopediya* [The Bashkir Encyclopedia]: 7 tt. na bashk. yaz. Ufa: Bashk. entsikl., 2014–2018.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кабирова Гульназ Ураловна, научный редактор, кандидат филологических наук

*Государственное автономное учреждение науки Республики Башкортостан «Башэнциклопедия»
Революционная 55, г. Уфа, 450006, Российская Федерация
g.kabirova2013@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kabirova Gulnaz Uralovna, Scientific Editor, Candidate of Philological Sciences

*State Autonomous Institution of Science «Bashencyclopedia»
55, Revolyutsionnaya str, Ufa, 450006, Russian Federation
g.kabirova2013@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3514-0102*

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-5-141-150

УДК 81

РАСШИРЕНИЕ СОСТАВА ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКА ЗА СЧЕТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

Лубожева Л.Н.

Расширение состава общеупотребительного языка за счет профессиональной лексики – это следствие технологических процессов, происходящих в настоящее время. Слияния различных направлений жизнедеятельности людей не могли не отразиться на языковой составляющей.

Цель данной статьи представить результаты процесса миграции специальных лексем в неспециальный регистр.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образуют лексико-семантический компонентный анализ; метод анализа словарных дефиниций; дискурсивно-контекстуальный анализ; описательный методы.

Результаты. Выявлено, что отличительной характеристикой данного периода являются процессы деспециализации термина, когда термин меняет свою обычную сферу употребления, но не меняет своего значения и детерминологизации, когда термин, проникая в неспециальный текст, приобретает новое значение при помощи метафоризации, фразеологизации, сленгизации и табуизации своего терминологического значения. Процесс деспециализации более распространен чем процесс детерминологизации в обоих языках. Изменение значения у термина разнятся в исследуемых языках. В русском языке общеупотребительный текст пополняется в большей степени метафоризированными и сленгизированными специальными лексемами, в то время как в английском языке предпочтение отдается не только метафоризированному, но и табуизированному термину.

Область применения результатов. Результаты данной работы могут быть использованы при изучении таких дисциплин как

терминоведение, лексикология современного русского и английского языков, в курсах социолингвистики и в лексикографии.

Ключевые слова: миграция; интеграция; деспециализация; детерминологизация; метафоризация; фразеологизация; сленгизация и табуизация значения.

EXPANSION OF THE COMMON LANGUAGE DUE TO THE PROFESSIONAL VOCABULARY

Lubozheva L.N.

The extension of the common vocabulary at the expense of the professional words is a result of the technological processes currently occurring. Merger the different kinds of people's activities can't but reflect on the language.

Purpose. *This article presents the results of the migration process of special words in non-special register. The distinctive characteristic of this period is the processes of despecialization and determinologization. The first one is presented by the transition of the special words into common vocabulary without losing their meaning. The second one is connected with the acquisition of the new meaning by the terms during the migration process. The new determining terms are words with metaphorization, phraseologization, slengization and tabuization of meaning.*

Methodology. *The research was based on lexical-semantic component analysis; method of dictionary definitions analysis; discursive-contextual analysis; descriptive methods.*

Results. *It was found out that the distinctive characteristic of this period is the processes of despecialization and determinologization. The first one is presented by the transition of the special words into common vocabulary without losing their meaning. The second one is connected with the acquisition of the new meaning by the terms during the migration process. The new determining terms are words with metaphorization, phraseologization, slengization and tabuization of meaning. The process of despecialization is wider in both languages. The process of determinologization*

is not similar in English and Russian. Russian language is filled up with the special words changed by metaphorization and slengization while in English the most common processes are the processes of term migration with not only metaphorization, but with tabuization of meaning.

Practical implications. *The results of this work can be applied in the courses of terminology, lexicology, sociolinguistics and lexicography.*

Keywords: *migration; intergration; despeciasization; determinologization; metaphorization; phraseologization; slengization and tabuization of meaning.*

В период компьютеризации разных видов деятельности, интеграции науки и бизнеса, бизнеса и образования, интерес многих исследователей к проблеме сосуществования специальной и неспециальной лексики в составе общеупотребительного языка неизменно возрастает.

Философская концепция современности обуславливает приоритет информации над другими составляющими бытия, что не могло не отразиться на языковой стороне. Особенность такого «информационного взрыва» [10, с. 94] в языке представлена фактом масштабного проникновения профессиональных лексических единиц в общелитературный узус. С точки зрения С.В. Гринева, «рост числа терминов различных наук обгоняет рост числа общеупотребительных слов языка, и поэтому в настоящее время число терминов отдельных наук превышает число общеупотребительных слов» [2, с. 3]. Несмотря на значительную заинтересованность к проблемам указанным выше, особенности симбиоза лексики специального и неспециального регистра исследуемых языков на данный момент не определены, что делает данное исследование актуальным. Более того, нет единого понимания процесса перехода терминов и их влияния на язык общего пользования.

В свой черед, достаточно заметная деятельность специальных единиц, в частности бизнес лексем, в общем дискурсе нуждается в описании и анализе миграционного процесса, что также актуализирует научное изыскание.

Целью представленной работы является определение способов существования единиц профессиональной сферы в общепотребительном языке.

Теоретической предпосылкой к изучению специальных лексем послужили работы таких исследователей как Н.К. Гарбовский, Р.Ю. Кобрин, З. И. Комарова, В.М. Лейчик, Д.С. Лотте, А.И. Моисеев, Л. Гофмана, Г. Ишрейта, Д. Кристала, М. Попика, Р. Паулаи, Н.А. Шурыгина и др. [1, 3, 4, 5, 7, 9, 11, 12, 13, 14, 15].

В качестве материала для этого исследования представлены экономические лексемы, уже зафиксированные в общепотребительном языке. Кроме того, мы использовали материал, представленный в СМИ, так профессиональными единицами

Для достижения результатов исследования мы использовали следующие приемы и методы: лексико-семантический компонентный анализ;

- метод анализа словарных дефиниций; дискурсивно-контекстуальный анализ;
- описательный метод; сравнительно-лексикографический анализ словарных дефиниций; контрастивно-типологический анализ.

Изучив значительный объем экономической лексики (русский язык 1630; английский язык 1560) прочно вошедшей в общепотребительный русский и английский языки, мы пришли к выводу, что профессиональная лексема сферы бизнеса, проникая в общепотребительный язык способна сохранять свое значение (деспециализироваться) и терять свое значение, приобретая новое (детерминологизироваться).

В данной работе миграция термина в нетерминологический текст, сохраняя свое основное значение, продемонстрирован как процесс деспециализации специальных единиц, связанный только с изменением сферы функционирования термина [8, с. 15].

Под детерминологизацией профессиональной единицы, вслед за В.М. Лейчиком, мы понимаем миграцию специальной лексемы при «расширении семантического объема термина и формировании

нового нетерминологического значения» [6, с. 23]. Более того, нами было отмечено, что эти два процесса, следуют друг за другом как этапы освоения специальной лексики общим языком, и отождествлять их нельзя, так как у них разные цели. При деспециализации профессиональная лексема, расширяет сферу своего применения и делает неспециальный текст интеллектуальным. При детерминологизации терминологическая единица, в процессе приобретения нового значения, создает дополнительные образы явления, предмета, действия и т.д. [8, с. 20].

Анализируя представленные в работе данные, хотелось бы отметить, что в русском языке при изменении сферы функционирования из 1630 единиц 1047 продолжают нести свой терминологический денотат, а 593 приобретают новое значение; в английском языке из 1560 единиц 1139 деспециализируются, а 421 детерминологизируются. Соотношение перехода лексических единиц из профессионального регистра в общеупотребительный по вышеуказанным направлениям в обоих языках практически одинакова. Однако процесс детерминологизации профессиональных лексем неоднороден.

Специальная детерминологизованная лексическая единица в общеупотребительном узусе может приобрести следующие значения:

1. метафоризированное:

Время «*купли-продажи*» в футбольных клубах России в разгаре.
(КП № 141/09/2005).

В данном случае термин «*купля-продажа*» приобретает новое переносное значение – перетягивание футболистов в другую команду за большие деньги. Здесь мы видим яркий пример метафорического переноса, построенного на функции сходства.

- The government statement are preferred to be *discounted* by people now

(The Times 14/02/2006).

Из примера видно, что также используется метафорический, точнее ассоциативный перенос, построенный на сходстве эмоциональных впечатлений. Термин «*to discount*» означает «уменьшать

прейскурантную цену товара». В примере же образно представляет негативное отношение к правительству.

2. фразеологизированное:

Вы до сих пор не женаты? Почему? Девушки крайне разборчивы.

Не в моде нынче *бросовый экспорт*.

(*бросовый экспорт* – брак не с бизнесменом).

(ТВ. «Время покажет»).

The robber meant business. Could you see the gun in his hands?

(термин *to mean business* означает быть серьезным в чем-то).

(The Gardian 14/02/2006)

3. сленгизированное:

В процессе сленгизации значения термина в неспециализированной сфере мы отмечаем такое структурное превращения как изменение частей речи:

1) сущ – прил: существительное означающее документ, предлагающий цены на продукцию *прайс* превращается в прилагательное *беспрайсовый* – безденежный человек;

2) сущ – гл: существительное *най* становится глаголом *опаячить*, что значит заставлять кого-то делать часть работы;

1) сущ – гл: существительное *bankroll* (капитал, состояние) также как и в русском языке представлено глаголом *to bankroll* (финансировать шоу в ночном клубе);

2) сущ – прил: существительное *bid* как предложение цены репрезентуется как прилагательное *biddable* (послушный);

4. табуизированное:

Слово *share* в значении *акция* используется как табуизм *a share lady* (женщина для времяпровождения); термин *assets* в с терминологическим значением *капитал, фонды* превращается в табуизм *assets* в значении женская грудь.

Процесс табуизации значения профессиональных лексем показывает, что данный этап не характерен для русского языка, за исключением единичных употреблений.

Изучив этап детерминологизации экономических лексем в общепотребительный язык нами было установлено, что в русском языке

метафоризация значения происходит у 307 терминов, 147 лексем становятся сленгизмами, 118 единиц приобретают фразеологизированное значение, а 21 слово становится табузированной лексемой.

В английском языке из 421 термина сферы экономики, в процессе детерминологизации 193 лексические единицы метафиризируются, 134 табузируются. Небольшая группа в составе 59 термина сленгируется и только 35 терминоединиц фразеологизируются.

Таким образом, мы уверены, что: 1. словарный состав, безусловно, расширяется за счет проникновения профессиональных лексем; 2. лексемы не только просто деспециализируются, многие из них меняют свое терминологическое значение; 3. термины в неспециальном тексте приобретают метафоризированное, фразеологизированное, сленгизированное и табузированное значения; 4. в обоих языках процесс деспециализации представлен шире, чем процесс детерминологизации; 5. изменение значения у детерминологизированных терминов в английском и русском языках также имеет отличия. В русском языке более распространены метафоризация и сленгизация специальной лексемы, в то время как в английском языке часто употребляемыми является не только процесс метафоризации, но и табузации значения.

Список литературы

1. Гарбовский Н.К. Профессиональная речь (функционально-стилистический аспект) // *Функционирование языка и речи*. М.: Рус. яз., 1989. 235 с.
2. Гринев С.В. Исторический систематический словарь терминов терминоведения. М.: Физматлит, 2000. 144 с.
3. Кобрин Р.Ю. Опыт психолингвистического анализа понятийного содержания терминов и общеупотребительных слов // *Термины в языке и речи*. Горький: Изд-во ГГУ, 1985. С. 106–115.
4. Комарова З.И. Семантическая структура специальных слов и ее лексикографическое описание. Свердловск: [б. и.], 1991. 155 с.
5. Лейчик В. М. Пиар и другие аббревиатуры // *Русская речь*. 2002. № 5. С. 40–44.

6. Лейчик В.М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века // Вопросы филологии. 2000. № 2. С. 20–29.
7. Лотте Д.С. Проблема заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982. 243 с.
8. Лубожева Л.Н. Роль профессиональной лексики в обогащении словарного состава общеупотребительного языка: на материале экономической терминологии английского и русского языков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20/ Челябинский гос. пед. ун-т. Челябинск, 2006. 22 с.
9. Моисеев А.И. К определению термина. Семиотические проблемы языков науки терминов, информации: науч. симпозиум. М.: [б. и.], 1971. С. 42–49.
10. Морозова Л.А. Терминознание: Основы и методы. М.: ГНО «Прометей» МПГУ, 2004. 144 с.
11. Шурыгин Н.А. Лексикологическая терминология как система. Нижневартовск: [б. и.], 1997. 47 с.
12. Crystal D. The Cambridge encyclopedia of the English language. CUP, 2000. 531 p.
13. Hoffmann L. Kommunikationsmittel. Fachsprache. Eine Einführung. Berlin: Akademie Verlag, 1976. 498 p.
14. Ischreyt H. Sprachwandel durch die Technik. Wirken des Wort. Dusseldorf, 1988. 396 p.
15. Popik B. Among the new words // American Speech. Durham, 1999. Vol. 74.4. P. 325–403.

References

1. Garbovskij N.K. Professional'naya rech' [Professional speech]. Funkcionirovanie yazyka i rechi [The functioning of language and speech]. M.: Rus. yaz., 1989. 235 p.
2. Grinev S.V. *Istoricheskij sistematičeskij slovar' terminov terminovedeniya* [Historical systematic dictionary of terminology]. M.: Fizmatlit, 2000. 144 p.
3. Kobrin R. Yu. Opyt psiholingvističeskogo analiza ponyatijnogo soderžaniya terminov i obščheupotrebitel'nyh slov [Experience of psy-

- chologuistic analysis of the conceptual content of terms and common words]. *Terminy v yazyke i rechi* [Terms in language and speech]. Gor'kij: Izd-vo GGU, 1985. P. 106–115.
4. Komarova Z.I. *Semanticheskaya struktura special'nyh slov i ee leksikograficheskoe opisanie* [Semantic structure of special words and its lexicographic description]. Sverdlovsk: [b. i.], 1991. 155 p.
 5. Lejchik V.M. *Piar i drugie abbreviatury. Russkaya rech* [PR and other abbreviations]. 2002. № 5. P. 40–44.6.
 6. Lejchik V.M. Problemy otechestvennogo terminovedeniya v konce veka. [Problems of domestic terminology in the late twentieth century]. *Vo-prosy filologii*. 2000. № 2. P. 20–29.
 7. Lotte D.S. *Problema zaimstvovaniya i uporyadocheniya inoyazychnyh terminov i terminoelementov* [The problem of borrowing and ordering foreign language terms and term elements]. M.: Nauka, 1982. 243 p.
 8. Lubozheva L.N. *Rol' professional'noj leksiki v obogashchenii slovarnogo sostava obshcheupotrebitel'nogo yazyka: na materiale ekonomicheskoy terminologii anglijskogo i russkogo yazykov* [The role of professional vocabulary in the enrichment of the vocabulary of the common language: by the material of economic terminology of English and Russian languages]. Chelyabinsk, 2006. 22 p.
 9. Moiseev A.I. *K opredeleniyu termina. Semioticheskie problemy yazykov nauki terminov, informacii* [To the definition of the term. Semiotic problems of languages of science terms, information]. M.: [b. i.], 1971. P. 42–49.
 10. Morozova L.A. *Terminoznanie: Osnovy i metody* [Terminology: Basics and methods]. M.: GNO «Prometej» MPGU, 2004. 144 p.
 11. Shurygin N.A. *Leksikologicheskaya terminologiya kak Sistema* [Lexicological terminology as a system]. Nizhnevartovsk: [b. i.], 1997. 47 p.
 12. Crystal D. *The Cambridge encyclopedia of the English language*. CUP, 2000. 531 p.
 13. Hoffmann L. *Kommunikationsmittel. Fachsprache. Eine Einfuhrung*. Berlin: Akademie – Verlag, 1976. 498 p.
 14. Ischreyt H. *Sprachwandel durch die Technik. Wirken des Wort*. Dusseldorf, 1988. 396 p.

15. Popik B. Among the new words. *American Speech*. Durham, 1999. Vol. 74.4. P. 325–403.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Лубожева Лионелла Николаевна, доцент кафедры делового иностранного языка факультета лингвистики и перевода, кандидат филологических наук
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»
ул. Бр. Кашириных 129, г. Челябинск, 454000, Российская Федерация
lionella.lubozheva@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Lubozheva Lionella Nikolaevna, PhD, Associate Professor, Faculty of Foreign Linguistics
Chelyabinsk State University
129, Kashyryny st., Chelyabinsk, 454000, Russian Federation
lionella.lubozheva@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6029-0068

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-5-151-160

УДК 811.161.1: 616.21

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ИНТЕРПОЗИТИВНОЙ ПРИДАТОЧНОЙ ЧАСТЬЮ В ТЕКСТАХ МЕДИЦИНСКОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОТОРИНОЛАРИНГОЛОГИИ)

Мирзоева В.М., Аксенова Е.Д., Мирзоева Е.З.

Состояние вопроса. Сложившиеся подходы к лингвистическому анализу сложных предложений требуют переосмысления, так как классическое понимание роли интерпозиции в синтаксисе сложно-го предложения ограничивает ее функциональное описание семантически и конструктивно. В данном исследовании представлен авторский взгляд на функционирование сложноподчиненных предложений с интерпозитивной придаточной частью в текстах медицинской специальности «Оториноларингология», в связи с чем не только освещаются разные трактовки понимания интерпозиции в лингвистике но и подробно рассматриваются средства маркированности частей сложного предложения, их особенности функционирования в медицинском тексте.

Методология проведения работы. Использование методов научного описания, наблюдения и статистического анализа позволило получить достоверную информацию о семантико-синтаксической структуре данного типа предложений и их специфике в текстах медицинской специальности.

Результаты. Лингвистический анализ сложноподчиненных предложений на материале медицинских текстов показал: интерпозитивное положение придаточной части имеет разное формальное выражение, что является основанием для классификации типов сложных предложений по виду маркированности их придаточной части. Рассмотренный материал свидетельствует о том, что интерпозиция придаточной части весьма неоднозначна, но вместе с тем выявляет специфику научного (медицинского) текста специальности.

Область применения результатов. Полученные результаты могут быть использованы не только для дальнейших исследований научного (медицинского) текста, но и важны в педагогической практике обучения иностранных студентов-медиков.

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение; интерпозиция придаточной части; коммуникативно-семантические отношения; оториноларингология.

COMPLEX SUBJECT SENTENCES WITH INTERPOSITIVE SUBORDINATE CLAUSE IN MEDICAL TEXTS (BASED ON OTORHINOLARYNGOLOGY)

Mirzoeva V.M., Axenova E.D., Mirzoeva E.Z.

State of the problem. Existing approaches to the linguistic analysis of complex sentences require rethinking as the classic comprehension of the role of interposition in the syntax of the complex sentence semantically and meaningfully limits its functional description. Author's attitude towards the functioning of complex subject sentences with interpositive accessory part in the medical texts on otorhinolaryngology is presented in this paper so not only different views on interposition in the linguistics is being explored but also the means of marking complex sentences parts and its functioning special features in the medical texts are being thoroughly examined.

Methodology. Usage of scientific descriptions methods, observation and statistic analysis allowed to get accurate information on semantic and syntax structure of such sentences and their specifics in the medical texts.

Results. Linguistic analysis of complex subject sentences based on the medical texts showed that interpositive state of the accessory part may have different formal expression what may be the reason to classify different complex sentences types by the marking of their accessory parts. Explored material shows that the accessory part interposition is quite ambiguous but along with it shows the specifics of scientific medical text.

Area of results application. *The results may be used not only for following research of scientific (medical) text but are also important in the pedagogical practice of teaching foreign medical students.*

Keywords: *complex subject sentence; interposition of subordinate clause; communicative and semantic relations; otorhinolaryngology.*

В большинстве современных классификационных описаний сложноподчиненного предложения позиция придаточной части по отношению к главной рассматривается как один из существенных структурных признаков различных типов сложноподчиненного предложения: «Каждое предложение с грамматической точки зрения представляет внутреннее единство словесно выраженных его членов, порядка их расположения и интонации» [4, с. 289].

Вместе с тем, если вопрос о препозиции и постпозиции придаточной части рассматривается во всех работах как факт структуры сложноподчиненного предложения, вопрос об интерпозиции придаточной части в лингвистической литературе решается неоднозначно.

При широком понимании интерпозиция трактуется как включенность одной части сложного предложения в другую. Согласно такому пониманию интерпозитивной считается любая придаточная часть, стоящая внутри главной. Так представляет интерпозицию «Грамматика русского языка» [8].

Более узкое понимание связывает интерпозицию с категориями вводности и присоединительности: только та включенная в главное предложение придаточная часть интерпозитивна, которая носит характер вводности и является добавочным сообщением по отношению к главной части. Интерпозитивная придаточная часть, соединяясь с главной по правилам данного типа сложного предложения, «всегда сохраняет свое категориальное значение. Поэтому значение вводности, которое может проявляться с различной силой, имеет обычно добавочный, сопровождающий характер и прямо связано с интерпозицией придаточной части» [6, с. 98].

Например: *Анализ информативности симптомов заболевания для отоларинголога, несмотря на то, что симптомы зачастую*

функционально не связаны друг с другом, представляет собой сложную медико-биологическую задачу [9; с. 37].

Калорические пробы, во время которых осторожно вливают холодную или горячую воду, дают возможность обследования ушей по отдельности [2; с. 32].

Истинное вестибулярное головокружение обычно проявляется ощущением вращения в голове, словно пациент находится в иллюзии вращения окружающих предметов, сопровождается тошнотой, нарушением равновесия [3; с. 107].

В приведенных конструкциях детерминантного типа придаточные части, сохраняя свойственное им категориальное значение (отвергаемое условие, время, сравнение), кроме того, имеют еще и оттенок вводности, добавочности сообщения.

Как правило, «в научных текстах медицинского профиля, в частности оториноларингологии, приоритетное положение занимают показатели онтологической возможности, наиболее подчеркнута представляющие семантику потенциальности» [1; с. 156].

Таким образом, узкое понимание ограничивает интерпозицию семантически (она связывается с выражением отношений выделительности и добавочности) и конструктивно: она фиксируется только в сложноподчиненных предложениях расчлененной структуры, в которых оттенок вводности возможен, так как придаточная часть является факультативным распространителем главной части.

При лингвистическом анализе сложных предложений с фиксированным порядком частей на материале текстов оториноларингологии обращает на себя внимание следующий факт: одна часть может быть маркирована как несамостоятельная в смысловом и грамматическом отношении и сигнализировать о другой как обязательной в пре- или постпозиции по отношению к ней. В этом случае речь идет о предложениях с препозитивной или постпозитивной маркированной частью: *Поражение может затрагивать любой отдел синуса, ибо абсцесс может не ограничиваться стенкой сигмовидного синуса и распространяться экстрадурально в среднюю и заднюю черные ямки. [2; с. 75]* Союз ибо маркирует постпозитивную придаточную часть.

Если обе части являются помеченными как синсемантические или грамматически несамостоятельные, конструкции рассматриваются как предложение со взаимно маркированными частями: *Процессор анализирует сигнал и вырабатывает импульс так, что кохlearный имплант возбуждает нервные окончания.* [2; с. 101] *Но применять противоотечные средства, муколитики надо так, чтобы их эффективность была велика* [2; с. 55].

Указательное слово так и союзы что и чтобы, соответствующие ему, составляют пару структурно необходимых компонентов сложноподчиненного предложения, обуславливающих постпозицию придаточной части, и представляют взаимную маркированность частей. Придаточная часть в таких предложениях может быть только постпозитивной. Эти средства связи имеют устойчивый характер, и один из компонентов связи непременно предполагает наличие другого, т.е. сила маркированности компонентов одинакова, поэтому взаимная маркированность частей ярко выражена.

Вторую разновидность взаимной маркированности представляют составные расчлененные союзы: *Если симптомы понимать в признаковом *т*-мерном пространстве, то задача кластерного анализа формулируется как разбиение совокупности симптомов на однородные кластеры.* [9; с. 79] *Хотя характерным признаком хронического тонзиллита является нерезкая болезненность подчелюстных и заушных лимфатических узлов, но ряд исследователей указывает на увеличение верхних шейных лимфатических узлов* [9; с. 22].

Первый компонент составного союза маркирует придаточную часть (если, хотя), а второй (то, но) – главную. Придаточная часть в конструкциях такого типа препозитивна. Компоненты составных союзов, маркируя обе части, обладают неодинаковой силой маркированности. Более веским маркером является второй компонент, который актуализирует главную часть и обязательно предполагает препозитивную придаточную часть, но он факультативен.

Рассматриваемые нами конструкции присубстантивного типа позволяют выделить еще один вид маркированности: о позиции придаточной части свидетельствуют одновременно два показателя,

находящихся в главной части, обрамляющих придаточную часть и создающих ее срединную позицию. В сущности, в предложении возникает двойная маркированность; она отличается от взаимной тем, что ее компоненты не предполагают друг друга, второй показателем является повторяющимся. В таких построениях придаточная часть в известной мере приобретает характер дополнительного сообщения и может быть заменена вставной конструкцией. Эта семантическая осложненность и грамматическая обозначенность придаточной части позволяет рассматривать ее как интерпозитивную. Например: *Острый ринит обусловлен вирусной инфекцией, которая передается воздушно-капельным путем – оттого острый отит является очень контагиозным, – это инфекционное воспаление ускоряется при снижении резистентности организма* [2; с. 129].

В присубстантивных предложениях, осложненных лексико-синтаксическим повтором, структурное назначение опорного слова – определять форму и значение придаточной части – сочетается с его участием в актуализации предложения: четко определяя границы придаточной части, повторяющееся опорное слово подчеркивает коммуникативную значимость сообщаемого в главной.

Проведенный анализ медицинских текстов показал: интерпозитивное положение присубстантивной придаточной части имеет разное формальное выражение. Повтор в качестве грамматического показателя интерпозиции придаточной части может иметь разное строение, в связи с чем существует несколько вариантов соотношения между исходным обозначением опорного члена и повтора. Так, повтор точно воспроизводит обозначение исходного члена – словоформу или словосочетание: *Двусторонний паротит, который у детей разрешается самостоятельно, паротит, обычно вызываемый вирусом свинки, у взрослых развивается чаще на фоне истощения, обезвоживания, отсутствия гигиены полости рта* [2; с. 201].

Местоименно-указательный компонент исходного обозначения опорного члена в повторе, в свою очередь, замещен другим местоименным компонентом: *Все иванномы и нейролеммоны блуждающего нерва проявляются растущим объемным образованием в об-*

ласти шеи, когда происходит поражение нервов основания черепа, эти шванномы и нейрелеммы требуют детального обследования с визуализацией основания черепа [2; с. 181].

Следует обратить внимание и на следующие замещения:

1. Лексический компонент исходного обозначения опорного члена в повторе замещен местоименным компонентом: *И только метод обучающего алгоритма «деревья классификации», который помогает диагностировать хроническое заболевание, и только этот метод позволяет практическим врачам отказаться от общепринятых субъективных классификаций хронического тонзиллита [9; с. 3].*
2. В повторе обозначение исходного члена дополнено указательным местоимением: *К редким осложнениям относятся абсцесс или флегмона орбитальной сетчатки, которые возникают чаще всего при проколе через средний носовой проход, – эти осложнения требуют поэтому обоснованного подхода к пробному проколу [5; с. 125].*
3. Повтор включает лексические компоненты, которых нет в исходном обозначении опорного члена: *Те деформации носа, которые разрушают хрящи носа, те аномалии носа, которые приводят к изменению поверхности костей, могут быть врожденными или обусловленными травмой [5; с. 119].*
4. Повтор содержит только часть лексических компонентов исходного обозначения опорного члена: *И лишь арахноидит риногенный встречается в виде слипчивого или кистозного процесса, арахноидит отмечается чаще в передней черепной ямке [5; с. 143].*
5. Исходное обозначение опорного члена не повторяется, а замещается синонимичным выражением: *Даже те методики осмотра, которые необходимы, эти тактики необходимо переоценить для точной диагностики хронических заболеваний среднего уха [2; с. 24].*

Двойная маркированность интерпозиции придаточной части имеет место и в других типах сложноподчиненных предложений, например:

А) в синтаксических конструкциях изъяснительного типа: *А о том, что саркоидоз является системным заболеванием, что имеет неизвестную этимологию, – об этом необходимо помнить при саркоидном поражении носа* [2; с. 134].

Б) в местоименно-соотносительных конструкциях отождествительного типа: *А те инфекции верхних дыхательных путей развиваются очень часто, те во многих случаях осложняются вторичной бактериальной инфекцией* [2; с. 143].

Рассмотренный материал свидетельствует о том, что интерпозиция придаточной части весьма неоднозначна: в одних конструкциях сложноподчиненных предложений она отражает только зависимость придаточной части от главной, в других – связана с выражением определенных коммуникативно-семантических отношений.

Безусловно, сложноподчиненные предложения с двойной маркированностью позиции придаточной части гораздо частотнее в произведениях художественной литературы, однако анализ текстов медицинской специальности позволил выявить весомую их нагрузку и в научном (медицинском) тексте, во многом это обусловлено тем, что сложноподчиненное предложение в «структуре научного текста выполняет контактоустанавливающие, прагматические, квалификативные, импрессивно-волеустановительные и другие функции» [7; с. 207].

Список литературы

1. Аксенова Е.Д., Мирзоева В.М., Мирзоева Е.З. Модальность научного (медицинского) текста (на материале текстов оториноларингологии // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 4-1 (28). С. 154–161.
2. Баргон М. Болезни уха, горла, носа. М.: Бином, 2002. 284 с.
3. Бронштейн А., Лемперт Т. Головокружение. М.: ГОЭТАР-Медиа, 2010. 216 с.
4. Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка) // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 254–294.
5. Лихачев А.Г. Справочник по оториноларингологии. М.: Медицина, 1984. 366 с.

6. Максимов Л.Ю. О порядке частей в сложноподчиненном предложении // Русский язык в школе. 1968. №1. С. 98.
7. Мирзоева В.М., Кузнецова А.А., Мирзоева Е.З. Коммуникативно-прагматическая функция сложных предложений в диалогической структуре текстов медицинской специальности // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2017. №1. С. 207–211.
8. Русская грамматика. В 2 т. [Под ред. Н. Ю. Шведовой] Т. 2: Синтаксис. М.: Наука, 1980. 714 с.
9. Хронический тонзиллофарингит и информационные технологии его доказательства / Портенко Г.М., Портенко Е.Г., Мирзоева Е.З., Шматов Г.П. Тверь: РИУ ТГМУ, 2017. 197 с.

References

1. Aksenova E.D., Mirzoeva V.M., Mirzoeva E.Z. *Sovremennyye issledovaniya social'nyh problem*. 2016. № 4-1 (28). P. 154–161.
2. Barton M. *Bolezni uha, gorla, nosa* [Diseases of the ear, throat, nose]. M.: Binom, 2002. 284 p.
3. Bronshtejn A., Lempert T. *Golovokruzhenie* [Dizziness]. M.: GOETAR-Media, 2010. 216 p.
4. Vinogradov V.V. *Izbrannyye trudy. Issledovaniya po russkoj grammatike* [Selected works. Research on Russian grammar]. M.: Nauka, 1975. P. 254–294.
5. Lihachev A.G. *Spravochnik po otorinolaringologii* [Handbook of otorhinolaryngology]. M.: Medicina, 1984. 366 s.
6. Maksimov L.Yu. *Russkij yazyk v shkole*. 1968. №1. P.98.
7. Mirzoeva V.M., Kuznecova A.A., Mirzoeva E.Z. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya»*. 2017. №1. P. 207–211.
8. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]/ ed. N. YU. SHvedova. Vol. 2: *Sintaksis* [Syntax]. M.: Nauka, 1980. 714 p.
9. Portenko G.M., Portenko E.G., Mirzoeva E.Z., Shmatov G.P. *Hronicheskij tonzilofaringit i informacionnye tekhnologii ego dokazatel'stva* [Chronic tonsillopharyngitis and information technologies for its proof]. Tver': RIU TGMU, 2017. 197 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Мирзоева Валентина Михайловна, заведующая кафедрой русского языка; кандидат филологических наук; доцент
Тверской государственной медицинской университет
ул. Советская, 4, г. Тверь, 170100, Российская Федерация

Аксенова Екатерина Дмитриевна, доцент кафедры русского языка; кандидат филологических наук; доцент
Тверской государственной медицинской университет
ул. Советская, 4, г. Тверь, 170100, Российская Федерация
katrintver@mail.ru

Мирзоева Евгения Залимовна, ассистент кафедры оториноларингологии; кандидат медицинских наук
Тверской государственной медицинской университет
ул. Советская, 4, г. Тверь, 170100, Российская Федерация

DATA ABOUT THE AUTHORS

Mirzoeva Valentina Mikhaylovna, Head of the Chair of Russian language, Candidate of philological sciences, Senior lecturer
Tver State Medical University
4, Sovetskaya str., 4, Tver, 170100, Russian Federation

Axenova Ekaterina Dmitrievna, Senior lecturer of the Chair of Russian Language, Candidate of philological sciences, Senior lecturer
Tver State Medical University
4, Sovetskaya str., 4, Tver, 170100, Russian Federation
katrintver@mail.ru

Mirzoeva Evgeniya Zalimovna, assistant of the Chair of Otorinolarinology, Candidate of medical sciences
Tver State Medical University
4, Sovetskaya str., 4, Tver, 170100, Russian Federation

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-5-161-174

УДК 811.161.1: 616.21

КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНСТАТИРУЮЩЕЙ ЧАСТИ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЕЙ-ВРАЧЕЙ)

*Мирзоева В.М., Кузнецова А.А.,
Витлинская Л.Г., Волович М.И.*

Состояние вопроса. Цель работы заключается в исследовании формального устройства и структурных особенностей констатирующей части однокомпаративных конструкций на материале литературного творчества писателей-врачей. Данные синтаксические единицы остаются до сих пор подробно не описанными, а рассматриваются, как правило, в связи с конструкциями сравнительно-уподобительного типа, что оставляет в тени существенные признаки описанных в данной статье синтаксических единиц.

Методология проведения работы. Исследование опирается прежде всего на соединение лингвистического описания, наблюдения со статистическим анализом, что позволяет получить достоверную информацию о лексико-грамматических свойствах компаратива, его конструктивных и функциональных особенностях.

Результаты. Доказано, что в констатирующей части однокомпаративных предложений сравнительное отношение всегда представлено полнее, чем в уподобительно-сравнительных моделях. По своему строению данная синтаксическая конструкция может функционировать в качестве самостоятельного предложения, утрачивая сравнительного значения. Описана семантическая полифункциональность членов констатирующей части однокомпаративных предложений и обосновано их отличие от сравнительных синтаксических единиц с признаками включения. Наблюдение за функционированием однокомпаративных предложений в литературном творчестве писателей-врачей выявило функционально-семантиче-

ские свойства субстантивированного местоимения это, конструкции с которым оказались более частотными в художественных и публицистических текстах писателей-врачей.

Область применения результатов. *Полученные результаты могут быть использованы не только для дальнейших исследований сравнительных конструкций русского языка, но и применены в качестве теоретического материала в курсе изучения синтаксиса художественного текста.*

Ключевые слова: *сравнительные конструкции; структурные особенности; семантические функции; литературное творчество писателей-врачей.*

CONSTRUCTIVE FEATURES OF THE ASCERTAINING PART OF COMPARATIVE CONSTRUCTIONS (BASED ON WRITERS-DOCTORS' LITERARY WORKS)

*Mirzoeva V.M., Kuznetsova A.A.,
Vitlinskaya L.G., Volovich M.I.*

State of the problem. *The article is aimed at studying the formal structure and structural features of the ascertaining part of single-component structures based on writers-doctors' literary works. These syntactic units have not been described in detail so far and are considered, as a rule, in connection with constructions of a comparatively similar type, which leaves out the essential features of the syntactic units described in this article.*

Methodology. *The study relies primarily on the combination of linguistic descriptions, observations with statistical analysis, which allows one to obtain reliable information on the lexical and grammatical properties of the comparative, its structural and functional features.*

Results. *It has been proved that in the narrative recitals of single-comparative sentences, the comparative relation is always presented more fully than in the assimilating-comparative models. In its structure, this*

syntactic construction can function as an independent sentence without losing its comparative meaning. The semantic polyfunctionality of the members of the narrative recitals of single-comparative sentences is described and their difference from comparative syntactic units with inclusion signs is substantiated. Observation of the functioning of single-comparative sentences in the literary work of medical writers revealed the functional-semantic properties of the substantive pronoun this, the constructions with which turned out to be more frequent in the literary and journalistic texts of medical writers.

Practical implications. The obtained results can be used not only for further studies of the comparative constructions of the Russian language, but also as theoretical material in the course of studying the literary text syntax.

Keywords: *comparative constructions; structural features; semantic functions; writers-doctors' literary works.*

Специфику сравнительных конструкций принято «искать прежде всего в придаточных сегментах», хотя и признается, что исходным членом сравнительных моделей является главная часть, которая «генетически (в процессе порождения) предшествует и построению придаточной части, и выбору союза» [5, с. 29, 31]. Этот подход, в значительной мере навеянный изучением конструкций сравнительно-уподобительного типа, оставляет в тени существенные признаки констатирующей части особенно компаративных конструкций, которые являются «важным коммуникативным компонентом, предопределяющим <...> комбинацию языковых средств в соответствии с ситуацией общения» [3, с. 207–211].

Анализ, проведенный на материале пособия «Литературное творчество писателей-врачей», показал, что в констатирующей части однокомпаративных предложений сравнительное отношение всегда представлено полнее, чем в констатирующей части уподобительно-сравнительных конструкций, в которых главная часть может строиться как предложение, не содержащее никаких структурных признаков, указывающих на то, что оно участвует в выражении

сравнительного отношения. Например: *Она принадлежала к кровати всем своим существом, как во время душевной боли взволнованный человек чувствует потребность в движении Абогин швырнул на пол скомканную записку и наступил на нее, как давят насекомое* [2, с. 27].

Между тем в однокомпаративных предложениях констатирующей части компаративом обозначено, что она выражает сравнение и содержит обозначение субъекта сравнения и основания сравнения (компаративной константы). Благодаря такому строению констатирующая часть может функционировать в качестве отдельного самостоятельного предложения, не утрачивая при этом сравнительного значения. В этом случае необозначенным оказывается второй член сравнительного отношения (то, с чем сравнивают), но он предполагается – и с опорой на ситуацию и контекст – может быть эксплицирован, хотя и неоднозначно: *Туркины принимали гостей радушнее, ... чем вчера* [Там же, с. 37]; *После зимы, проведенной среди больных мужиков, в гостиной сидеть приятнее ..., чем в Дялиже* [Там же, с. 38].

Среди словоформ, входящих в констатирующую часть, однозначен только компаратив. Он всегда – самостоятельно или вместе с другими членами – представляет компаративную константу – основание сравнения: *Лидке спокойнее было бы у меня в палате, чем здесь с разорванным горлом* [Там же, с. 72].

Другие члены констатирующей части семантически полифункциональны: они могут представлять субъект сравнения, вместе с компаративом входить в обозначение основания сравнения. Кроме того, некоторые члены констатирующей части в экспликации сравнительного отношения не участвуют. Так, замечено, что границы компаративного членения констатирующей части (субъект сравнения – основание сравнения), намеченные компаративом, контекстом и ситуацией, уточняются строением и содержанием сравнительной части, обозначающей второй член сравнительного отношения. Одна и та же констатирующая часть при изменении формы и содержания сравнительной части может иметь разное компаративное значение.

Ср.: *Теперь к больным ты стал относиться лучше, чем другие; чем год тому назад, чем кто-то...* [Там же, с. 62].

Сравнительная часть может дополнять констатирующую членами, участвующими в обозначении сравнительного отношения, но не представленными в ней, поскольку они предполагаются значением и функцией соотносительных членов сравнительной части. В роли таких невербализованных компонентов констатирующей части выступают обстоятельства со значением времени (теперь, сейчас, сегодня и др.): *Дыхание и без того тяжелого больного стало затруднённое, чем сегодня утром. Плаксивости и раздражительности стало больше, чем вчера* [Там же, с. 115, 157].

Таким образом, состав и компаративное членение констатирующей части в однокомпаративных предложениях уточняются ее структурным соотношением со сравнительной частью. Однако в этом аспекте констатирующая часть в данном типе синтаксических единиц благодаря компаративу более самостоятельна, чем констатирующая часть в предложениях уподобительно-сравнительного типа, в которых компаративное членение обеспечивается прежде всего синтаксически-структурной симметрией частей и их лексическим наполнением.

Как было отмечено, в констатирующей части возможны такие члены, которые принадлежат всей сравнительной конструкции в целом, но непосредственно не участвуют в выражении сравнения, а создают фон, на котором разворачиваются сравнительные отношения. Среди них можно выделить три основные группы:

а) Детерминанты с обстоятельственными значениями места, времени, причины, цели, уступки, состояния и т. п.: *Из-за недостатка кровоснабжения боль стала сильнее, чем в прошлые дни* [Там же, с. 152]. *Для иссечения хрящей рёбер требовалось времени больше, чем обычно нужно хирургу* [Там же, с. 113].

Среди обстоятельственных детерминантов более частотны, чем другие, детерминанты со значением места и времени.

б) Детерминанты с субъектным или с субъектно-обстоятельственным значением. В массе своей они представлены формой

родительного падежа с предлогом «у»: *У нее были пунцовые щеки, глаза еще больше, чем вчера; Я никогда не видел у нас дифтерита чаще, чем теперь* [Там же, с. 30].

в) Вводные образования, служащие «основой для семантической дифференциации алетической модальности, связанной с объективными потенциями реального мира, и деонтологической модальности, обусловленной нормами поведения в социосфере» [1, с. 156].

Возможно, вера воспитывает в нас великодушные чувства сильнее, чем обычная жизнь [2, с. 55]; *К сожалению, мы были поражены таким действием постельного режима сильнее, чем всегда* [Там же, с. 123].

В полипредикативных сложных предложениях отношение автора к содержанию сравнительной конструкции выражается предикативными единицами (в сложноподчиненных предложениях изяснительного типа – главными предложениями) со сказуемыми типа «осознавал», «полагал», «считал» и др.: *Он горько осознавал, что у него и его товарищей при виде этой женщины сильнее возникало чувство стыда, чем оно появлялось во время врачебной небрежности* [Там же, с. 133]; *Заведующая отделением считала, что это куда лучше и приятнее, чем лежать в хирургическом отделении* [Там же, с. 130].

Соответствующие детерминанты и вводные предложения могут входить и в состав сравнительной части, но они принадлежат только ей и служат для выражения и характеристики одного члена сравнительного отношения – того, с чем сравнивают.

Обращает на себя внимание и тот факт, что сравнение в предложении может выполнять две семантические функции. В одних конструкциях оно составляет основное содержание данного построения; в других сравнение служит средством характеристики одного из непредикативных компонентов. Сравнительные конструкции, передающие сравнение первого типа, можно определить как собственно сравнительные; конструкции, выражающие сравнение второго типа, определим как включенные. Ср.: *После больницы ему становилось легче, чем до госпитализации. В десять лет человек*

живет своими, часто гораздо сложными, чем у взрослых, интересами [Там же, с. 159, 161].

В связи с этим констатирующая часть однокompаративных конструкций имеет две основные формы. В собственно сравнительных конструкциях констатирующая часть реализует одну из структурных схем простого предложения; во включенных сравнительных конструкциях констатирующая часть имеет форму непредикативных или полупредикативных построений, которые можно назвать аналогом словосочетаний.

Различие между собственно сравнительными и включенными конструкциями выражается функцией компаратива в составе предложения, грамматической природой «опорных» членов, с которыми компаратив вступает в прямую синтаксическую связь. В собственно сравнительных конструкциях компаратив является или именной частью сказуемого (главного члена односоставного предложения), или непосредственно определяет глагольное сказуемое (простое или составное). Как свидетельствует рассмотренный материал, констатирующая часть собственно сравнительных конструкций особенно регулярно реализует следующие основные структурные схемы простых предложений.

N1 – Adj: *Он вел себя тише, чем у меня* [6; с. 355].

Inf – Adv.: *Согреться у костра, конечно, легче, чем разбираться, распутывать* [Там же, с. 355].

Praed Inf.: *В медицине надо работать не хуже, а лучше, чем где-то, давно стала расхожим штампом* [2, с. 190].

N1 – Vf: *Неужели Алла Андреевна знает больше, чем этот доктор?* [Там же, с. 150].

V3 pl: *Доктора самого знают больше по голосу, чем в лицо* [Там же, с. 187].

Inf.: *Нужно рассечь между зажимами быстрее, чем обычно* [Там же, с. 189].

Во включенных сравнительных конструкциях компаратив (или его функционально-семантический эквивалент) – второстепенный член предложения, определяющий существительное или одну из

неспрягаемых форм глагола. Досоюзная (т. е. преобразованная констатирующая) часть включенной сравнительной конструкции имеет четыре основные формы:

а) Досоюзная часть – аналог субстантивно-адъективного словосочетания. Компаратив (или его функционально-семантический эквивалент) выступает в роли опорного члена обособленного или необособленного члена адъективного оборота: *Значит, захватить этот рыхлый, мягкий ком, куда более опасный шаг, чем возможность мелких тромбов* [Там же, с. 111].

б) Досоюзная часть включенной сравнительной конструкции – аналог субстантивного словосочетания с определением – причастным оборотом. Компаратив определяет причастие: *Болезнь мальчика, еще более запущенная, чем у других, тяжела для хирурга* [Там же, с. 115].

в) Досоюзная часть представлена формой деепричастного оборота. Компаратив определяет деепричастие: *Опытные специалисты, понимая меня быстрее, чем это дублировалось на хинди, напряженно ожидали начала операции* [Там же, с. 116].

г) Досоюзная часть включает сочетание инфинитива и определяющего его компаратива; инфинитив не является сказуемым и не входит в его состав: *Работать лучше, чем вчера, – вот наша задача* [Там же, с. 169].

Включенные сравнительные конструкции по отношению к собственно сравнительным конструкциям вторичны и производны: они являются результатом преобразования констатирующей части собственно сравнительных конструкций. Сравнительная часть в них оформляется так же, как в собственно сравнительных конструкциях. Поэтому принцип синтаксического параллелизма частей оказывается в известной мере нарушенным. Эту особенность отмечала Н.А. Широкова [7, с. 125].

Обобщая сказанное, отметим, что различие между двумя рассмотренными типами сравнительных конструкций вовсе не абсолютно. Известно, что существуют синтаксические построения, совмещающие в том или ином соотношении признаки того и дру-

того типа. Их возникновение, на наш взгляд, обусловлено тем, что степень зависимости компаратива от сказуемого изменчива. При ослаблении связи компаратива со сказуемым собственно сравнительная конструкция приобретает признаки включения. Напротив, если связь компаратива, входящего во включенную конструкцию, усиливается, последняя в той или иной степени сближается с собственно сравнительной.

Наблюдение за функционированием сравнительных конструкций в художественных и публицистических текстах писателей-врачей выявило еще одну особенность: как ведущий член сравнительной конструкции, констатирующая часть содержит компоненты («общие члены»), отражающие связь сравнительной конструкции с предшествующим ей текстом или с предшествующей частью сложного предложения. Эти общие, связующие компоненты или не воспроизводятся, или прономинализируются. В первом случае констатирующая часть оказывается «неполносоставной» и имеет форму конструкций, которые в «Русской грамматике» именуется «высказываниями, не функционирующими в независимой позиции» [4, с. 602-615]. В изученных текстах отмечены три основных типа таких построений:

а) сравнительные конструкции с контекстуально-неполной констатирующей частью. Такие конструкции функционируют и как отдельные предложения, и как компоненты сложных предложений: *Мы делали все, что могли, чтобы уменьшить риск операции. И в результате кровопотери было меньше, чем всегда* [2, с. 139].

б) сравнительная конструкция с неполносоставной констатирующей частью – ответная реплика диалогического единства:

– *Вы слышали сейчас его доклад на конгрессе?* – *спросил другой, одетый в европейское платье. - Раньше, чем вы, - ответил русский профессор* [Там же, с. 116].

в) *сравнительная конструкция (точнее – ее констатирующая часть), имеющая форму присоединительного члена: Мы осмотрели операционную. Пожалуй, здесь даже лучше, чем в Джайпуре* [Там же, с. 116].

Следует добавить, что для связи сравнительных конструкций с предшествующим текстом в составе констатирующей части регулярно используются указательные местоимения различных разрядов: этот, тот, так, там, здесь, тогда.

Однако особое место в сравнительных конструкциях принадлежит указательному субстантивированному местоимению *это*. Оно возможно и в констатирующей, и в сравнительной части, но выполняет в них разные функции. В сравнительной части местоимение *это* отражает ее часть с констатирующей, в констатирующей части – связь сравнительной конструкции с предшествующим текстом.

Сравнительная конструкция с местоимением *это* в констатирующей части может быть отдельным предложением и входить в состав сложных предложений разного строения. Так, в сложноподчиненных предложениях сравнительные конструкции с местоимением *это* в констатирующей части возможны и в главном, и в придаточном. Местоимение *это* в главной части может представлять придаточное как обозначение субъекта или основания сравнения. В связи с тем, что местоимение *это* выполняет иные функции, чем соотносительные местоимения и другие коррелятивы, оно употребляется вместе с ними и без них (когда коррелятивы факультативны или невозможны): *Как ни указывали почти все авторы на многочисленные осложнения при больших послеоперационных грыжах, все же это лучше, чем возможность повреждения кишечника* [Там же, с. 139].

Если сравнительная конструкция образует придаточную часть, это отсылает или к предшествующему тексту, или к главной части: *Вот и я решил применить способ ушивания грыжевого отверстия по Напалкову, думаю, это была правильная стратегия* [Там же, с. 139].

Таким образом, местоимение *это* не связано ни с сочинением, ни с подчинением: оно отражает последовательность компонентов в синтагматической цепи, в тексте. Однако субстантивированное местоимение **это** не только отсылает к фрагменту предшествующего текста, но и замещает его и представляет его содержание в составе констатирующей части как предмет, выступающий в роли субъекта, объекта или обстоятельства. Кроме того, синтаксической связью *это*

с компаративом обозначаемое им (местоимением) представляется как определенным образом участвующее в сравнительном отношении.

Лингвистический анализ констатирующей части сравнительных конструкций, отражающих отношение различных субъектов к событию, обозначенному местоимением *это*, выявил следующие их функциональные задачи:

а) актуализация степени чьей-либо осведомленности о событии: *Мне не нужны все «за» и «против», я знаю это лучше, чем вы* [Там же, с. 139].

б) ввод дополнительной информации о событии, существенной с точки зрения конкретного или неопределенного субъекта: *Удалили тромб, из просвета сосуда показалась алая артериальная кровь. Это доказывает проходимость сосуда* [Там же, с. 111].

в) воздействие события на кого-либо: *Ноги болят больше и больше. С каждым днем хуже. Это взволновало меня* [Там же, с. 151].

г) восприятие события субъектом и реакция на него: *Вновь он провел дополнительную анестезию, чтобы предупредить невольное напряжение мышц живота. Случись это – опять выпадение внутренних интенсивнее, чем при обычном ушивании грыжевого кольца* [Там же, с. 140].

Таким образом, можно утверждать, что констатирующая часть сравнительных конструкций в определенной мере представляет субъективный фон, на котором происходит событие, обозначенное местоимением *это*.

Следует отметить, что прономинализированная констатирующая часть сравнительных конструкций не ведет изложение дальше, а представляет тот субъективный фон, на котором происходит событие, обозначенное местоимением *это*.

Таким образом, по своему формальному устройству констатирующая часть однокомпаративных конструкций сложнее, чем сравнительная, потому что в своем составе содержит не только то, что принадлежит ей самой по себе, но и строевые и лексические компоненты, принадлежащие всей сравнительной конструкции в целом, которые отражают ее роль и связи в предложении и тексте.

Список литературы

1. Аксенова Е.Д., Мирзоева В.М., Мирзоева Е.З. Модальность научного (медицинского) текста (на материале текстов оториноларингологии // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 4-1 (28). С. 154–161.
2. Литературное творчество писателей-врачей / Янова Н.Н., Мирзоева В.М., Витлинская Л.Г., Ткачева Р.А., Кузнецова А.А. Тверь: ТГМА, 2003. 192 с.
3. Мирзоева В.М., Кузнецова А.А., Мирзоева Е.З. Коммуникативно-прагматическая функция сложных предложений в диалогической структуре текстов медицинской направленности // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2017. № 1. С. 207–211.
4. Русская грамматика. Т. II / отв. ред. И.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 714 с.
5. Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск, 1976. 270 с.
6. Чехов А.П. Повести и рассказы. М.: Советская Россия, 1980. 336 с.
7. Широкова Н.А. Типы синтаксических конструкций со сравнительным союзом в составе простого предложения. Казань: Изд-во КГУ, 1960. 153 с.

References

1. Aksenova E.D., Mirzoeva V.M., Mirzoeva E.Z. Modal'nost' nauchnogo (meditsinskogo) teksta (na materiale tekstov otorinolaringologii [Modality of the scientific (medical) text (based on texts on otorhinolaryngology)]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2016. № 4-1 (28). P. 154–161.
2. Yanova N.N., Mirzoeva V.M., Vitlinskaya L.G., Tkacheva R.A., Kuznetsova A.A. *Literaturnoe tvorchestvo pisateley-vrachey* [Writers-doctors' literary works]. Tver': TGMA, 2003. 192 p.
3. Mirzoeva V.M., Kuznetsova A.A., Mirzoeva E.Z. Kommunikativno-pragmaticheskaya funktsiya slozhnykh predlozheniy v dialogicheskoy strukture tekstov meditsinskoj napravlenosti [Communicative-pragmatic function of complex sentences in the dialogical structure

- of medical texts]. *Vestnik Tverskogo gosudarst-vennogo universiteta. Seriya «Filologiya»*. 2017. № 1. P. 207–211.
4. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Т. II. М.: Nauka, 1980. 714 p.
 5. Cheremisina M.I. *Sravnitel'nye konstruksii russkogo yazyka* [Comparative Structures of the Russian Language]. Novosibirsk, 1976. 270 p.
 6. Chekhov A.P. *Povesti i rasskazy* [Short novels and stories]. М.: Sovetskaya Rossiya, 1980. 336 p.
 7. Shirokova N.A. *Tipy sintaksicheskikh konstruksiy so sravnitel'nyim soyuzom v sostave prostogo predlozheniya* [Types of syntactic constructions with a comparative conjunction in a simple sentence]. Kazan': Izd-vo KGU, 1960. 153 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Мирзоева Валентина Михайловна, заведующая кафедрой русского языка; кандидат филологических наук; доцент
Тверской государственный медицинский университет
ул. Советская, 4, г. Тверь, 170100, Российская Федерация
ruslang@tvergma.ru

Кузнецова Анжелика Алимовна, доцент кафедры русского языка; кандидат филологических наук; доцент
Тверской государственный медицинский университет
ул. Советская, 4, г. Тверь, 170100, Российская Федерация

Витлинская Людмила Григорьевна, старший преподаватель кафедры русского языка

Волович Майя Ильинична, доцент кафедры русского языка; кандидат педагогических наук
Тверской государственный медицинский университет
ул. Советская, 4, г. Тверь, 170100, Российская Федерация

DATA ABOUT THE AUTHORS

Mirzoeva Valentina Mikhaylovna, Head of the Chair of Russian Language, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Tver State Medical University
4, Sovetskaya str., Tver, 170100, Russian Federation
ruslang@tvergma.ru

Kuznetsova Anzhelika Alimovna, Associate Professor of the Russian Language Department, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Tver State Medical University
4, Sovetskaya str., Tver, 170100, Russian Federation

Vitlinskaya Lyudmila Grigorevna, Senior Lecturer of the Russian Language Department

Tver State Medical University
4, Sovetskaya str., Tver, 170100, Russian Federation

Volovich Mayya Il'ichna, Associate Professor of the Russian Language Department, Candidate of Pedagogical Sciences

Tver State Medical University
4, Sovetskaya str., Tver, 170100, Russian Federation

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-5-175-193

УДК 811.161.1'37:811.221.18

РЕДУПЛИКАТИВНЫЕ ФОРМЫ ОСЕТИНСКОГО ГЛАГОЛА В АСПЕКТЕ КОНТЕКСТНОЙ СЕМАНТИКИ

Моргоева Л.Б.

Цель. Статья посвящена изучению феномена редупликации как одного из видов повторов, используемых в качестве способов построения новых слов. Эволюционные признаки редупликации показали ее неразрывную связь с морфологией, семантикой и синтаксисом. Автор ставит целью рассмотреть семантические и грамматические особенности образования и функционирования редупликативных форм в осетинском языке.

Метод или методология проведенной работы. Используются методы сравнительного и структурного анализа и обобщения.

Результаты. Объем и разнородность семантических различий вызвали необходимость в рамках данной статьи ограничиться единственным морфологическим классом, в качестве которого выступил глагол и его формы. Исследование показало, что практически все глаголы, исходя из собственной семантики, поддаются редупликации. Редупликативные формы образуются при помощи глагольных префиксов. В связи с этим рассматриваются все продуктивные превербы в осетинском языке на предмет определения их способности/неспособности к редупликации и выявления в образованных формах семантических и грамматических изменений. К грамматическим изменениям можно отнести формальный переход из простого глагола в именную часть сложного, а также изменение категории вида. К семантическим изменениям отнесены различные дополнительные смыслы, возникающие при редупликации с опорой на собственное значение словообразующих морфем. Причем в некоторых случаях они могут заменяться или приобретать противоположное значение в зависимости от контекста. Прове-

денный анализ позволил вывести основные типы редупликативных форм и их продуктивность.

Область применения результатов. Результаты проведенного исследования могут быть полезны при изучении морфологического статуса глагольных лексем в осетинском языке, а также при дальнейшем исследовании редупликации как лингвистического явления.

Ключевые слова: лексика; семантика; редупликация; контекстная семантика; осетинский язык.

REDUPLICATIVE FORMS OF THE OSSETIAN VERB IN THE ASPECT OF CONTEXTUAL SEMANTICS

Morgoeva L.B.

Purpose. The article is devoted to the study of the phenomenon of reduplication as one of the types of repetitions used as ways of constructing new words. Evolutionary signs of reduplication have showed its inseparable connection with morphology, semantics and syntax. The author aims to consider the semantic and grammatical features of the formation and functioning of reduplicative forms in the Ossetian language.

The method or methodology of the work performed. Methods of the comparative and structural analysis as well as generalization are used.

Results. The volume and heterogeneity of semantic differences caused the need in the framework of this article to be limited to one morphological class, i.e. the verb and its forms. The study has showed that almost all verbs, based on their own semantics, are amenable to reduplication. Reduplicative forms are formed using verbal prefixes. In this regard, all productive preverbs in the Ossetian language are considered in order to determine their ability/inability to reduplication and identify semantic and grammatical changes in the educated forms. Grammatical changes include the formal transition from the simple verb to the nominal part of the complex, as well as a change in the category of the form. The semantic changes include various additional meanings arising from reduplication based on the proper meaning of word-forming morphemes.

And in some case, they can be replaced or acquire the opposite meaning depending on the context. The analysis allowed to deduce the main types of reduplicative forms and their productivity.

Practical implications. *The results of the study can be useful in the study of the morphological status of verbal lexemes in the Ossetian language, as well as in the further study of reduplication as a linguistic phenomenon.*

Keywords: *vocabulary; semantics; reduplication; contextual semantics; Ossetian language.*

Основные морфонологические процессы связаны с редупликацией, которая широко представлена в различного рода повторах слов и их частей, результатом которых становятся новых слов. Редупликация в каждом языке проявляется по-разному и имеет различную степень распространения: «В тех языковых системах, где редупликация является употребительным видом словопроизводства, она тесно взаимосвязана со звукоподражанием. Эта взаимосвязь и есть мотивирующий признак, положенный в основу слов, которые являются результатом редупликации» [4, с.13].

В осетинском языке редупликация является достаточно частым явлением и влечет за собой формальные, структурные и семантические изменения лексической единицы. Причем редупликации подвергаются как слова-ономатопы, для которых характерно ассоциативно-изобразительное восприятие, так и слова с самостоятельным логико-предметным значением.

Механизмы редупликации практически схожи, но формально-грамматические и семантические изменения в каждом случае происходят по-разному. В рамках типологических характеристик значения повторов могут быть разнообразными и выражать множественность, дистрибутивность, интенсивность, многократность, увеличительность [13].

Отдельные виды повторов в осетинском языке затрагивались в ряде работ, где выявлялись основные способы редупликации лексем и связанные с ним семантические изменения. [1; 7; 11]. Однако

существующих исследований, посвященных редупликации, недостаточно чтобы иметь полное представление о природе данного явления в языке и его значимости в речи: «Что касается грамматического использования данного явления, то оно не рассматривается вообще. Не принимается во внимание, что наряду с аффиксацией, внутренней флексией, сложениями, служебными словами, порядком слов и многими другими, редупликация может быть использована как грамматические средства при передаче того или иного грамматического значения [9, с. 68].

Следует сказать, что в осетинском языке повторы встречаются не только как стилистический прием в речи, но и как важный способ словотворчества, активную и главенствующую роль при котором играют приставки, на которые перекладывается большая часть смысловозначительной нагрузки. Кроме того, они влияют и на изменение частеречного статуса слова и изменение некоторых грамматических категорий.

Среди многочисленных работ, посвященных различным видам повторов, встречаются классификации по частям речи, где парные слова подвергаются анализу по лексико-грамматическим разрядам [14]. Особенно ценным при этом является указание на звуковые чередования в глагольных формах, возникающие при их редупликации.

В осетинском языке значительная часть редупликативных форм слова встречается в глагольных лексемах. Однако возможен их переход и в отглагольное существительное, наречное слово и деепричастие. В ряде случаев могут представлять собой эквиваленты фразеологизмов в зависимости от контекстного употребления.

Помимо дополнительных смысловых оттенков, которыми нагружается слово при редупликации, оно еще способно изменять грамматическую категорию вида и формальные признаки. Противопоставления совершенного и несовершенного вида наблюдаются, к примеру, и в некоторых кавказских языках [8], причем параметры вида являются не постоянными, а обратимыми в зависимости от семантики самого глагола, поскольку именно она кодируется редупликацией [2].

В осетинском языке категория совершенного вида выражается при помощи продуктивных глагольных приставок, отсутствие которых позволяет глаголам сохранять несовершенный вид. Однако, помимо изменения категории вида, наличие или отсутствие приставок придает глаголам различные дополнительные смысловые оттенки, в том числе и оттенки субъективной оценки совершаемого действия. Наиболее ярко эти смысловые оттенки распознаются в контекстном окружении: «В зависимости от лексического значения глагола, времени глагола, контекста речи в целом и способности сочетаться с различными глаголами приставки могут сообщать глагольной форме, кроме видового значения, дополнительные семантические и грамматические оттенки значения» [5, с. 237].

Известно, что каждый префикс имеет свою семантику, благодаря которой изменяется характер действия, его направление, интенсивность и «адресация». Не акцентируя внимание на категорию переходности, отметим особенности глагольных приставок и характер их влияния на семантику и грамматическую форму слова.

Способность к редупликации отмечается практически у всех глаголов. Дублирование простого глагола приводит к образованию от него сложной формы, превращая его в дублированную именную часть сложного глагола исключительно при участии какого-либо преверба (*бадын* «сидеть» — *абад-абад канын* «присаживаться, периодически»).

Итак, в рамках одной части речи превербы используются в дублированных частях для семантической передачи интенсивности, кратковременности, бессмысленности, бесполезности, праздности, активности, периодичности и других оттенков совершаемого действия.

Наиболее распространенным в осетинском языке является чередование превербов с противоположными значениями (к примеру, *ра-* соответствует русскому *вы-* и *ба-* — русскому *за-*). В самостоятельном употреблении эти и другие превербы в осетинском языке могут сочетаться основами, результатом чего могут стать неожиданно выразительные смысловые оттенки.

Однако, в данной статье речь идет о дублированных словах, в которых указанные парные сочетания превербов с противоположной направленностью действия дают семантику динамичного движения или активности действия с дополнительными коннотативными смыслами исходя из логико-смыслового содержания основы. Примечательно, что в редупликативной форме слово теряет базовые грамматические признаки и становится именной частью сложного глагола, то есть, освобождаясь от грамматических признаков глагола, лексема может выполнять роль другой части речи, в зависимости от контекста: *батæхын* «залететь, забежать» при упомянутом способе редупликации приобретает форму *ратæх-батæх* «беготня».

Для сохранения глагольного статуса лексическое образование требует вспомогательного глагола *кæнын* «делать» как носителя грамматической информации. Сравним: *Йæ ратæх-батæхæй йын сфæлмæцыдтæн* «Надоела мне его беготня» И *Æнæпайдæ ратæх-батæх кæны* «Бесполезно бегают (туда-сюда)»; *Уыцы ракæ-бакæ махæн слæудзæн тумантæ, æмбулгæ та дзы ракæндзыстæм минтæ. (Хуыгаты С.)* – «Эта волокита нам обойдется в десятки рублей, а выиграем тысячи».

В зависимости от лексического окружения повторяемая лексическая часть может быть именной частью сложного глагола, а также выступать в качестве отглагольного существительного, и, помимо значения многократности, передавать целый ряд дополнительных смысловых оттенков разной степени интенсивности и продолжительностью во времени (*æппарын* «бросать, кидать» – *раппар-баппар* (*кæнын*) «кидание, бросание /кидать, бросать»; *лидзын* «бегать, убегать» – *ралидз-балидз* (*кæнын*) «избегание, беготня / избегать»; *тæрын* «гнать» – *ратæр-батæр* (*кæнын*) «гонение / гонять туда-сюда» и др.).

При наличии функционально-грамматических и собственных смысловых наполнений, глаголы в редуплицированном виде ведут себя несколько иначе, чем в исходной форме, причем как простые, так и сложные. Следует отметить, что при повторении глагольная форма трансформируется в именную часть сложного глагола при помощи вспомогательного глагола *кæнын* «делать».

Основная часть продуктивных глагольных префиксов в осетинском придает глаголам движения, перемещения и некоего процесса направление сверху вниз, снизу-вверх, из стороны в сторону на одной плоскости относительно говорящего и адресата речи. Остальные же смысловые оттенки, возникающие с присоединением префикса, можно считать различного рода субъективными интенсификаторами.

Почти все глаголы поддаются редупликации, при которой происходят семантические изменения, сопровождаемые дополнительными коннотативными оттенками за счет ослабления исходных денотативных компонентов. Часто это происходит с глаголами, в составе которых выделяются приставки, наделяющие слово семантикой движения и указывающие на его различные направления. В этом случае редупликация усиливает динамичность самого действия и его повторяемость с некоторой периодичностью.

Так, преверб *a-* семантически характеризуется как интенсификатор действия с небольшой протяженностью во времени. Интенсивность выражается во внезапности начала совершаемого действия и при этом кратковременного, но усиленного, активного исполнения. Эти значения рожают дополнительный смысл поверхностного и малозначимого, несерьезного действия или такового отношения к нему (*йæ фарсмæ абадын* «посидеть возле него» — действие, продолжающееся какое-то время или «внезапно сесть рядом»). Более отчетливо смысловые оттенки определяются в контекстном окружении, которое помогает активизировать тот или иной дополнительный семантический компонент, которым его наделяет сам преверб (*йæ фарсмæ æвиппайдь абадын* «внезапно и быстро присесть рядом»).

Редупликация глаголов с данным превербом происходит двумя способами: а) в первом случае глагол повторяется без изменения, и указывает на действие, направленное в одну сторону, при этом процесс движения и перемещения в зависимости от собственной семантики слова и контекста приобретает оттенки периодичности, прерывистости, длительности, утомительности совершаемого дей-

ствия (*ахаец-ахаец каенын*) «толкание / толкать (постоянно, усиленно)», *рахас-рахас каенын* «выносить (постоянно, часто)», *ауай-ауай (каенын)* «выхождения / выходить (спешно и часто)».

Пр.: *Уынгма дæр уымæн куы рацъд, фæндагмæ дæр уымæн куы акæс-акæс каены.* (*Цæгæраты М.*) – «На улице тоже для этого вышел, на дорогу тоже поэтому посматривает»; *Совхоз «Сæууон рухс»-ы сæрдар ыл йæхи асæрф-асæрф каены.* (*Ситохаты С.*) – «Председатель совхоза «Утренняя заря» об него постоянно обтирается»; *Ханафи йæ цæстытæ асæрф-асæрф каены.* (*Темыраты Д.*) – «Ханафи периодически вытирает свои глаза»; *Йæ цард йæхи къахæй ассон-ассон каены.* (*Дзабиты З.*) – «Свою жизнь собственной ногой попирает (усиленно)».

б) во втором случае префикс **а-** может быть присоединен к уже редуцированной именной части с противоположными по значению префиксами **ра-/ба-**: *аракæс-бакæс каенын* «поразглядывать, (со всех сторон), поглядываться (по сторонам), оглядеться вокруг (быстро, по сторонам)», *аразил-базил каенын* «повертеть(ся) туда-сюда», *арахон-бахон каенын* «поводить (туда-обратно), приглашать (взаимно, какое-то время)».

В случае полной дубликации семантическое наполнение лексемы указывает на повторяемость однообразного действия с некоторой периодичностью, а дополнительным смысловым значением является семантика настойчивости совершаемого действия: *бадзур-бадзур (каенын)* «дозванивание / звать (звонить) постоянно», *бакæс-бакæс (каенын)* «по(д)сматривание / посматривать (заглядывать) постоянно», *бацу-бацу (каенын)* «захаживания / заходить, захаживать (постоянно, систематически)».

Следует отметить, что в полных повторах возможно употребление именной части самостоятельно без вспомогательных глаголов *каенын*. Возможность употребления их в качестве субстантивов определяется способностью приобретать формы множественного числа (*бадзур-бадзуртæ* «звонки, оклики», *бакæс-бакæстæ* «взгляды, поглядывания» и под.) с сохранением дополнительных коннотативных смыслов.

Во втором случае префикс **a-** присоединяется в качестве дополнительного только к первой части редупликанта. При этом актуализируется семантика действия в интервале некоторого определенного промежутка времени с оттенком бесполезности, бессмысленности и безрезультатности совершаемого действия. Иными словами, если чередование превербов **pa-/ba-** наделяет глагольную форму движением «туда-обратно» с оттенком праздной суеты, то в сочетании с превербом **a-** появляется семантика временности.

Схематически это выглядит следующим образом: **a+pa+у- ай-ба+уай каьнын** «походить туда-сюда»; **аратæх-батæх каьнын** «побегать туда-сюда».

Именная часть таких сложных глаголов не используется самостоятельно и не выполняет функциональную роль иной части речи. Они имеют только глагольную форму.

Приставки **ба-** и **ра-** имеют схожие значения с той лишь разницей, что указывают на противоположное друг другу направление действия относительно говорящего или объекта и совершателя действия. [7, с. 86; 5, с. 239-240; 3, с. 286]. На основании этой противоположности значений данные превербы могут встречаться в парной редупликации именной части сложного глагола, придавая совершаемому действию, в зависимости от контекста, значение временного и пространственного ограничения, и в то же время периодичности этого действия, его бесполезности, поверхностного или настойчивого исполнения.

Повторы глаголов с этими превербами также проходят двумя способами: а) полное повторение частей с одним и тем же превербом (*Байгом-байгом каьнын* «открывать постоянно (с некоторой степенью настойчивости и бесполезности)», *базмæл-базмæл каьнын* «шевелиться (изредка, временами)», или *райс-райс каьнын* «брать постоянно, часто», *рабад-рабад каьнын* «вставать постоянно (в кровати)», *ракаес-ракаес каьнын* «выглядывать постоянно»);

б) чередование превербов **pa-/ba-** в редупликативных частях (*райгом-байгом каьнын* «открывать постоянно», «открывать-закрывать»; *ракаес-бакæс каьнын* «разглядывать со всех сторон», «огля-

дываться по сторонам»; *рахас-бахас канын* «носить туда-сюда», «выносить-заносить»; *райс-байс канын* «брать постоянно», «брать-класть», «перекладывать постоянно»; *рабад-бабад* «пересаживаться постоянно», «рассиживаться» и т.д.). Пр.: *Ана дзагъал раке-бакъейе ма куы бамбарид. Лæгъста канынæй мын æнаддæр ницы ис. (Цомартаты И.)* – «Поняла бы (она) меня без лишней волокиты. Неприятней всего для меня упрашивания»; *Майы рухсма нымæт йæ иу къухæй инна къухма райс-байс кодта. Цыдæр дзы агуырда. Фæлæ цы? (Цагартаты М.)* – «Под лунным светом перекладывал (все время) свою шапку с одной руки в другую. Что-то в ней искал. Но что?»; *Сæ иуæй иннама райс-байс кодта йæ цæстæнгас, стæй йæ Джакъойыл фæурæдта. (Сечъынаты Л.)* – «С одного на другого (постоянно) переводил свой взгляд, потом остановил на Джак».

Изменения семантических оттенков особенно заметны даже вне контекста при подборе лексического соответствия в русском языке. Варьирование дополнительных оттенков в значении также очевидно. Пожалуй, это наиболее распространенная и устойчивая пара провербов в осетинском языке, используемая при редупликации глагольных лексем.

Примечательно, что при повторах в именной части сложных глаголов семантика основательности исчезает и ослабевает семантика начала действия, стремительности и интенсивности, поскольку редупликация наделяет значением периодичной повторяемости действия, а значит исключается семантика основательности и завершенности. Вместо этого возникает семантика неполного совершения действия, отсутствие его окончательности. Таким образом деактуализируются дополнительные смыслы «обычности протекания действия», «изъятия, извлечения, отделение чего-либо» [3, с. 287].

Удвоению могут подвергаться и глаголы с другими провербами со значением направления движения, но отмечаются незначительные отличия и расхождения.

Проверб *æр-* из всех ранее описанных значений [5, с. 241; 3, с. 287] при удвоении также образует именную часть сложного глагола и сохраняет лишь значение направления движения сверху

вниз. Остальные дополнительные смыслы контекстуального значения нейтрализуются при дублировании, поскольку повторяемость действия исключает семантику необычности (ср. *Арфæнды йæ æркафын* «Бывает захочется ему станцевать» – *æрфæнд-æрфæнд æй кæны* «часто (несмело) ему хочется» – *æркаф-æркаф кæнын* «пританцовывать (периодически, часто, неуверенно)»).

Пр.: *Ноджыдаер ма цу дохтыр Даримæ æруай-æруай кæны. Рынчындоны базонгæ сты. (Ситохаты С.)* – «Еще врач один к Дари захаживает (часто). В больнице познакомились»; *Йæ сахатмæ æркаес-æркаес кæны. (Цомартаты И)* – «Поглядывает (постоянно) на свои часы».

По этой же причине неактуальным становится семантика тщательности и основательности действия, свойственная исходной форме. Вместо этого в редулицированном виде появляется другое семантическое наполнение, сообщающее нам о незавершенности действия и его поверхностном исполнении (Ср. *аркасын* «рассмотреть, посмотреть (сверху вниз)» и *чиныгмæ аркаес-аркаес кæнын* «подсматривать в книгу»; *арæвналын* «дотронуться (наклонясь)» – *арæвнал-арæвнал кæнын* «наклоняться за чем-либо (постоянно)»; *æрцу-æрцу кæнын* «приходить постоянно (откуда-то)» и т.д.). В редулицированной форме может меняться как семантическое значение, так и стилистическая окраска слова: *кувын* «молиться» — *сарæй аркув-аркув кæнын* «головой кивать, кимарить»; *æрбырын* «приползти» *Æрбыр-æрбыр кæнын* «сползать (периодически, часто)».

Необходимо отметить, что не все глаголы с префиксом *æр-* способны к редуликации, а лишь те, что в силу собственного логико-смыслового наполнения могут выступать как повторяющиеся действия.

Случаи редуликации глагольных частей с превербом *æр-* относительно редки. И семантика в них так же подвержена изменению в части обычности действия, и его основательности. Они, так же, как и в случае с остальными превербами, приобретают семантику незавершенного действия и протяжности во времени.

Противоположным по значению является преверб *с-*, основным видимым значением которого является указание на действие,

направленное снизу вверх. Остальные смысловые наполнения являются дополнительными и являются сугубо контекстуальными. Так, оттенок моментальности и быстроты совершения действия или начала этого действия сохраняется лишь в случае с повторами глаголов, имеющих звукоизобразительную природу возникновения, поскольку в них любой преверб присоединяется только в первой части редупликанта [11], тогда как в глаголах с собственным логико-смысловым значением преверб сохраняется в обеих частях. Ср.: *сәер срис-срис кәны* «голова периодически побаливает», *скьәер-кьәер кәнын* «затрещать». Исходя из этого, оттенки моментальности и быстроты совершения действия, неопределенности и обычности его протекания [5, с. 243], так же как и семантика полноты и основательности действия [3, с. 288], отходят на второй план при редупликации глаголов с данным превербом. При редупликации из всех дополнительных значений сохраняется только семантика начала действия или процесса, а может обозначать попытки начать это действие: *схаец-схаец кәнын* «поднимать (периодически), пытаться поднять»; *сдзур-сдзур кәнын* «пытаться сказать, заговаривать»; *скьуыр-скьуыр кәнын* «спотыкаться, наткнуться, (часто)», *суас-суас кәнын* «пытаться завывать, издать звук».

Пр.: *Энвер ын цы загъа, уый нә зоны амаә ницы дзуры, әр-маәст йә уәхсчытыл схаец-схаец кәны. (Цомартаты И.)* – «Энвер не знает, что ему сказать, только (все время) пожимает плечами»; *Асланбег маә фарсмаә бадт, нозтджын ләдҗы ныхаәстәм хьуы-ста амаә аивай йә хәдзары сәрмаә скәес-скәес кодта. (Цагәраты М.)* – «Асланбек сидел рядом, слушал разговоры выпившего человека и незаметно (все время) поглядывал на крышу своего дома».

Глаголы с превербом *с-* практически во всех своих описанных значениях способны удваиваться и усиливать тем самым имеющиеся значения, которыми их наделяет сам преверб. Кроме того, в каждом случае добавляется оттенок неполноты совершаемого действия или попытки совершить его. Для усиления интенсивности передаваемого действия в разговорной речи встречаются парное дублирование *с-/әер-* по аналогии с парными превербами *ра-/ба-*:

схаец-архаец каенын «тянуть, оттягивать (какое-либо дело)», *сис-арис каенын* «поднимать-спускать (бесполезно, утомительно)»; *сцу-арцу каенын* «сходить-приходить (бесцельно, бесполезно)» и под. В этом случае основной акцент делается на направление движения сверху вниз и обратно, что создает эффект утомительного протяжного действия, не имеющего завершения.

Пр.: *Сым-сым амае схаец-архаец сты адамы цыфыддаер знаг-тае амае сыл мах дсер нае къух ауигъам.* (Ситохаты С.) – «Сопение и волокита являются заклятыми врагами людей, и мы тоже махнем на них руку».

Что касается остальных продуктивных глагольных превербов в осетинском языке, то они редко встречаются в редуприкативных формах, хотя гипотетически нет никаких формальных препятствий для этого.

Преверб *ны-*, так же как предыдущие превербы, указывает на направление действия, в данном случае сверху вниз, но основным его семантическим компонентом является значение интенсивности, которым наделяется глагол с его участием и, как правило, доминирует: *зарда нырризы, ныккарзы* «сердце дрожит, содрогается (сильно)»; *къадзахтае ныннаерынц* «горы сотрясаются»; *зынтсен ныффаразын* «трудности стерпеть, натерпеться»; *сугтае ныссаттын* «дрова наломать» [10].

Очевидно, что сочетание значений «интенсивной направленности» действия существенно сужает круг семантически допустимых глаголов, которые могут быть редулицированы, и, самое главное, когда это удвоение может быть оправдано и актуально в контексте. В основном это глаголы движения изначально с ослабленной семантикой интенсивности, которая при удвоении «стирается»: *ныхау-ныххау каенын* «проваливаться (постоянно)», *ныххиз-ныххиз каенын* «спускаться вниз (постоянно)» и др. Таким образом, при возможной редуликации именная часть образованного сложного глагола теряет свою интенсивность, основательность и завершенность, полноту, иногда грубость и приобретает смысловые оттенки многократности однообразного действия, его безуспешности.

Сугубо контекстуальным является удвоение глаголов с превербом **æрба-** в именной части. Будучи сложной приставкой, образованной из превербов **æр-** + **ба-**, она придает глагольным образованиям оттенки «внезапности, моментальности совершения действия, зависящей, большей частью, от лексического значения самого слова» [5, с. 242], «значение неожиданности, быстроты, неосновательности действия» [3, с. 289]: *æрбаргæвдын* «прирезать (внезапно)», *æрбарынчын уæвын* «заболеть (внезапно)», *æрбамæлын* «умереть (внезапно, неожиданно)» и т.д. Дублирование таких глаголов коммуникативно неоправданно, поскольку семантика «внезапности» и другие дополнительные смыслы, которые несет сам преверб, включают возможность повторения этого действия.

Как и в случае с превербом **ны-**, удвоение возможно при актуализации семантики направления движения, действия (*æрбакаæс-æрбакаæс кæнын* «заглядывать, посматривать (периодически, временами)»; *æрбацу-æрбацу кæнын* «приходить (постоянно и часто)») или длительно повторяющегося процесса (*æрбадзур-æрбадзур кæнын* «звать, звонить (постоянно, настойчиво)») и т.д. Причем редуцированный глагол семантически подразумевает повторяющееся действие с постоянным возвращением на исходную позицию. Таким образом, если *æрбацæуын* («прийти») означает движение, совершенное из одного пункта в другой, то *æрбацу-æрбацу кæнын* («постоянно приходить») означает действие, совершаемое периодически с постоянным возвратом на исходную позицию.

Фæ- является наиболее отвлеченной приставкой из всех перечисленных. Она совершенно потеряла свое былое пространственное значение, что дает ей возможность вступать в соединение почти со всеми глаголами. [5, с. 245–246]. Основными значениями этой приставки являются моментальность и внезапность действия, длительность и обстоятельность действия, обычность и постоянство. В силу своей пространственной «универсальности» глаголам перемещения могут придавать «значение с любым направлением от говорящего (в сторону в прямой плоскости, внутрь, вниз, наружу,

вверх) (*фаэауыны хохма* «идут, отправляются в гору», *фаеласыны хор* «везут, (от)возят зерно»)» [3, с. 289].

С данным превербом удваиваются только глаголы, которым преверб придает оттенок внезапности. *Ферттив-ферттив каэнын* «мелькать, поблескивать (неожиданно, внезапно)», *февнал-февнал каэнын* «браться, приступать, начинать (внезапно, вдруг)»; *фаехау-фаехау каэнын*, «падать, отрываться, выпадать (внезапно, неожиданно)»; *фестъэлф-фестъэлф каэнын* «вздрагивать» и под.

Пр.: *Уаеда айфыццаг рынчын родаен ахсыр куы дардтам, уаед-иу да барзайма цамаен февнал-февнал кодтай... (Ситохаты С.)* – «Почему тогда недавно при кормлении теленка ты частенько хватался за шею»; *Рахиз къухай йае сарма февнал-февнал каэны. (Цомартаты И.)* – «Правой рукой постоянно дотрагивался до своей шеи».

Глагольная приставка **фае-** может присоединяться к уже образованному редуликанту и функционировать по той же схеме, что и приставка, *а-*, а именно: **фае-** + *ра* + *каэн* – *ба-* *каэн*. Но в отличие от приставки *а-*, наделяющей редулицированный глагол семантикой кратковременности и внезапности, приставка **фае-** придает повторяемому действию затяжной характер.

Пр.: *Знон ма амбырды бире фаэракае-бакае кодтой, стай ма ныхъхъытты уагътой. (Цаггераты М.)* – «Вчера еще на собрании долго мучили, потом оставили меня в покое».

Итак, проведенный анализ позволяет нам сделать вывод о том, что основная часть глаголов склонна к редуликации полной или частичной. Редуликативные формы образуются при помощи превербов с различной семантической нагрузкой и способствуют выражению различных коннотативных оттенков, которые зависят от контекстного употребления того или иного редулицированного глагола. При этом семантические расхождения могут быть как явными, так и незначительными, скрытыми.

Исследование показало, что редуликации могут подвергаться исключительно простые формы глаголов, которые при этом переходят в именную часть сложного глагола, самостоятельно способную выполнять функции субстантива.

Весьма важным наблюдением является и то, что глаголы совершенного вида, которые в осетинском языке образуются при помощи превербов, при редупликации переходят в несовершенный вид с сохранением тех же превербов.

Список литературы

1. Абаев В.И. Мимео-изобразительные слова в осетинском языке. Труды Института языкознания. М., 1956, Т.6/ С. 409–427.
2. Алисултанов А.С. Редупликация в лексической системе лезгинских языков. Махачкала: ДГПУ, 2012. 140 с.
3. Багаев Н.К. Современный осетинский язык: Учебное пособие для вузов. Ордзоникидзе, 1965. Ч. I. 487 с.
4. Бекташ Локман «Структура и семантика редупликации в турецком и таджикском языках», дисс... канд. фил. наук. Душанбе, 2015. 198 с.
5. Грамматика современного осетинского языка. / Под. ред. Г.С. Ахведиани. Ордзоникидзе, 1963. Т I. 367 с.
6. Дзодзикова З.Б. Современный осетинский язык (фонетика, лексика и фразеология, словообразование). Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2017. 159 с.
7. Исаев М.И. Дигорский диалект осетинского языка. Фонетика. Морфология. Москва: Наука, 1966. 223 с.
8. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М.: МГУ, 1988. 226 с.
9. Минлос Ф.Р. Редупликация и парные слова в восточно-славянских языках: дисс... докт. филол. наук. М., 2004. 183 с.
10. Моргоева Л.Б. Контекстное варьирование внутренней семантики глагольных номинаций в осетинском языке. Известия СОИГСИ. Вып. 33(72) 2019. С. 63–73.
11. Моргоева Л.Б. Структурно-семантические особенности звукоизобразительных единиц в языке и тексте. Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. Вып. 22. С. 78–86.
12. Осетинско-русский словарь /под ред. Т.А. Гуриева. Владикавказ: Алания, 2004. 540 с.

13. Панфилов К. «Типологическая реконструкция древнейших языковых состояний. URL: <http://erlang.kirillpanfilov.com/euskara/?linguistics-reconstr> (дата обращения: 23.09.2019).
14. Hirt H. Indogermanische Grammatik. Teil IV: Doppelung, Zusammensetzung, Verbum. Heidelberg, 1928. 411 S.

Источники иллюстративного материала

1. Дзабиты Д. – Дзабиев З.Т. Статьи об осетинском языке. (на осет. яз.) Цхинвал: Дом печати. 2010. 149 с.
2. Ситохаты С. – Ситохов С.А. Расцвет любви. (на осет. яз.) Владикавказ: Алания, 2007. 288 с.
3. Темыраты Д. – Темираев Д.С. Орлиная гора. (на осет. яз.) Орджоникидзе: «Ир», 1978. 245 с.
4. Цомартаты И. – Цомартов И.Р. Мост из волосинки: (на осет. яз.) Орджоникидзе: Ир, 1987. 400 с.
5. Цæгæраты М. – Цагараев М.Н. Избранные произведения. (на осет. яз.) Орджоникидзе: Ир. 1975. 488 с.
6. Хуыгаты С. – Хугаев Г.Д. Честь отцов. (на осет. яз.) Орджоникидзе: Ир, 1979. 289 с.
7. Сечъынаты Л. – Секинаев В.Д. Алагирские картины. (на осет. яз.) Орджоникидзе: Ир, 1963. 168.

References

1. Abaev V.I. *Mimeo-izobrazitel'nye slova v osetinskom yazyke. Trudy Instituta yazykoznaniiya* [Mimeo-pictorial words in the Ossetian language. Proceedings of the Institute of linguistics]. Moscow: 1956, V. 6. pp. 409–427.
2. Alisultanov A.S. *Reduplikatsiya v leksicheskoy sisteme lezginiskikh yazykov* [Reduplication in the lexical system of the Lezgin languages]. Makhachkala: DGPU, 2012. 140 p.
3. Bagaev N.K. *Sovremennyy osetinskiy yazyk* [The modern Ossetian language: Textbook for universities]. Ordzonikidze, 1965. Ch. I. 487 p.
4. Bektash Lokman. *Struktura i semantika reduplikatsii v turetskom i tadzhikskom yazykakh* [Structure and semantics of reduplication in the Turkish and Tajik languages]. Dushanbe, 2015. 198 p.

5. *Grammatika sovremennogo osetinskogo yazyka* [Grammar of the modern Ossetian language]. Ordzonikidze, 1963. T. I, 367 p.
6. Dzodzikova Z.B. *Sovremennyy osetinskiy yazyk: fonetika, leksika i frazeologiya, slovoobrazovanie* [The modern Ossetian language: phonetics, vocabulary and phraseology, word-formation]. Vladikavkaz: North Ossetian State University, 2017. 159 p.
7. Isaev M.I. *Digorskiy dialekt osetinskogo yazyka. Fonetika. Morfologiya* [Digor dialect of Ossetian language. Phonetics. Morphology]. Moscow: Nauka, 1966. 223 p.
8. Kibrik A.E., Kodzasov S.V. *Sopostavitel'noe izuchenie dagestanskikh yazykov. Glagol* [Comparative study of Dagestan languages. Verb]. Moscow: MGU, 1988. 226 p.
9. Minlos F.R. *Reduplikatsiya i parnye slova v vostochno-slavyanskikh yazykakh* [Reduplication and paired words in the Eastern Slavic languages]. Moscow, 2004. 183 p.
10. Morgoeva L.B. Kontekstnoe var'irovanie vnutrenney semantiki glagol'nykh nominatsiy v osetinskom yazyke [Contextual variation of internal semantics of verbal nominations in the Ossetian language]. *Izvestiya SOIGSI*. 2019. Vyp. 33(72). P. 63-73.
11. Morgoeva L.B. Strukturno-semanticheskie osobennosti zvukoizobrazitel'nykh edinit v yazyke i tekste. [Structural and semantic features of sound units in language and text]. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh*. Issue 22. P. 78–86.
12. Guriev, T.A. (ed.) *Osetinsko-russkiy slovar'* [Ossetian-Russian dictionary]. Vladikavkaz, Alaniya, 2004. 540 p.
13. Panfilov K. *Tipologicheskaya rekonstruktsiya drevneyshikh yazykovykh sostoyaniy* [Typological reconstruction of ancient linguistic states]. URL: <http://erlang.kirillpanfilov.com/euskara/?linguistics-reconstr>.
14. Hirt H. *Indogermanische Grammatik. Teil IV: Doppelung, Zusammensetzung, Verbum*. Heidelberg, 1928. 411 S.

The illustrative sources

1. Dzabity D. – Dzabiev Z.T. *Stat'i ob osetinskom yazyke* [Articles about Ossetian language] (na oset. yaz.) Tskhinval: Dom pechati. 2010. 149 p.

2. Sitokhaty S.– Sitokhov S.A. *Rastsvet lyubvi* [The Blossoming of Love] (na oset. yaz.) Vladikavkaz: Alaniya, 2007. 288 p.
3. Temyraty D. – Temiraev D.S. *Orlinaya gora* [Eagle Mountain] (na oset. yaz.) Ordzhonikidze: «Ir», 1978. 245 p.
4. Tsomartaty I. – Tsomartov I. R. *Most iz volosinki* [Bridge of Hair] (na oset. yaz.) Ordzhonikidze: Ir, 1987. 400 p.
5. Tsægæraty M. – Tsagaraev M.N. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works] (na oset. yaz.) Ordzhonikidze: Ir. 1975. 488 p.
6. Khuygaty S. – Khugaev G.D. *Chest' otsov* [Honor of Fathers] (na oset. yaz.) Ordzhonikidze: Ir, 1979. 289 p.
7. Sech'ynaty L. – Sekinaev V.D. *Alagirskie kartiny* [Picture of Alagir] (na oset. yaz) Ordzhonikidze: Ir, 1963. 168 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Моргоева Лариса Батразовна, старший научный сотрудник отдела осетинского языкознания, кандидат филологических наук
*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований Владикавказского научного центра РАН РСО-Алания
проспект Мира, 10, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362000, Российская Федерация*
Lalik_m@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Morgoeva Larisa Batrazovna, Senior Researcher of the Ossetian Linguistics Department, Candidate of Philological Sciences
*North Ossetian Institute of Humanities and Social Research, Vladikavkaz Scientific Center, Russian Academy of Sciences, North Ossetia-Alania
10, Mira Prospect, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, 362000, Russian Federation*
Lalik_m@mail.ru
SPIN-code: 9547-1930
ORCID: 0000-0003-3725-754X
ResearcherID: J-5680-2018

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-5-194-226

УДК 81-11

**ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОЖИДАНИЙ
И ПРАВИЛ «ФЕМИННОСТИ» И «МАСКУЛИННОСТИ»
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОДРОСТКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ КОРПУСОВ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ)**

Ненашева Ю.А., Седярова О.М., Соловьева Н.С.

***Цель.** Статья посвящена актуальной в условиях современной мировой мобильности теме отражения социальных ожиданий и правил «феминности/маскулинности» в англоязычной подростковой литературе. Предметом анализа выступают тексты художественных произведений на английском и русском языках, составляющие параллельные корпусы исследования. Авторы ставят целью раскрыть специфику языковых способов отражения социальных ожиданий и правил «феминности/маскулинности» в английском и русском языках на материале параллельных текстов.*

***Методология проведения работы.** В основе методологии исследования лежит когнитивно-дискурсивный подход к исследованию параллельных корпусов художественных текстов с использованием корпусного анализа и последующего сравнительного анализа параллельных текстов.*

***Результаты.** Изучение художественного текста одновременно как культурного артефакта и частного случая дискурса, дидактический характер которого исследования определяет его роль в формировании и репродукции, закреплении и передаче социальных установок и правил как культурного опыта, позволяет выявить специфику языкового выражения социальных правил и ожиданий, применяемых к гендерному взаимодействию. Проведенный сравнительный анализ позволяет выявить различия способов отражения этих установок, выражающиеся в специфике тезаурусного окружения и комбинаторики языковых единиц, обозначающих участников гендерных отношений.*

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в обучении иностранному языку, формировании социокультурной компетенции лиц, изучающих английский как иностранный язык.

Ключевые слова: литература «young adult»; гендер; когнитивная деятельность; дискурс; художественный текст; социальные ожидания и установки; тезаурус; комбинаторика.

SOCIAL RULES AND EXPECTATIONS FOR FEMININITY/MASCULINITY AS REPRESENTED IN YOUNG ADULT LITERATURE (ON PARALLEL CORPORA TEXT ANALYSIS)

Nenasheva I.A., Sedliarova O.M., Solovyeva N.S.

Purpose. The paper is given to the topic of the social rules and expectations as reflected in the young adult literature, which is among the prior interests due to contemporary world population mobility. The subject for analysis is represented by fiction texts, which compose the parallel corpora, in English and Russian. The authors aim at describing specific language means used to display social rules and expectations in the fiction parallel texts in the English and Russian languages.

Methodology. The methodology of the research is based on the interdisciplinary approach to studying social interactions that includes cognitive and discourse analysis. This embraces the corpus and comparative analyses of parallel English as well as Russian fiction texts.

Results. Considering fiction texts simultaneously as cultural artefacts and discourse cases, their didactic nature signifying its part in forming, reproducing and codifying social expectancies and rules as mutual experience, gives the researcher an opportunity to identify specific linguistic units and features that express expectancies and rules of gender interaction. Corpora and comparative analyses help to identify differences of English and Russian linguistic means that are used to denote participants of gender interaction. The abovementioned differenc-

es include linguistic and discourse features influenced by the cognitive mechanisms. They are as follows: thesaurus environment, semantic similarity and collocation capacity of units.

Practical application. *The results of the research can be used in L2 teaching to promote sociocultural competence.*

Keywords: *young adult literature; gender; cognition; discourse; fiction, social expectations and rules; thesaurus; collocation.*

Введение

Тема социальных ожиданий и правил гендерного (как одного из основных типов) социального взаимодействия получает особую актуальность в современном обществе, где существует необходимость определения содержания категорий «женственности/мужественности» или «феминности/ маскулинности», о правилах гендерного взаимодействия и социальных ожиданиях к представителям того или иного гендера. Художественная литература является одним из средств кодификации и передачи обобщенного социального опыта, касающегося не только носителей языка, на котором написан текст, но и любых иных реципиентов текста в его оригинальном виде и переводе. Представляется, что изучение художественной литературы, предназначенной для социальной группы, обозначаемой в англоязычной терминологии «young adult», является информативным для определения гендерных установок, ожиданий и правил, транслируемых данным источником.

В качестве основного определения гендера мы придерживаемся дефиниции, предложенной А.В. Кирилиной [13; 14]. Правомерность изучения языковых средств, используемых для репрезентации социальных норм и ожиданий, подкрепляется утверждаемой в определении социальной природой гендера, понимаемого как «совокупность социальных и культурных норм», конструируемого в качестве модели и отражающего культурные оценки и ожидания» [61; 34; 20]. Гендерные роли в семье определяются как набор общественно одобряемых представлений о мужественности и женственности, обуславливающих поведение участников гендерных взаимоотношений, образцов поведения, в том числе, общественные и культурные ожидания, касающиеся их коммуникативного поведе-

ния супругов, и способы, которыми эти ожидания реализуются при актуальном коммуникативном семиотическом взаимодействии [15, с. 17; 22, с. 10; 9, с. 36]. Следовательно, «...гендерная система общества оказывает влияние на создание и интерпретацию литературных произведений» [6, с. 36], что дает возможность производить сравнительно-сопоставительные исследования параллельных текстов с использованием когнитивно-дискурсивного подхода.

Поскольку «художественная литература» понимается как «вид искусства, в котором слово является основным средством образного отражения жизни» [32, с. 213], материальным продуктом художественной литературы является текст, который играет огромную роль в хранении и передаче социально значимой информации, включающей в себя понятия и объекты окружающего мира, факты культуры, результат внутренней рефлексии автора текста и персонажа [26; 7]. Таким образом, текст сам становится культурным артефактом прескриптивно-дидактического характера, закрепляя в различные типы культурно-исторической информации, формируя и сохраняя традиции, служа средством передачи общественно закрепленного опыта духовной, эстетической, практической природы, обеспечивающего устойчивое развитие и сохранение социума. Язык – когнитивный продукт – используется в качестве «средства образного отражения жизни» и наряду с фактами объективного окружающего мира отражает субъективную эмоционально-образную информацию внутреннего плана – переживания и реакции автора и потребителей художественного текста [8; 23]. Согласно данным нейролингвистических и когнитивных исследований, именно этот компонент когниции способствует формированию более устойчивых навыков и знаний, активации психических процессов [5; 11; 1; 2]. Следовательно, исследование языковых средств, используемых для обозначения участников гендерного взаимодействия, его процессов и особенностей, невозможно без учета эмотивной нагрузки языковых единиц, определяющей особенности употребления данных единиц, их комбинаторности [8; 3; 23].

Несмотря на то, что художественный текст функционирует как отложенный процесс коммуникации между автором и реципиентом,

восприятие художественного текста остается коммуникативным актом, «развертывающимся во времени свободном потоке непрерывающейся коммуникативной активности человека», который можно рассматривать как бы по ходу его создания для выявления новых сведений о роли языка в жизнедеятельности человека [23, с. 121–122]. Это свидетельствует о необходимости более серьезного отношения к художественной литературе, целевой аудитории которой является социальная группа, определяемая как «young adult» в зарубежной традиции и «подросток» в отечественной, как к средству формирования, фиксации и передачи социального опыта. Необходимо также отметить, что термин «young adult» в настоящее время получил новое содержание. Словари английского языка дают следующую дефиницию представителя данной возрастной категории как «a person who is in his or her late teenage years or early twenties» [62] или «an age group including persons from about 12 years to about 18 years old: used as a reader category in libraries, book publishing, etc.» [64]. Современная психология иначе подходит к определению возрастных границ данной группы, устанавливая их в диапазоне от 19 до 45 лет, возраст от 12 до 18 лет рассматривается как adolescence [47; 52]. В приведенной таблице возрастных стадий человека указаны значимые социальные навыки, получаемые человеком в данном возрасте (Табл. 1). Обращает на себя внимание тот факт, что гендерные социальные взаимоотношения отмечены отдельно как значимые виды социального взаимодействия в обеих возрастных группах.

Таблица 1.

**Возрастные границы целевой аудитории литературы
«young adult» по Э. Эриксону**

Stage	Age (years)	Important Event	Summary
5. Adolescence	12 to 18	Peer relationships	The teenager must achieve a sense of identity in occupation, sex roles, politics, and religion.
6. Young Adulthood	19 to 40	Love relationships	The young adult must develop intimate relationships or suffer feelings of isolation.

Такое заметное расширение возрастных границ – это отражение реальных процессов, происходящих в обществе. Расширение возрастных границ приводит к увеличению количества допустимых жанров художественных текстов, предназначенных для данной группы [60; 46; 54; 65]. В то же время характеристики художественных текстов этого типа обусловлены спецификой социального и психофизиологического развития ее целевой аудитории [40; 51; 39; 55]. Поскольку главными особенностями социальной адаптации и развития членов этой группы является построение и закрепление социальных связей, а когнитивное развитие характеризуется появлением формально-операционального мышления, к специфике художественных текстов, предназначенных для социальной группы «young adult», следует отнести следующее:

1. Содержание. Популярность жанров фэнтези, фантастика может быть обусловлена отличием от классической литературы, которая имеет выраженный прескриптивный, воспитательный характер. Фантастика носит скрытый дидактический характер, что позволяет затронуть и обсудить такие темы как взаимоотношения со сверстниками и взрослыми, поступки и их последствия, принятие себя и установление личных и личностных границ. Литература данного типа активно использует естественное стремление личности в процессе становления к самоидентификации, протагонизм, противопоставление как основной способ определения себя в окружающем мире, что находит свое определение как «подростковый дух бунтарства». Кроме того, развивающаяся личность нуждается в своего рода «подпорках» – ассоциации себя с персонажем, обнаружении своих переживаний и опыта в поведении персонажей. Результатом такого сочетания является специфический характер персонажей – сплав «особенных» и «усредненных» характеристик. Это делает персонажи динамичными, яркими, что позволяет им существовать вне континуума непосредственного художественного текста (феномен Гарри Поттера, существование фанфиков) и оставляет их близкими и понятными читателю, персонажи сохраняют способность быть соотносимыми с его собственным опытом и переживаниями.

Дополнительной особенностью современной литературы этого типа, по сравнению с более ранними произведениями, следует считать появление активных, энергичных героинь: женские ролевые модели современной литературы «young adult» отличаются от традиционной модели «damsel in distress». Также увеличилось количество авторов-женщин, что обуславливает необходимость изучения литературы в гендерном аспекте [37; 35; 31].

2. Форма. Чаще всего сюжетная линия включает жизнь персонажа в условиях пост апокалиптического общества, где герой повествования предстает символом и вдохновителем борьбы против системы угнетения, меняясь и приобретая новые качества с развитием сюжета. Современная литература данного типа представлена в большей части трилогиями, что соответствует традиционной схеме сюжета: экспозиция (пролог) – завязка – развитие действия – кульминация – развязка – постпозиция (эпилог). Это позволяет читателю видеть героя в динамике, сопоставлять формирование собственных личностных установок с установками персонажа художественного текста. Часто с историей главного героя сплетаются истории других, не менее ярких и динамичных, персонажей, что обеспечивает возможность интерактивности художественного текста, где каждому читателю найдется свой персонаж и своя история.

Можно сделать вывод, что использование художественных произведений, предназначенных для социальной группы «young adult», позволит выявить специфику отражения социальных ожиданий и правил «феминности» и «маскулинности». Сопоставительный анализ параллельных текстов окажется информативным для определения различий, обусловленных инокультурными условиями, выраженными при помощи языковых средств в художественном тексте.

Методика исследования

Методика проведенного исследования включает в себя комплексный анализ параллельных текстов. Будучи одновременно и языковым, и культурным продуктом, художественный текст одновременно отражает определенный этап развития языка и культуры

и становится «некой порождающей средой для появления и в языке, и в культуре их дальнейших преобразований» [23, с. 130–131]. Мы согласны с Е.С. Кубряковой в том, что изучение художественного текста должно сочетать в себе как собственно лингвистический (в настоящем исследовании корпусный анализ корпусов параллельных текстов – *parallel corpora*), так и культурологический, а также когнитивно-дискурсивный анализ [Там же, с. 134–135]. Художественный текст представляет собой не только эстетически ценный артефакт, он также содержит репрезентацию и интерпретацию опыта человека по познанию окружающего мира [Там же, с. 133]. Реципиент художественного текста вступает в коммуникативный акт с его автором; автор приближает вымышленное пространство художественного текста к реальности, помещая происходящее в тексте в определенные хронотипические условия, описывая поступки героев, заставляя их участвовать в общении друг с другом, свободно выражать эмоции, соответствующие описываемым обстоятельствам [Там же, с. 144–145]. Поскольку это делается при помощи языковых средств, отражением звучащей речи от первого лица, как и в реальной жизни, языковая форма – это не только средство репрезентации, она сама – *language in action* – осуществляемая дискурсивная деятельность, в которой фиксируются существенные характеристики дискурса – ситуативная обусловленность, целенаправленность, внутренняя связь со всеми участниками самого дискурсивного события и их свойствами.

В связи с отложенным характером коммуникации автор художественного текста не может воспользоваться сенсорными средствами, способными вызвать непосредственную ответную реакцию, он вынужден опираться на общие для всех потенциальных коммуникантов априорные знания, которые дают представление о ситуативной обусловленности коммуникации, делая возможным минимальное прогнозирование ее результатов. Главными условиями в этом случае являются необходимость и достаточность языковых средств, позволяющая обеспечить восприятие текста как отражающего взаимодействие людей в определенных условиях, продиктованных

требованиями сюжета, что делает художественный текст воспроизводящим фрагмент дискурса и фиксирующим его целостность. Априорные знания могут быть организованы по типу «тезаурус» для понимания и последующего использования информации, полученной в форме текста. По степени изменения количества элементов тезауруса, связей между этими элементами в каждом конкретном коммуникативном акте можно определить коммуникативное значение [38; 4]. Следовательно, лингвистический анализ, целью которого является определение инвентаря и специфики использования языковых средств, реконструирует, выводит из языковых данных эти знания, раскрывает их содержание и функции.

Для изучения специфики отражения социальных ожиданий и правил «феминности» и «маскулинности» языковыми средствами и выявления их различий, обусловленных инокультурными условиями, был использован корпусный анализ параллельных художественных текстов англоязычных авторов и их переводов на русский язык: два корпуса параллельных текстов включают оригинальные тексты трилогий В. Рот и С. Коллинз и русскоязычные переводные тексты [42–44; 56–58; 16–18; 28–30]. Корпусный анализ проводился с использованием сервиса Sketch Engine [63], позволяющего проведение дистрибутивно-статистического анализа для выявления синтагматических/ парадигматических связей и описания тезауруса на основании совместной встречаемости языковых единиц в исследуемых корпусах [53; 59]. Объективность определения дистрибуции слов и ее количественной меры обеспечивается применением статистической меры \logDice [49]. Количественной мерой является коэффициент «distributional similarity scores»; минимальный коэффициент дистрибуционного сходства составляет 0.1.

Результаты

В результате корпусного анализа были получены семантические микрополя, отражающие тезаурусное окружение терминов, обозначающих участников гендерных взаимоотношений: «man, woman,

boy, girl» (корпус на английском языке), «мужчина, женщина, парень, девушка, мальчик, девочка» (корпус на русском языке). Словарные определения лексических единиц, обозначающих участников гендерных взаимоотношений, выделяют следующие атрибуты, представленные в сопоставительных таблицах (Табл. 2–6). Определения, совпадающие в обоих языках, выделены цветным фоном. Определения, специфичные для одного из языков выделены полужирным шрифтом.

Таблица 2.

Словарное определение единиц «мужчина»/ «man»

Man	Мужчина
1. Adult male human being not a woman, boy, or girl. 2. Human being, person. 3. Human race, all mankind. 4. Husband. 5. Male person having the good qualities associated with men. [36]	1. Лицо, противоположное женщине по полу. 2. Такое взрослое лицо, в отличие от мальчика, юноши. [27]
1. An individual human, especially: an adult male human. 2. A man belonging to a particular category. 3. Husband. 4. Lover. 5. A bipedal primate mammal that is anatomically related to the great apes but distinguished especially by notable development of the brain with a resultant capacity for articulate speech and abstract reasoning, and is the sole living representative of the hominid family. 6. One possessing in high degree the qualities considered distinctive of manhood. [64]	1. Лицо, противоположное по полу женщине. 2. Лицо мужского пола как воплощение определённых свойств, качеств. [21]

Семантическая структура термина характеризуется наличием лингвоспецифичных значений, связанных 1) с описанием биологических характеристик, 2) абстрактным понятием, 3) матримониальным статусом, 4) сексуальными отношениями. В семантических структурах английского и русского слов обнаружено совпадение значений, в основании которых находится 1) противопоставление «женщине»/ «девочке», 2) противопоставление «мальчику» по признаку возраста, 3) наличие некоторых качеств, ассоциируемых с маскулинностью.

Таблица 3.

Словарное определение единиц женщина/woman

Woman	Женщина
1. Adult female human being: man, woman and children; a single (unmarried), one with experience of society, not young and innocent. 2. Female sex. 3. Women in general. 4. The state of being. [36]	1. Лицо, противоположное мужчине по полу, так, которая рождает детей и кормит их грудью. 2. Лицо женского пола, вступившее в брачные отношения. [27]
1. An adult female person. 2. A woman belonging to a particular category (as by birth, residence, membership, or occupation). 3. Womankind. [64]	1. Лицо противоположное по полу мужчине. 2. Лицо женского пола как воплощение определенных свойств и качеств. 3. Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке. [21]

Семантическая структура слова «woman» носит схожий характер с семантической структурой слова «man», обнаруживая гипонимическое лингвоспецифическое значение, отражающее абстрактное понятие. Семантическая структура единицы «женщина» отличается наличием лингвоспецифической дефиниции, в основании которой лежит матримониальный статус.

Таблица 4.

Словарное определение единиц мальчик/boy

Boy	Мальчик
1. Male child up to the age of 17-18. 2. Male friend who is courting a young woman 3. Son (of any age). 4. Male servant (any age). [36]	1. Ребенок мужского пола. 2. Слуга – подросток в частном доме. [27]
Boy 1. A male child from birth to adulthood. 2. Son. 3. An immature male. 4. Sweetheart. 5. One native to a given place. 7. Fellow, person. [64]	1. Ребёнок, подросток мужского пола. 2. Разг. О мужчине, проявляющем несерьезность, неопытность, легкомысленность в делах. 3. В России до 1917г.: малолетний слуга в господском доме или работник или работник в торговом, ремесленном заведении. [21]

У единицы «boy» присутствует лингвоспецифическое значение, связанное с признаком родства. В то же время, в обоих языках на-

блюдается связь терминов с социальным статусом – «прислуга»; и с характеристикой «незрелость».

Таблица 5.

Словарное определение единиц девочка/girl

Girl	Девочка
1. Female child; daughter; unmarried woman. 2. Maid 3. Girl or woman working in a shop, office, etc (irrespective of age). 4. (colloq) Sweetheart [36]	1. Ребенок женского пола. [27]
1 A female child from birth to adulthood. 2. Daughter. 3. A young unmarried woman. 4. Sometimes offensive: a single or married woman of any age. 5. Sweetheart. 6. (often offensive): A female servant or employee. [64]	1. Ребенок или подросток женского пола // об очень молодой, юной, неопытной девушке. [21]

У единицы «girl» присутствует лингвоспецифическое значение, в том числе и значение, имеющее отрицательную коннотацию, связанное с социальным статусом – «прислуга».

Таблица 6.

Словарное определение единиц парень, девушка

Парень	Девушка
1. (разг.) Юноша, молодой человек. 2. (прост.) Вообще человек, мужчина. [27]	1. Лицо женского пола в возрасте, переходном от отрочества к юности. 2. Такое лицо, достигшее половой зрелости, но еще не вступившее в брак. 3. (устар.) Молодая служанка, горничная в барских домах. 4. (разг.) Обращение к молодой женщине. [27]
1. Лицо мужского пола, достигшее зрелости, но не состоящее в браке; молодой человек, юноша. 2. (разг.) Нестарый мужчина вообще. [21]	1. Лицо женского пола, достигшее физической зрелости, но не состоящее в браке. 2. (разг.) Форма обращения к молодой женщине. 3. (устар.) Служанка, горничная. [21]

Семантическая структура единиц «парень», «девушка» отражает наличие признаков возраста, половой зрелости и социального статуса.

Таблицы 7 и 8 отражают взаимную дистрибуцию единиц, обозначающих участников гендерных взаимоотношений в корпусах английских и русских текстов. Единицы, выделенные цветным фоном, являются главными в кластерах (Табл. 7–8).

Таблица 7.

**Коэффициент дистрибуционного сходства единиц
в корпусе художественных текстов на английском языке**

Man (Частота употребления в корпусе 303)	Первый уровень кластеризации		Второй уровень кластеризации	
	woman	0.401		
			girl	0.354
			boy	0.352
	mother	0.192		
	child	0.176		
Woman (Частота употребления в корпусе 243)				
	man	0.401		
			girl	0.327
			boy	0.309
	child	0.2		
			house	0.113
	someone	0.152		
			mother	0.133
Boy (Частота употребления в корпусе 224)				
	girl	0.362		
			man	0.352
			woman	0.309
	father	0.262		
			mother	0.211
	brother	0.153		
Girl (Частота употребления в корпусе 335)				
	boy	0.362		
			man	0.354
			woman	0.327
	mother	0.2		
			father	0.173
	brother	0.179		
			sister	0.125
	child	0.152		
			parent	0.111

Таблица 8.

**Коэффициент дистрибуционного сходства единиц
 в корпусе художественных текстов на русском языке**

Мужчина (Частота употребления в корпусе 106)	Первый уровень кластеризации		Второй уровень кластеризации	
		женщина	0.298	
			парень	0.256
			девушка	0.196
			отец	0.059
	ребенок	0.131		
Женщина (Частота употребления в корпусе 202)				
	мужчина	0.298		
			девушка	0.262
			парень	0.202
	отец	0.211		
	алый	0.188		
			брат	0.186
			мать	0.13
	ребенок	0.141		
Девочка (Частота употребления в корпусе 91)				
	птичка	0.285		
			ребенок	0.138

В корпусе текстов на русском языке единицы «парень», «девушка» собственных кластеров не образуют.

Комбинаторность языковых единиц, обозначающих участников гендерного взаимодействия, представлена в сравнительных таблицах (Табл. 9–12). Выделение цветом характеризует принадлежность определений и глаголов, выполняющих функцию предиката, к определенной единице, обозначающей участников гендерного взаимодействия.

Таблица 9.

**Комбинаторность единиц “man/woman” «мужчина/женщина»,
 обозначающих участников гендерного взаимодействия**

Modifiers of “man/woman” «мужчина/женщина» (adjectives)			
	Tall	Немолодой	
	Gray-clothed	Тщедушный	
	Brave	Бородатый	

Окончание табл. 9.

	Important	Неузнаваемый	
Man	Big	Низкорослый	
	Young	Безликий	
	Small	Широкоплечий	
	Dauntless	Взрослый	
	Factionless	Темнокожий	Мужчина
	Erudite	Старый	
	Old	Красивый	
	Blond	Молодой	
	Middle-aged	Бесстрашный	
Woman	Hysterical	Пожилой	
	Dark-skinned	Привлекательный	Женщина
	Short	Неизвестный	
	Severe-looking	Смелый	
	Red-haired	Седоволосый	
		Бесстрашной	
		Темнокожую	
		Безоружный	
		Рыжеволосый	
		Невысокий	

Таблица 10.

**Комбинаторность единиц “boy/girl” «парень/девушка»,
обозначающих участников гендерного взаимодействия**

Modifiers of “boy/girl” «парень/девушка» (adjectives)			
	Repentant	Здоровенный	
	Shaggy-haired	Чокнутый	
Boy	Gangly	Славный	
	Tall	Звероподобный	
	Young	Заботливый	
Girl	Little	Трусливый	
	Twelve-year-old	Плотный	
	Mousy-haired	Приятный	
	Pretty	Невысокий	
	Silly	Высокий	Парень
	Foolish	Молодой	
	Fox-faced	Красивый	
	redheaded	Рослый	Девушка
		Широкоплечий	

Окончание табл. 10.

		Безгласяя	
		Несчастный	
		Чужой	
		Рыжеволосый	

Определения к единицам “man/woman”, соответствующие признакам «внешность» и «характер», относительно равномерно распределены между обеими единицами. В текстах на русском языке преобладают определения, соответствующие признаку «внешность».

В таблицах 11–12 можно наблюдать проявление дидактического характера текстов жанра «young adult»: количество глаголов, выполняющих функцию предиката, у единиц “boy/girl” «парень/девушка» гораздо выше, чем у единиц “man/woman”, «мужчина/женщина». Количество глаголов, выполняющих функцию предиката, связанных с единицами “woman”, «женщина», “girl”, «девушка» значительно меньше, чем количество глаголов, связанных с единицами “man”, «мужчина», “boy”, «парень», несмотря на то, что женские персонажи являются главными во всех анализируемых текстах (Табл. 11–12).

Таблица 11.

**Комбинаторность единиц “man/woman” «мужчина/женщина»,
обозначающих участников гендерного взаимодействия**

Verbs as subjects of “man/woman” «мужчина/женщина»			
	Wear	Обводить	
	Walk	Ослабиться	
	Look	Копаться	
Man	Do	Избивать	
	Have	Сесть	
	Stand	Натыкаться	
	Say	Разместиться	
	Hold	Залезать	
	Be	Переглядываться	
	Sit	Недоумевать	
Woman	Get	Ворчать	
	Come	Выходить	Мужчина

Окончание табл. 11.

	Call	Сидеть	
	Point	Стоить	
	Sell	Присутствовать	Женщина
		Отвечать	
		появляться	

Таблица 12.

**Комбинаторность единиц “boy/girl” «парень/девушка»,
обозначающих участников гендерного взаимодействия**

Verbs as subjects of “boy/girl” «парень/девушка»			
	Wrench	Оставить	
	Lunge	Подарить	
	Stump	Оседать	
	Risk	Поджигать	
	Die	Соврать	
	Glance	Крутить	
	Jump	Освободить	
	Win	Вваливаться	
	Lean	Втирать	
	Hold	Откидывать	
	Throw	Выдыхать	
	Shout	Скакать	
Boy	Reply	Замечать	Парень
	Try	Улыбнуться	Девушка
Girl	Defy	Обдумывать	
	Flee	Уронить	
	Prod	Подбираться	
	Intertwine	Встрепенуться	
	Sneer	Подтыкать	
	Ask	Подвернуть	
	Live	Кивать	
	Grab	Появляться	
	Carry	Толкать	
	Talk	Кричать	
	Save	Шагать	

Глаголы, связанные с единицами “man”, «мужчина», “boy”, «парень», преимущественно означают активные действия, тогда как глаголы, связанные с единицами “woman”, «женщина», “girl”, «девушка»

обозначают состояния, речевую деятельность. Количество глаголов, связанных с единицами «женщина», «девушка» значительно меньше, чем количество глаголов, связанных с единицами «мужчина», «парень».

Выводы

Распространенность и семантическое содержание инвентаря единиц, обозначающих участников гендерных взаимодействий, в русском языке указывает на более сложную по сравнению с английским языком систему гендерных отношений, включающую дифференциацию участников по комбинированному социо-физиологическому признаку: половое созревание, вступление в брачные отношения, определенный социальный статус (занятие) (Табл. 13).

Таблица 13.

Социо-физиологические характеристики лексических единиц, обозначающих участников гендерных отношений

Английские языковые единицы	Социо-физиологическая характеристика	Русские языковые единицы
Man		Мужчина
+	Половое созревание	+
+	Вступление в брачные отношения	+
+	Социальный статус (занятие)	+
Woman		Женщина
+	Половое созревание	+
+	Вступление в брачные отношения	+
+	Социальный статус (занятие)	+
Парень+	Половое созревание	
+/-	Вступление в брачные отношения	
- (по отношению к «мужчина»)/+ (по отношению к «мальчик»)	Социальный статус (занятие)	
Девушка+	Половое созревание	
+/-	Вступление в брачные отношения	

Окончание табл. 13.

- (по отношению к «женщина»)- (по отношению к «девочка»)	Социальный статус (занятие)	
Мальчик-	Половое созревание	Boy+/-
-	Вступление в брачные отношения	+/-
-	Социальный статус (занятие)	Низкий
Девочка-	Половое созревание	Girl+/-
-	Вступление в брачные отношения	+/-
-	Социальный статус (занятие)	Низкий

Так для русского языка обозначения участников гендерных отношений и их иерархии подразделяются на основании соответствия/несоответствия определенным критериям и составляют многоуровневую систему. В английском языке значимым для обозначения участника гендерных отношений и определения положения в иерархии является признак возраста [45; 41]. Специфика отражения социальных ожиданий и правил «феминности» и «маскулинности» языковыми средствами английского и русского языков в художественных произведениях, предназначенных для целевой аудитории, обозначаемой «young adult», нашла выражение 1) в количестве способов обозначения участников гендерных отношений соответственно социальной иерархии, 2) в появлении производных единиц – вариантов обозначения участников гендерных отношений в соответствии с их отдельными признаками и количестве семантических связей между этими единицами в тезаурусах; 3) в комбинаторности этих единиц. Это отражает три вида социальных взаимодействий:

- *Характер иерархии социальных ролей.* Иерархия, отраженная в английских текстах, носит более демократичный характер, поскольку тезаурусы участников, имеющих высокий социальный статус, включают в себя не только производную единицу «child», представляющую собой гипероним по отношению к терминам «boy» и «girl», но и прямые обозначения

этих участников гендерных отношений. В текстах на русском языке прямые обозначения участников гендерных отношений, характеризующихся низким социальным статусом, отсутствуют. Кроме того, в текстах корпуса на русском языке у единиц, обозначающих женские персонажи, преобладают определения, связанные с признаком «внешность». Глаголы, выполняющие функцию предикатов, связанные с единицами, обозначающими мужские персонажи, чаще обозначают действия, связанные с физической активностью.

- *Вовлеченность во взаимодействие с детьми.* В текстах на английском языке проявляется более высокая степень вовлеченности мужчин во взаимодействие с детьми, выраженное большим количеством производных единиц, связанных с воспитанием детей, и использованием прямых обозначений участников гендерных отношений низкого социального статуса. В текстах на русском языке отражена более низкая степень вовлеченности мужчин, что выражается отсутствием вышеупомянутых единиц: так единица «отец» присутствует в тезаурусе единицы «мужчина» только на втором уровне семантических связей и опосредованно через единицу «женщина», тогда как тезаурус единицы «женщина» включает в себя больше производных единиц, связанных с воспитанием детей и семейными отношениями.
- *Вовлечение в бытовой труд.* В текстах на обоих языках не наблюдается высокой степени вовлеченности участников гендерных отношений, обозначаемых как «мужчина»/«man», в бытовой труд, что находит выражение в отсутствии в тезаурусе единиц, обозначающих понятия, относящиеся к этой сфере деятельности.

Проведенный анализ параллельных текстов подтверждается данными современных социологических исследований: гендерные правила и ожидания в российском обществе характеризуются большей консервативностью по сравнению с масштабами, темпами и глубиной изменений гендерных установок в западном обществе.

Несмотря на то, что общественные установки «мужского» и «женского» в российском обществе теряют категоричность, в результате чего намечается выравнивание положения прав и возможностей «как в публичной сфере (политика, образование, профессии, культурная жизнь), так и в приватной (ведение домашнего хозяйства, воспитание детей и т. д.)» [10, с. 149; 33], в основании гендерных установок в российском обществе сохраняется традиционный образ «настоящего мужчины», утверждается его право властвовать над более слабыми и зависимыми, о чем говорил И.С. Кон, писавший о «кризисе маскулинности» в современном обществе [19, с. 37]. В западном обществе неравенство гендерных отношений также сохраняется, хотя в меньшей степени [45; 48; 50]. Такое неравенство проявляется в социальных установках и ожиданиях, отражающих характер иерархии между участниками гендерного взаимодействия, степень вовлеченности мужчин во взаимодействие с детьми и в бытовой труд [25; 21; 9]. И.А. Левенских отмечает, что в общественном сознании русскоязычных информантов существуют ожидания, согласно которым такие области как уход за ребенком, ведение домашнего хозяйства предписаны женщине, тогда как принятие ответственных решений и материальное обеспечение относится к сфере мужского труда. Ю.С. Задворнова отмечает, что современный стандарт гендерных отношений в российском обществе сохраняет «двойную женскую занятость» как норму, поскольку 88 % респондентов в ее исследовании выразили удовлетворенность разделением домашних обязанностей. Это отражает еще одно правило вовлеченности в бытовой труд, при котором мужское участие в домашней работе воспринимается как «помощь», а женское – как «необходимость» [25, с. 351; 9, с. 38–39]. В российском обществе участие мужчины в воспитании детей носит опосредованный характер и сводится к роли обеспечивающего материальный достаток, что приводит к оторванности мужчины от семейной сферы [9, с. 39–40].

Таким образом, особенности гендерных отношений, общественные установки «маскулинности» и «феминности» находят свое отражение даже в переводных параллельных текстах. Перевод-

чки, стараясь сохранить сюжетную линию, состав персонажей и их поведение в хронотипических условиях текста, тем не менее, используют языковые и оценочные категории, выраженные средствами переводящего языка, настроенные на отражение картины мира своего языкового сообщества. Они выступают как знания, обеспечивающие членам данного языкового коллектива возможность понимания, в том числе, и в случаях отложенной коммуникации – восприятия художественного текста.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке / Гл. ред. сер. Е.С. Кубрякова; отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев. М.: ИЯз РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 25–77.
2. Болдырев Н.Н. Оценочные категории как формат знания // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы знаний и проблема их классификации. М.: ИЯз РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 25–37.
3. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.
4. Бонгард М.М. Проблема узнавания М.: Изд-во «Наука», 1967. 320 с.
5. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания. В 2-х т. М.: Смысл: Изд. центр «Академия», 2006.
6. Воронцов Д.В. Гендерная психология общения. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. 208 с.
7. Голами Х., Искандари М. Связь культуры и художественных текстов // Молодой ученый. 2014. №8. С. 776-778. URL:<https://moluch.ru/archive/67/11169> (дата обращения: 12.02.2018).
8. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст / Отв. ред. В.Н. Топоров. М.: Языки слав. культуры, 2005. С. 34–55.
9. Задворнова Ю.С. Тенденции трансформации гендерных ролей в современной российской семье // Женщина в российском обществе. 2013. № 2. С. 32–40.

10. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальное конструирование гендера: феминистская теория // Введение в гендерные исследования. СПб.: Алетейя, 2001. С. 147–173.
11. Кибрик А.А., Подлесская В.И. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // Когнитивные исследования. Вып. 1 / Под ред. В.Д. Соловьева. М.: Институт психологии РАН, 2006. С. 138–158.
12. Кирилина А.В. «Мужественность» и «женственность» с точки зрения лингвиста // Женщина в российском обществе. 1998. № 2. С. 21–27.
13. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999. 155 с.
14. Кирилина А.В. Категория gender в языкознании // Женщина в российском обществе. 1997. № 2. С. 15–20.
15. Кириллина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 252 с.
16. Коллинз С. Голодные игры. И вспыхнет пламя. М.: «АСТ», 2014а. 414 с.
17. Коллинз С. Голодные игры. М.: «АСТ», 2014b. 382 с.
18. Коллинз С. Голодные игры. Сойка – пересмешница. М.: «АСТ», 2014 с. 415 с.
19. Кон И.С. Мужская роль и гендерный порядок // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. Т. 94. № 2. С. 37–43.
20. Котлова Т.Б., Рябова Т.Б. Библиографический обзор исследований по проблемам гендерных стереотипов // Женщина в российском обществе. 2001. № 3-4. С. 25–38.
21. Кравченко Ж.В. Мужчины в заботе о детях: сравнительный анализ России, Франции и Норвегии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 1. С. 65–85.
22. Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: ЯСК, 2005. 223 с.
23. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т. Языкознания РАН. М.: Знак, 2012. 208 с.
24. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1534 с.

25. Левенских И.А. Рольевые позиции отца в современной семье // Вестник Омского ун-та. 2012. № 1. С. 349–353.
26. Малыгина А.В. Гендерные реализации как тексты культуры (на примере моды середины XX– начала XXI вв.): автореф. дис. ... к-та фило-соф. наук: 24.00.01 «Теория и история культуры». М., 2008. 24 с.
27. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и образо-вание, Оникс, 2011. 1376 с.
28. Рот В. Дивергент. М.: «Эксмо», 2015а. 414 с.
29. Рот В. Инсургент. М.: «Эксмо», 2015b. 446 с.
30. Рот В. Эллигент. М.: «Эксмо», 2015с. 284 с.
31. Смольникова Ю.В., Штыгашева О.Г. Эволюция жанра антиутопии // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по мат. XXXIII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 4(32). URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/4\(32\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/4(32).pdf) (дата обра-щения: 22.09.2017).
32. Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. От аллегории до ямба. М.: Флинта, Наука, 2004. 304 с.
33. Хасбулатова О.А. Гендерные стереотипы в политической культуре: Специфика российского опыта // Женщина в российском обществе. 2001а. № 3-4. С. 17–24.
34. Хасбулатова О.А. Гендерным исследованиям в системе высшего об-разования России – десять лет // Женщина в российском обществе. 2001b. № 1-2. С. 2–14.
35. Хачмарова З.Р. Женский художественный дискурс в аспекте ког-нитивной лингвистики // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 1(23). С. 200–202.
36. Хорнби А.С. Толковый словарь английского языка. Оксфорд: Окс-форд Юниверсити Пресс, 1995. 1430 с.
37. Шишкина С.Г. К вопросу об особенностях литературных жанров социальной прогностики: утопия – антиутопия – научная фанта-стика. Век XXI. URL:<https://www.isuct.ru/epubl/vgf/sites/ru.e-publ.vgf/files/2012/vgf-2012-05-23.pdf> (дата обращения 29.03.2016).
38. Шрейдер Ю.А. Об одной модели семантической теории информа-ции // Проблемы кибернетики. М.: Наука, 1965. С. 233–240.

39. Bucher K.T., Hinton K.M. *Young Adult Literature: Exploration, Evaluation, and Appreciation*. London: Pearson, 2013. 416 p.
40. Cadden M. The irony of narration in the young adult novel // *Children's Literature Association Quarterly*. 2000. 25 (3). P. 146–154.
41. Carnaghi A., Piccoli V., Brambilla M., Bianchi M. Gender hierarchy in the space: the role of gender status in shaping the spatial agency bias // *Journal of Social Psychology*. 2014. 154 (2). P. 105–114.
42. Collins S. *Mockingjay*. Detroit: Thorndike Press/GALE, 2012. 503 p.
43. Collins S. *The Catching Fire*. Halifax, Nova Scotia: Atlantic Provinces Special Authority, Library, 2018. 486 p.
44. Collins S. *The Hunger Games*. Gosford: Scholastic Australia, 2016. 483 p.
45. Conway M., Pizzamiglio M.T., Mount L. Status, communality, and agency: Implications for stereotypes of gender and other groups // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. 71 (1). P. 25–38.
46. Donahue D. “New Adult” is growing up and finding its way. 2013. URL: <https://libproxy.highpoint.edu> (дата обращения: 25.03.2018).
47. Erikson E.H. *Childhood and Society*. London: Penguin, 1975. 400 с.
48. Fox M.F. Gender, Hierarchy, and Science. // *Handbook of the Sociology of Gender* / ed. by J. Saltzman Chafetz. 2006. P. 441–457.
49. Kilgariff A., Rychlý P., Smrž P., Tugwell D. The Sketch Engine // *Proceedings of Euralex*. 2004. P. 105-116.
50. Koch A.J., D’Mello S.D., Sackett P.R. A meta-analysis of gender stereotypes and bias in experimental simulations of employment decision making // *Journal of Applied Psychology*. 2015. 100 (1). P. 128–161.
51. Koss M.D., Teale W.H. What’s Happening in YA Literature? Trends in Books for Adolescents // *Journal of Adolescent & Adult Literacy*. 2009. Vol. 52. No. 7. P. 563–572.
52. Levinson D. A conception of adult development // *American Psychologist*. 1986. 41 (1). P. 3–13.
53. Levy O., Goldberg Y., Ramat-Gan I. Linguistic regularities in sparse and explicit word representations // *Proceedings of the Eighteenth Conference on Computational Language Learning*. 2014. P. 171–180.
54. Naughton J. *New Adult: A Book Category for Twentysomethings* by Twentysomethings. 2014. URL: <https://www.publishersweekly.com/pw/>

- by-topic/industry-news/publisher-news/article/63285-new-adult-matures.html (дата обращения: 21.09.2018).
55. Ross-Gordon J.M., Rose A.D., Kasworm C.E. *Foundations of Adult Development and Learning* John Wiley & Sons, 2016. 432 p.
56. Roth V. *Allegiant*. London: Harper Collins Children's Books, 2016a. 526 p.
57. Roth V. *Divergent*. London: HarperCollins Publishers, 2016b. 487p.
58. Roth V. *Insurgent*. Halifax, Nova Scotia: Atlantic Provinces Special Education Authority, Library, 2017. 485 p.
59. Rychlý P., Kilgarriff A. An efficient algorithm for building a distributional thesaurus (and other sketch engine developments) // Proceedings of the 45th annual meeting of the ACL on interactive poster and demonstration sessions, Association for Computational Linguistics. 2007. P. 41–44.
60. Sarnier L. The Problem with New Adult Books. URL: https://www.huffingtonpost.com/lauren-sarnier/the-problem-with-new-adul_b_3755165.html. 2013-08-14 (дата обращения: 19.05.2018).
61. URL: <http://www.owl.ru/gender/010.htm> (дата обращения: 20.01.2018).
62. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/young-adult> (дата обращения: 15.04.2018).
63. URL: <https://www.sketchengine.eu> (дата обращения: 05.12.2018).
64. Webster's New World College Dictionary, 4th Edition. NY: Houghton Mifflin Harcourt, 2010. 1734 p.
65. Wetta M. What is New Adult Fiction, Anyway? URL: <https://www.ebscohost.com> (дата обращения: 25.01.2019).

References

1. Boldyrev N.N. Konceptual'naya osnova yazyka [Conceptual Basis of the Language]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. IV. Konceptualizaciya mira v yazyke* [Cognitive studies of language. Vol. IV. Conceptualization of the world in the language]. M.: IYaz RAN; Tambov: Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2009. P. 25–77.
2. Boldyrev N.N. Ocnocnyye kategorii kak format znaniya [Evaluation Categories as Knowledge Format]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. III. Tipy znaniy i problema ih klassifikacii* [Cognitive language studies. Vol. III. Types of knowledge and the problem of

- their classification]. M.: IYaz RAN; Tambov: Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2008. P. 25–37.
3. Boldyrev N.N. Yazykovye kategorii kak format znaniya [Linguistic Categories as a Format of Knowledge]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2006. № 2. P. 5–22.
 4. Bongard M.M. *Problema uznvaniya* [The Problem of Recognition]. M.: Izd-vo «Nauka», 1967. 320 p.
 5. Velichkovski B.M. *Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya* [Cognitive Science: Fundamentals of the Psychology of Cognition]: v 2 t. M.: Smysl: Izd. centr «Akademiya», 2006.
 6. Voroncov D.V. *Gendernaya psihologiya obshcheniya* [Gender Psychology of Communication]. Rostov n/D: Izd-vo YUFU, 2008. 208 p.
 7. Golami H., Iskandari M. Svyaz' kul'tury i hudozhestvennyh tekstov [The Relation of Culture and Literary Texts]. *Molodoi ucheny*. 2014. № 8. P. 776–778. URL:<https://moluch.ru/archive/67/11169/> (accessed: 12.02.2018).
 8. Dem'yankov V.Z. Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obydenogo yazyka [Text and Discourse as Terms and as Layman Language Words]. *Yazyk. Lichnost'. Tekst* [Language. Personality. Text]. M.: Yazyki slav. kul'tur, 2005. P. 34–55.
 9. Zadornova Yu.S. Tendencii transformacii gendernyh rolej v sovremennoj rossijskoj sem'e [Tendencies of Transformation of Gender Roles in Modern Russian Family]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*. 2013. № 2. P. 32–40.
 10. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. Social'noe konstruirovaniye gendera: feministskaya teoriya [Social Construction of the Gender: Feminist Theory]. Vvedenie v gendernye issledovaniya [Introduction to gender studies]. SPb.: Aletejya, 2001. P. 147–173.
 11. Kibrik A.A., Podlesskaya V.I. Problema segmentacii ustnogo diskursa i kognitivnaya sistema govoryashchego [Segmentation of Spoken Discourse and the Speaker's Cognitive System]. *Kognitivnye issledovaniya. Vyp. 1* [Cognitive Studies. Vol. 1] / Ed. V.D. Solovyov. M.: Institut psihologii RAN, 2006. P. 138–158.

12. Kirilina A.V. «Muzhestvennost'» i «zhenstvennost'» s tochki zreniya lingvista [Masculinity and Femininity from the Linguistic Viewpoint]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 1998. № 2. P. 21–27.
13. Kirilina A.V. *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: Linguistic Aspects], 1999. 155 p.
14. Kirilina A.V. Kategoriya gender v yazykoznanii [Category of Gender in Linguistics]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 1997. № 2. P. 15–20.
15. Kirilina A.V. *Gendernye issledovaniya v lingvistike i teorii kommunikacii* [Gender Studies in Linguistics and Communication Theory]. M.: «Rossijskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN), 2004. 252 p.
16. Kollinz S. *Golodnye igry. I vspyhnet plamya* [The Catching Fire]. M.: «AST», 2014. 414 p.
17. Kollinz S. *Golodnye igry* [The Hunger Games]. M.: «AST», 2014. 382 p.
18. Kollinz S. *Golodnye igry. Sojka-peresmeshnica* [The Mockingjay]. M.: «AST», 2014. 415 p.
19. Kon I.S. Muzhskaya rol' i gendernyj poryadok [The Role of the Man and Gender Order]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii*. 2008. T. 94. № 2. P. 37–43.
20. Kotlova T.B., Ryabova T.B. Bibliograficheskij obzor issledovanij po problemam gendernyh stereotipov [Bibliographic Survey in Gender Stereotype Research]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 2001. № 3-4. P. 25–38.
21. Kravchenko Zh.V. Muzhchiny v zabote o detyah: sravnitel'nyj analiz Rossii, Francii i Norvegii [Man in Child-caring: Comparative Survey in Russia, France and Norway]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2012. T. 15. № 1. P. 65–85.
22. Krejdlin G.E. *Muzhchiny i zhenshchiny v neverbal'noj kommunikacii* [Men and Women in Non-verbal Communication]. M.: YASK, 2005. 223 p.
23. Kubryakova E.S. *V poiskah sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya* [In Search of the Nature of the Language: Cognitive Studies]. In-t. Yazykoznaniya RAN. M.: Znak, 2012. 208 p.

24. Kuznecov S.A. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [The Unabridged Explanatory Dictionary of the Russian Language]. SPb.: Norint, 2000. 1534 p.
25. Levenskih I.A. Rolevye pozicii otca v sovremennoj sem'e [Role Position of the Father in a Contemporary Family]. *Vestnik Omskogo un-ta*, 2012. P. 349–353.
26. Malygina A.V. *Gendernye realizacii kak teksty kul'tury (na primere mody sereдины XX– nachala XXI vv.)* [Gender Realizations as Texts of Culture]. M., 2008. 24 p.
27. Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. M.: Mir i Obrazovanie, Oniks, 2011. 1376 p.
28. Roth V. *Divergent* [Divergent]. M.: «Eksmo», 2015a. 414 p.
29. Roth V. *Insurgent* [Insurgent]. M.: «Eksmo», 2015b. 446 p.
30. Roth V. *Elligent* [Allegiant]. M.: «Eksmo», 2015c. 284 p.
31. Smol'nikova Yu.V., Shtygasheva O.G. *Evolyuciya zhanra antiutopii* [The Evolution of the Dystopia Genre]. Molodezhnyj nauchnyj forum: Gumanitarnye nauki: ehlekt. sb. st. po mat. XXXIII mezhdunar. stud. nauch.-prakt. Konf, 2016. URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/4\(32\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/4(32).pdf) (accessed 22.09.2017).
32. *Terminologicheskij slovar'-tezaurus po literaturovedeniyu* [Literary Terms Dictionary]. Ot allegorii do yamba [From allegory to iamba]. M.: Flinta, Nauka, 2004. 304 p.
33. Hasbulatova O.A. Gendernye stereotypy v politicheskoy kul'ture: Specifika rossijskogo opyta [Gender Stereotypes in Political Culture: Specifics of Russian Practice]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 2001. № 3-4. P. 17–24.
34. Hasbulatova O.A. Gendernym issledovaniyam v sisteme vysshego obrazovaniya Rossii – desyat' let [Gender Studies in Russian Higher Education System: Ten Years]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 2001. № 1-2. P. 2–14.
35. Hachmarova Z.R. Zhenskij hudozhestvennyj diskurs v aspekte kognitivnoj lingvistiki [Female Fiction Discourse in the Focus of Cognitive Linguistics]. *Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. № 1(23). P. 200–202.

36. Hornbi A.C. *Tolkovyj slovar' anglijskogo yazyka* [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English]. Oxford: Oxford University Press, 1995. 1430 p.
37. Shishkina S.G. *K voprosu ob osobennostyah literaturnyh zhanrov social'noj prognostiki: utopiya – antiutopiya – nauchnaya fantastika* [To the Question of the Features of the Literary Genres of Social Prognostics: Utopia - Dystopia - Science Fiction]. Vek XXI, 2012. URL:<https://www.isuct.ru/epubl/vgf/sites/ru.e-publ.vgf/files/2012/vgf-2012-05-23.pdf> (accessed 29.03.2016).
38. Shrejder Yu.A. Ob odnoj modeli semanticheskoy teorii informacii [About One Semantic Theory of Information Model]. *Problemy kibernetiki* [Problems of Cybernetics]. M.: Nauka, 1965. P. 233–240.
39. Bucher K.T., Hinton K.M. *Young Adult Literature: Exploration, Evaluation, and Appreciation*. London: Pearson, 2013. 416 p.
40. Cadden M. The irony of narration in the young adult novel. *Children's Literature Association Quarterly*. 2000. 25 (3). P. 146–154.
41. Carnaghi A., Piccoli V., Brambilla M., Bianchi M. Gender hierarchy in the space: the role of gender status in shaping the spatial agency bias. *Journal of Social Psychology*. 2014. 154 (2). P. 105–114.
42. Collins S. *Mockingjay*. Detroit: Thorndike Press/GALE, 2012. 503 p.
43. Collins S. *The Catching Fire*. Halifax, Nova Scotia: Atlantic Provinces Special Authority, Library, 2018. 486 p.
44. Collins S. *The Hunger Games*. Gosford: Scholastic Australia, 2016. 483 p.
45. Conway M., Pizzamiglio M.T., Mount L. Status, communality, and agency: Implications for stereotypes of gender and other groups. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. 71 (1). P. 25–38.
46. Donahue D. “New Adult” is growing up and finding its way. 2013. URL: <https://libproxy.highpoint.edu> (accessed 25.03.2018).
47. Erikson E.H. *Childhood and Society*. London: Penguin, 1975. 400 p.
48. Fox M.F. Gender, Hierarchy, and Science. *Handbook of the Sociology of Gender* / ed. by J. Saltzman Chafetz, 2006. P. 441–457.
49. Kilgarriiff A., Rychlý P., Smrž P., Tugwell D. The Sketch Engine. *Proceedings of Euralex*. 2004. P. 105–116.

50. Koch A.J., D’Mello S.D., Sackett P.R. A meta-analysis of gender stereotypes and bias in experimental simulations of employment decision making. *Journal of Applied Psychology*. 2015. 100 (1). P. 128–161.
51. Koss M.D., Teale W.H. What’s Happening in YA Literature? Trends in Books for Adolescents. *Journal of Adolescent & Adult Literacy*. 2009. Vol. 52. No. 7. P. 563–572.
52. Levinson D. A conception of adult development. *American Psychologist*. 1986. 41 (1). P. 3–13.
53. Levy O., Goldberg Y., Ramat-Gan I. Linguistic regularities in sparse and explicit word representations. Proceedings of the Eighteenth Conference on Computational Language Learning. 2014. P. 171–180.
54. Naughton J. New Adult: A Book Category for Twentysomethings by Twentysomethings. 2014. URL: <https://www.publishersweekly.com/pw/by-topic/industry-news/publisher-news/article/63285-new-adult-matures.html> (accessed 21.09.2018).
55. Ross-Gordon J.M., Rose A.D., Kasworm C.E. Foundations of Adult Development and Learning John Wiley & Sons, 2016. 432 p.
56. Roth V. Allegiant. London: Harper Collins Children’s Books, 2016a. 526 p.
57. Roth V. Divergent. London: HarperCollins Publishers, 2016b. 487 p.
58. Roth V. Insurgent. Halifax, Nova Scotia: Atlantic Provinces Special Education Authority, Library, 2017. 485 p.
59. Rychlý P., Kilgarriff A. An efficient algorithm for building a distributional thesaurus (and other sketch engine developments). Proceedings of the 45th annual meeting of the ACL on interactive poster and demonstration sessions, Association for Computational Linguistics, 2007. P. 41–44.
60. Sarner L. The Problem with New Adult Books, 2013. URL: https://www.huffingtonpost.com/lauren-sarner/the-problem-with-new-adul_b_3755165.html (accessed 19.05.2018).
61. URL: <http://www.owl.ru/gender/010.htm> (accessed 20.01.2018).
62. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/young-adult> (accessed 15.04.2018).
63. URL: <https://www.sketchengine.eu> (accessed 05.12.2018).
64. Webster’s New World College Dictionary, 4th Edition. NY: Houghton Mifflin Harcourt, 2010. 1734 p.

65. Wetta M. What is New Adult Fiction, Anyway? URL: <https://www.ebscohost.com> (accessed 25.01.2019).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ненашева Юлия Александровна, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры английского языка
ФГБОУ ВО «МГТУ им Г.И. Носова»
пр. Ленина, 38, г. Магнитогорск, 455000, Российская Федерация
nenajalex@gmail.com

Седлярова Ольга Михайловна, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры английского языка
ФГБОУ ВО «МГТУ им Г.И. Носова»
пр. Ленина, 38, г. Магнитогорск, 455000, Российская Федерация
sedliarova.olga2018@yandex.ru

Соловьева Наталья Сергеевна, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры английского языка
ФГБОУ ВО «МГТУ им Г.И. Носова»
пр. Ленина, 38, г. Магнитогорск, 455000, Российская Федерация
nisanasol@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Nenasheva Iuliia Aleksandrovna, PhD, Associate Professor,
Docent
Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU)
38, Lenin Str., Magnitogorsk, 455000, Russian Federation
nenajalex@gmail.com
SPIN-code: 5482-8994
ORCID: 0000-0002-9474-6457
Researcher ID: C-1444-2018

Sedliarova Olga Mikhajlovna, PhD, Associate Professor, Docent

Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU)

38, Lenin Str., Magnitogorsk, 455000, Russian Federation

sedliarova.olga2018@yandex.ru

SPIN-code: 1860-7073

ORCID: 0000-0002-5419-7342

Researcher ID: C-1346-2018

Solovyeva Natalya Sergeevna, PhD, Associate Professor, Docent

Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU)

38, Lenin Str., Magnitogorsk, 455000, Russian Federation

nisanasol@yandex.ru

SPIN-code: 2491-1650

ORCID: 0000-0002-3126-1890

Researcher ID: C-1417-2018

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-5-227-246

УДК 811.111-26

ИРОНИЯ – СТАТУСНЫЙ СИМВОЛ ВЫСШИХ КЛАССОВ АНГЛИИ

*Тисленкова И.А., Глебова Е.А.,
Бганцева И.В., Ионкина Е.Ю.*

Статья посвящена анализу малоизученных особенностей функционирования иронии в речи высших классов Англии.

Цель исследования состоит в социолингвистическом анализе реплик героев в тексте сценария британского телесериала Джулиана Феллоуза «Аббатство Даунтон», содержащих контексты употребления иронии английскими аристократами начала XX века для выявления её языковых маркеров, описания тактик и типов речевых актов, её воздействия на коммуникантов.

Основные методы, использованные в исследовании: социолингвистический анализ речи персонажа посредством социолингвистических категорий.

Результаты. Проведённое исследование случаев употребления иронии позволило прийти к выводу о том, что информационный план иронического высказывания выражается имплицитно, включает приемы навешивания ярлыков, обесценивания заслуг собеседника, унижения, издёвки, с помощью гиперболической метафоры, иронического пейоратива, аллюзии и антитезы.

Область применения результатов. Полученные выводы могут быть использованы в курсе межкультурной коммуникации, стилистики, перевода и семиотики.

Ключевые слова: ирония; речь аристократа; социолингвистические категории; статусный символ; пейоратив.

IRONY – THE STATUS SYMBOL OF UPPER CLASSES IN ENGLAND

*Tislenkova I.A., Glebova E.A.,
Bgantseva I.V., Ionkina E.Yu.*

The article is devoted to the analysis of little-studied specific in functioning of irony in the speech of English social elite.

The aim of the study is to conduct sociolinguistic analysis of Julian Fellowes's TV series script "Downton Abbey" to identify the language markers of irony, used by English aristocrats in the early XXth century, describe tactics and types of speech acts attached to irony, its impact on communicants.

The main methods used in the study include sociolinguistic analysis of character's speech by means of sociolinguistic categories.

Results. Analysis of the contexts, where irony is used, allowed us to come to conclusion that the information plan of the ironic statement is expressed implicitly, includes methods of labeling, devaluation of interlocutor's merits, humiliation, and mockery by means of hyperbolic metaphor, ironic pejorative, allusion and antithesis.

Practical implications. The data, obtained in the process of research, can be used in the course of intercultural communication, stylistics, translation and semiotics.

Keywords: irony; aristocrat's speech; sociolinguistic categories; status symbol; pejorative.

Современные особенности речи социальных классов Англии представляют большой интерес для исследователей социолингвистов в связи с тем, что в этой стране английский язык до настоящего времени продолжает оставаться социально детерминированным [18, с. 202]. Это подтверждает и исследование Батлер О., которое подчёркивает, что в настоящее время деление на классы в английском обществе происходит в большей мере именно через язык [3, с. 235].

Речевые статусные символы, особые способы акцентирования собственной социальной позиции, делят английское общество на страты, тем самым обуславливая единство внутри каждой категории. По мнению Гоффмана Э., данные символы включают в себя наборы вербальных сигналов, закреплённых за определенными классами, и речевые стратегии, с помощью которых коммуниканты внутри этих страт могут осуществлять общение между собой. Речевые статусные символы используются для оказания влияния

на высказывания других лиц о своей позиции в желаемом направлении [6, с. 42].

Специфика английского стиля общения состоит в широком использовании иронии, которая является одним из традиционных речевых статусных символов представителей высших классов [5, с. 2]. В настоящей статье мы сосредоточим своё внимание на анализе именно этого языкового явления.

Актуальность исследования определяется недостаточная изученность особенностей функционирования иронии в речи социальной элиты английского общества.

Цель исследования – проведение социолингвистического анализа иронии в речи английских аристократов XX века, с целью повышения межкультурной коммуникативной компетенции.

Цель работы обусловила постановку следующих **задач**:

- 1) исследовать лексико-грамматические маркеры иронии;
- 2) выявить основные тактики и типы речевых актов коммуниканта в контекстах употребления иронии;
- 3) определить влияние иронии на участников коммуникации.

Поскольку художественный текст даёт действительное представление о том, как в реальности говорят люди [12, с. 63], **материал исследования** составил драматургический текст сценария культового британского телесериала Джулиана Феллоуза «Аббатство Даунтон» (сезон 2), содержащий ситуации употребления иронии аристократами.

Объект исследования – речь аристократов английского высшего света XX столетия.

Предмет исследования – реплики героев, в которых имело место использование иронии.

Методы исследования включают в себя:

Послойный социолингвистический анализ реплик персонажа с применением социолингвистических категорий профессора Ивушкиной Т.А., разработанных в докторской диссертации «Язык английской аристократии: социально-исторический аспект» [8]. Общенаучные методы включают функциональный, системный и структурный методы.

Основная часть статьи

Проблема воздействия на человека речевых статусных символов и сегодня является актуальной. От коммуникативного поведения политической верхушки во многом зависит её удача или неудача во время выборов, историческая судьба страны [17, с. 3]. Выбор класса аристократии для исследовательских целей был сделан в связи с возросшим интересом к культурному достоянию этой общественной группы, которая внесла большой вклад в становление английского литературного языка [13, с. 26].

В книге «The English Constitution» W. Bagehot отмечает, что представителей высших классов объединяет схожесть языковых, культурных и светских традиций, образование, клановость, досуг [30, р. 45].

Общественная элита Англии состоит из групп людей, чей авторитет изначально заложен в их социальном статусе и не зависит от результатов деятельности [33, р. 98]. Доминирующее социальное положение предопределяет авторитарный характер элементов дискурса аристократов, в частности иронии [24, с. 131]. В связи с этим, авторитарный коммуникант использует твёрдый, волевой стиль реализации власти посредством речи: на равных себе он оказывает психологическое давление [2, с. 80], навязывает свою концептуальную картину мира [21, с. 59]; от нижестоящих требует беспрекословного признания [25, с. 251].

Типичный портрет представителя избранного аристократического общества включает такие речевые черты, как высокая ироничность, чувствительность к едва уловимым нюансам движения тона голоса собеседника и его эмоциям. Говорящий из высшего общества скрывает свои чувства, при этом постоянно язвительно комментирует поступки и суждения партнера по коммуникации. Своё мнение такая личность обычно сообщает уверенно и заносчиво [12, с. 66]. В этом ей помогает ирония.

Под иронией подразумевают насмешливую интонацию высказывания, которую часто соотносят с издевкой или шуткой под маской фальшивой серьезности [20, с. 55]. Эта риторическая фигура в своей сути негативна, обесценивает точку зрения собеседника, показы-

вая её несостоятельность [4, с. 54]. Говорящий, оценивая действия и слова оппонента, исходит из представления об идеале-образце, который служит ему основанием оценки. Сравнивая с этим идеалом, он критикует объект, который ему не соответствует и который имеет в себе внутренние недостатки.

Использование иронии присутствует в речи человека из высшего света в связи с тем, что этот троп является характерной чертой политического красноречия, которому аристократов обучают в учебных заведениях, готовя к государственной службе. Ирония реализует стратегию дискредитации политического противника, представляя собой набор приёмов [9, с. 84]. Данная традиция берет своё начало в такой классической научной дисциплине, как риторика, которая в античную эпоху подразумевала искусство манипулирования людьми [26, с. 76].

Herbert H. Numan пишет о том, что ирония, как речевой статусный символ, обладает обобщенным значением, отражает взгляды, образ жизни и ценности личности (также как, например, в Англии ежегодное посещение скачек Royal Ascot ипподрома графства Беркшир на протяжении столетий являлась статусным символом элиты) [32, р. 102].

Чтобы пользоваться иронией, говорящий должен иметь эстетический опыт, оформленный идеал, быть уверенным в общественной значимости своего эталона, безусловно владеть языком и средствами выражения иронии, чувством юмора и остроумием. Такими чертами обладают представители элиты, получившие высокое образование и духовное воспитание.

Ирония существует только в контексте общения [27, с. 117] и всегда направлена против собеседника и собеседнику, делает окружающих свидетелями оценок [20, с. 56]. Обратимся к тексту сценария Джулиана Феллоуза и проанализируем случаи употребления иронии в речи самого колоритного персонажа повествования Д. Феллоуса Вайолет Кроули, вдовствующей графини Грэнтэм. Пожилая графиня имеет сына Лорда Кроули, женатого на американке леди Коре.

У невестки и свекрови непростые взаимоотношения в связи с тем, что мать стремится доминировать и руководить поступками всех домочадцев, позиционируя себя как столп, на котором держится общественная репутация семьи. В связи с этим невестка и ее поступки часто становятся объектом метафорического осмысления.

В поместье идёт подготовка к благотворительному концерту, прибыль от которого должна помочь финансированию местной больницы. Леди Кора занята украшением зала цветами для приёма гостей. Однако ей не удаётся осуществить задуманное, так как инициативу перехватывает свекровь. Как и многие представители старшего возраста, Вайолет Кроули настаивает на применении именно её опыта в любых вопросах, в то время как её способ действий, особенно для молодёжи, уже устарел и не может быть использован в изменившихся условиях [23, с. 17]. Сопrotивление невестки её авторитету подталкивает Вайолет к вербальной агрессии:

ROBERT: Good morning, Mama. This is very early for you to be up and about.

VIOLET: War makes early risers of us all. I thought I would help with the flowers. I've asked Sharp to bring whatever he can spare.

CORA: Well, Bassett has plenty . . . but thank you.

With a fixed smile she goes, leaving Robert and Violet alone.

VIOLET: You don't mind my taking over the flowers, do you? **Cora's flowers always look more suited to a first communion in southern Italy.**

ROBERT: So, what do you think?

VIOLET: I think **it looks like a music hall in Southend.** Well, what else have you planned for tonight's **revels**? [31, p. 19]

<....>

She observes a large flower arrangement.

VIOLET: **Anna, help me do battle with this monstrosity. It looks like a creature from The Lost World.***

She starts to pull bits out and hand them to the maid. [31, p. 21]

<....>

The other servants have gone and Anna has a cloth on the floor covered with foliage. Violet pulls out a final sprig.

VIOLET: That's the best we can do. **At least it's stopped looking like a brush for a witch to ride home on.** [31, p. 22]

РОБЕРТ: *Доброе утро, мама. Сегодня вы слишком рано встали.*

ВАЙОЛЕТ: *Война делает нас всех ранними пташками. Я думала, что помогу с цветами. Я попросила Шарп принести все цветы, которые у него есть.*

КОРА: *Но, у Бассетт их и так много . . . но спасибо тебе. с притворной улыбкой она уходит, оставляя Роберта и Вайолет наедине.*

ВАЙОЛЕТ: *Ты ведь не возражаешь, если я возьму цветы на себя? Букеты Кору всегда больше подходят для первого причастия в Южной Италии.*

РОБЕРТ: *Ну и что ты думаешь?*

ВАЙОЛЕТ: *По-моему, зал больше напоминает Мюзик-Холл в Саутэнде. Любопытно, чем еще вы планируете украсить сегодняшнюю вечеринку?* [31, p. 19] (перевод наш)

<....>

Она осматривает большую цветочную композицию.

ВАЙОЛЕТ: *Анна, помоги мне сразиться с этим безвкусием. Это похоже на чудовище из «Затерянного мира».*

Она отрывает листья и протягивает их служанке. [31, p. 21] (перевод наш)

<....>

Остальные слуги уходят, Анна расстилает на полу покрывало, усыпанное листвой. Вайолет достает последнюю веточку.

ВАЙОЛЕТ: *Это максимум того, что мы могли сделать. По крайней мере, икебана перестала напоминать метелку, на которой ведьма летит в свой чертог.* [31, p. 22] (перевод наш)

В приведенном отрывке присутствуют четыре иронических суждения вдовствующей графини Грэнтэм о способности Кору к организации званых вечеров. Остановимся на них подробнее.

1. ...Букеты Кору всегда больше подходят для первого причастия в Южной Италии....

Согласно традиции, на праздничную церемонию первого причастия в Южной Италии церковь практически пуста. Букеты белых калл и желтых хризантем приносят сами прихожане – дети, которые в первый раз принимают таинство Евхаристии [19]. По мнению свекрови, зал недостаточно декорирован цветами, что скорее укажет гостям на финансовую несостоятельность хозяев поместья, чем на их готовность оказать больнице денежную помощь. Слова «первое причастие» вызывают в сознании фрейм «церковь» с такими культурно-социальными референциями [14, с. 57], как «первый раз», «новокрещенный», «перешедший в другую веру», «исповедь», «подарки». То есть с помощью прагматического приёма иронической имплицатуры Вайолет намекает непосвященному слушателю на то, что молодая хозяйка не может правильно организовать мероприятие в связи с тем, что она не имеет необходимого опыта, не знает английских традиций, воспитана в другой, менее развитой, по её мнению, культуре. Таким образом, свекровь создаёт скрытую интенцию: показать домочадцам и слугам Даунтона, что Кора заслуженно не может быть полноправной хозяйкой аббатства.

2. ...зал больше напоминает Мюзик-Холл в Саутэнде....

Воспитание, манеры и образование американских аристократов не нравились англичанам высшего общества Эдвардианской эпохи, так как считались недостаточными для элиты. В данной фразе пренебрежение результатами работы Кору Вайолет выражает с помощью гиперболической метафоры, выраженной реалиями. С целью индукции отрицательной семантики, используются сублимированные пейоративно-окрашенные лексические единицы «Мюзик-Холл», «Саутэнд», способные вызвать негативную эмоциональную реакцию слушателя. Данные пейоративы включаются говорящей в

препозициональное сочетание «Мюзик-Холл в Саутэнде» из двух конгруэнтных существительных с предлогом, чтобы создать максимально яркий образ.

Так, южный район Лондона в период между двумя мировыми войнами представлял собой пригород, сельскую местность [11]. Сравнение зала, подготовленного для приёма Корой, с провинциальным «кабацким театром», дающим представления из фарсовых песенок и танцев, буффонады и гротеска в тавернах и на постоянных дворах, подчёркивает «низкое» происхождение невестки [16]. Становится очевидным, что высшее общество в лице свекрови не приветствует женщину, поведение которой не соответствует социально-нормативным свойствам леди. У вдовствующей графини неодобрение и неприязнь вызывает то, что не достигает стандартных в высшем свете нравственных и эстетических ожиданий.

3. *...помоги мне сразиться с этим безвкусием. Это похоже на чудовище из «Затерянного мира». ...*

Исследователи-лингвисты полагают, что ирония косвенно передаёт оценку и настроение говорящего и зачастую не совпадает с прямым значением и содержанием высказывания [22, с. 72]. По мнению Иссерс О., контекстуальный эффект имплицитной аллюзии не только создаёт разнообразные ассоциации, но и служит средством дискредитации соперника, создавая иронический подтекст [9, с. 88].

В представленном пассаже иронический пласт составляют аллюзии из знаменитого в то время научно-фантастического романа А. Конана Дойла «Затерянный мир» 1912 года.

Во-первых, Вайолет имплицитно сравнивает жену своего сына с чудаковатым профессором Челленджером, который, благодаря своим манерам, был чужим в обществе, в котором он жил. Также, профессор со своей супругой составлял весьма колоритную пару. Приведём цитату из произведения, на которую намекает Вайолет: «Если представить себе гориллу рядом с газелью, то можно составить себе понятие об этой

чете» [7, с. 146]. Аллюзия подводит слушателя к выводу: старые привычки, вкус и этикет Кору выдают её более низкий социальный статус, несмотря на то, что она сейчас живёт в аристократической семье, ведь освободиться от связей с прошлым невозможно. Это усиливает насмешку.

Во-вторых, здесь содержится намёк на известный эпизод романа, в котором во время похода в неисследованную область Америки, мир обезьянолюдей, профессор находит необычную реликтовую растительность, которая не встречается в Большом свете. Сюжетный мотив о приключениях европейца (Вайолет) в мире допотопных «чудищ» (место скопления растений Кору), включает также скрытый фольклорный образ леса, как нечто «антагонистического» и «чуждого» [1, с. 145]. Так, ироническая пейорация помогает вдовствующей графине Грэнтэм обесценить старания Кору, навесить на невестку ярлык, чтобы закрепить в сознании слуг её компрометирующий образ [26, с. 78].

Вайолет хочет доказать, что одно лишь наличие состояния, приобретённого её родителями, благодаря удаче и деловой хватке не даёт жене сына права считать себя знатной особой, в связи с тем, что для человека значимым является род и происхождение. Члены аристократических семей не могут вдруг принять в свои семьи лавочников и крестьян, уравнивая их с собой в правах. Так с помощью иронии вдовствующая графиня Грэнтэм пытается сохранить старинные устои.

4. ... *напоминать метелку, на которой ведьма летит в свой чертог* ...

Став женой лорда Грэнтэма, американка Кора столкнулась с отсутствием у себя «правильных» манер. Переживания све-крови о том, что поток невоспитанных калифорнийских миллионеров, не имеющих представления о правилах хорошего тона, ворвётся в патриархальный мир английской знати, формирует у неё желание взять на себя ответственность защитить традиции высшего сословия.

Литературные и культурные аллюзии с иронической коннотацией, весьма эффективные в политическом дискурсе, распространяют негативное отношение из одной когнитивной области в другую. Рассмотрим речевую тактику и языковые средства иронии в представленном высказывании Вайолет. Здесь аллюзия строится на ассоциативной связи с литературным произведением «Открытие колдовства» 1584 г, в котором Реджинальд Скотт высмеивает невежественных, но чересчур самоуверенных крестьянок, возомнивших себя ведьмами, обладающими значительной силой [29, р. 49], вязавших мётла из пучков сорных трав: белены чёрной, белладонны, мандрагоры, аконита, болиголова с резким неприятным ароматом, которые они варили в масле для получения «летающей мази» для тела [15]. Нетрудно себе представить, как выглядит букет, составленный из цветков этих растений: грязно-белые большие колокольчики, кисти из крупных желтых, синих, фиолетовых, белых цветков, белые зонтики соцветий, собранные вместе с крупными зелёными и перистыми листьями в розетку – растения-двойники цветочных однолетников церковной флористики. Ироническая антитеза подчёркивает недостаток Кору – незнание основных значений цветов при составлении композиций для торжественных событий. Пейоративы «метёлка», «ведьма», «чертог» выражают несоответствие Кору своему окружению и социальной роли, характеризуют её бесполезность, неопытность и мешанство.

Указанные речевые приемы дискредитации, выраженные иронией, помогают Вайолет создать следующий портрет леди Кору: сумасбродная, вульгарная женщина низкого происхождения, с полным отсутствием правильных манер, влезшая в дом приличных людей, пытающаяся навязать свои примитивные вкусы.

В чем причина такой резкой критики Кору? В 1880–1910 годы XX века возникла мода на союзы европейской аристократии и американского капитала [10]. После свадьбы Кору

нашла за океаном титул, а семья Кроули необходимые им деньги для поддержания своего высокого общественного положения. Вдовствующая графиня Вайолет Грэнтэм считает брак её сына Роберта неравным. Ирония и сарказм являются защитной реакцией, вызванной желанием не показывать своего отчаяния. «Оскорбления в лучших традициях старой школы» позволяют Вайолет выразить свой гнев, не выходя за рамки приличий [28, р. 34].

Обобщим полученные данные об использовании и способах выражения иронии в речи героини из высшего общества и представим их в виде таблицы:

речевые акты	тактика	языковые средства
<ul style="list-style-type: none"> • отрицательная оценка деятельности • унижение • издёвка • навешивание ярлыков 	<ul style="list-style-type: none"> • упрёк • приведение ложной информации • категоричность • эгоцентричность • ироническая импликатура 	<ul style="list-style-type: none"> • гиперболическое сравнение • гиперболическая метафора, выраженная реалиями • ироническая аллюзия • сублимированные пейоративно-окрашенные лексические единицы • имплицитные литературные и культурные аллюзии с иронической коннотацией • ироническая антитеза

Выводы

Общение представителей социальной элиты английского общества предполагает использование иронии – речевого оружия, которое должно ранить [9, с. 84]. Ирония в речи аристократа имеет сложную информационную структуру, содержащую скрытую авторскую интенцию. Внутренний информационный план иронического высказывания выражается имплицитно. Описанный приём дискредитации включает такие приемы, как скрытое навешивание ярлыков, отрицательная оценка деятельности, унижение, издёвка посредством гиперболической метафоры, аллюзии и антитезы с иронической коннотацией. Ирония позволяет аристократу дать оценку собеседнику и выразить к нему отношение.

Список литературы

1. Аликаев Р.С., Чуликов Ю.М. Локусы «чужого» пространства в фольклорной модели мира (на материале русской и британской лингвокультур) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки, 2010. №2 С. 142–146.
2. Ажам М. Искусство говорить публично / М. Ажам; пер. с фр. СПб.: 1990. 80 с.
3. Батлер О.В. Моя маленькая Британия. СПб.: БВХ-Петербург, 2011. 336 с.
4. Гайденок П.П. Трагедия эстетизма. М.: 1970, с. 54.
5. Горностаева А. Ирония как компонент английского стиля коммуникации. Монография. М.: 2013, Маска. 270 с.
6. Гоффман Э. Символы классового статуса // Философско-литературный журнал Логос, 2003. № 4-5 (39). С. 42–53.
7. Дойль Артур Конан. Сборник научно-фантастических произведений / Серия научной фантастики «Икар». Сост. Н.В. Хуруяну. Кишинёв: Штиинца, 1991. 325 с.
8. Ивушкина Т.А. Социолингвистические аспекты развития английской речи (на материале речевых характеристик представителей высших классов Великобритании в произведениях английской художественной литературы): Автореф. дисс. ...д-ра филол. наук. М., 1998.
9. Иссерс О.С. «Посмотрите на кого он похож!» (К вопросу о речевых тактиках дискредитации) // Вестник Омского университета, 1997. Вып. 3. С. 81–84.
10. История, как 220 миллионов долларов утекли из Америки в Англию. «Winners Academy» 2010-2015. URL: www.vdovgan.ru/220-millionov-dollarov-utekli-iz-ameriki-v-angliyu (дата обращения: 10.10.2019).
11. История Лондона. URL: <http://ru.m.wikipedia.org> (дата обращения: 10.10.2019).
12. Костецкая А.Г. Социолингвистические характеристики речи образованной молодежи Великобритании и США: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Волгоград, 2001.

13. Крюков Д. В. Социолингвистические характеристики писем английской аристократии Викторианской эпохи: дисс... на соиск. уч. степени канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
14. Левковская Н.А. Скрытая интенциональность в британском политическом дискурсе: способы обнаружения // Магия ИННО: новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников: материалы научно-практической конференции к 70-летию факультета международных отношений (Москва 4–5 октября 2013 г.). М.: МГИМО-Университет, 2013. 424 с. С. 55–61.
15. Магия, наркотики и интим: как возник традиционный образ «ведьмы на метле». URL: <http://kulturologia.ru> (дата обращения: 09.10.2019).
16. Мюзик-холл. Энциклопедия Всемирная история. Мюзик-холл. URL: <http://w.histrf.ru> (дата обращения: 09.10.2019).
17. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: автореф. дисс...доктора филологич. Наук. Саратов, 2005.
18. Петрова Е.С. «Элитарный английский» и его лексико-грамматическая специфика (лингвокультурологический аспект) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Спб. 2011. С. 202–211.
19. Первое причастие. URL: <http://ru.m.wikipedia.org> (дата обращения: 10.10.2019).
20. Пивоев В.М. Ирония как эстетическая категория // Философские науки № 4, 1982. С. 54–61.
21. Сапун Т.В., Куликова Л.В. Дискурсивная репрезентация авторитарности в академической коммуникации // Экология языка и коммуникативная практика, 2019. №2. С. 57–66.
22. Спачиль О.В., Третьякова Е.Ю. Иронические функции шекспировских аллюзий в «Скучной истории» А.П.Чехова // Наследие веков, 2016. №2. С. 70–83.
23. Стернин И.А. Общение со старшим поколением. Воронеж: «Истоки», 2013. 24 с.
24. Фоминых С.С. Политический плакат ГДР как тип текста // Вестник Челябинского государственного университета, 2009. № 13 (151). С. 130–133.

25. Швецова В.Е. Лингвистические характеристики авторитарного дискурса // Науковий вісник Південноукраїнського державного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського. Сокращение. Науковий вісник ПНПУ ім. К.Д. Ушинського. Лінгвістичні науки, 2013. № 16. С. 250–255.
26. Шемчук Ю.М. Стратегии манипулятивного дискурса на лексическом уровне молодежного социолекта // Политическая лингвистика, 2013. №2 (44). С. 76–79.
27. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. / Пер. С нем. Ю.И. Айхенвальд. Минск: Харвест, 2011. С. 848.
28. Adams R.M. *Bad Mouth: Fugitive Papers on the Dark Side*. Berkley: University of California press, cop. 1977. 297 p.
29. Almond Philip C. *England's First Demonologist. Reginald Scot & «The Discoverie of Witchcraft»*. London. New York: I.B.TAURIS. 2011. 256 p.
30. Bagehot W. *The English Constitution* 2nd ed. Oxford University Press. UK. 1963. 348 p.
31. Fellowes J. *Downton Abbey Script Book Season 2*. London: HarperCollins. 2013. 608 p.
32. Hyman H.H. *The Psychology of Status*. London: Macmillan. 1942. 269 p.
33. Pear T.H. *English Social Differences*. London: Heinemann. 1955. 234 p.

References

1. Alikaev R.S., Chulikov Ju.M. Lokusy «chuzhogo» prostranstva v fol'klornoj modeli mira (na materiale ruskoj i britanskoj lingvokul'tur) [Loci of “alien” space in the folklore model of the world (on the material of Russian and British linguocultures)]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Hetagurova. Obshhestvennye nauki*, 2010. №2. P. 142–146.
2. Azham M. *Iskusstvo govorit' publichno* [The art of speaking in public]; per. s fr. SPb.: 1990. 80 p.
3. Batler O.V. *Moja malen'kaja Britanija* [My little Britain]. SPb.: BVH-Peterburg, 2011. 336 s.
4. Gajdenko P.P. *Tragedija jestetizma* [The tragedy of aestheticism]. M.: 1970. P. 54.

5. Gornostaeva A. *Ironija kak komponent anglijskogo stilja kommunikacii. Monografija*. [Irony as a component of English communication style. Monograph] M.: 2013, Maska. 270 p.
6. Goffman Je. Simvoly klassovogo statusa [Symbols of social status]. *Filozofsko-literurnyj zhurnal Logos*, 2003. № 4-5 (39). P. 42–53.
7. Dojl' Artur Konan. *Sbornik nauchno-fantasticheskikh proizvedenij* [Collection of science fiction works] / Serija nauchnoj fantastiki «Ikar». Sost. N.V. Hurujanu. Kishinjev: Shtiinca, 1991. 325 p.
8. Ivushkina T.A. *Sociolingvisticheskie aspekty razvitija anglijskoj rechi (na materiale rechevyh harakteristik predstavitelej vysshih klassov Velikobritanii v proizvedenijah anglijskoj hudozhestvennoj literatury)* [Sociolinguistic aspects of English speech development (based on British upper-class characters speech characteristics from English fiction)]. M., 1998.
9. Issers O.S. «Posmotrite na kogo on pohozh!» (K voprosu o rechevyh taktikah diskreditacii) [“Let’s see what he looks like!” (On the question of discrediting speech tactics)]. *Vestnik Omskogo universiteta*, 1997. Issue 3. P. 81–84.
10. *Istorija, kak 220 millionov dollarov utekli iz Ameriki v Angliju*. [The story of how 220 million dollars flowed from America to England.] «Winners Academy» 2010-2015. URL: www.vdovgan.ru/220-millionov-dollarov-utekli-iz-ameriki-v-angliyu. (accessed: 10.10.2019).
11. *Istorija Londona* [History Of London]. URL: <http://ru.m.wikipedia.org> (accessed: 10.10.2019).
12. Kosteckaja A.G. *Sociolingvisticheskie harakteristiki rechi obrazovannoj molodezhi Velikobritanii i SShA* [Sociolinguistic characteristics of educated youth speech in Great Britain and the USA]. Volgograd, 2001.
13. Krjukov D. V. *Sociolingvisticheskie harakteristiki pisem anglijskoj aristokratii Viktorianskoj jepohi* [Sociolinguistic characteristics of the letters written by English aristocracy from Victorian era]. Volgograd, 2001.
14. Levkovskaja N.A. *Skrytaja intencional'nost' v britanskom politicheskom diskurse: sposoby obnaruzhenija* [Hidden intentionality in British political discourse: ways to detect]. Magija INNO: novye tehnologii v jazykovoј podgotovke specialistov-mezhhdunarodnikov: materialy

- nauchno-prakticheskoj konferencii k 70-letiju fakul'teta mezhdunarodnyh otnoshenij (Moskva 4-5 oktjabrja 2013 g.) [Magic INNO: new technologies in the language training of international experts: materials of a scientific and practical conference dedicated to the 70th anniversary of the Department of International Relations (Moscow, October 4-5, 2013)]. M.: MGIMO-Universitet, 2013. 424 p. P. 55–61.
15. *Magija, narkotiki i intim: kak voznik tradicionnyj obraz «ved'my na metle»* [Magic, drugs and sex: how the traditional image of the «witch on a broomstick»]. URL: <http://kulturologia.ru> (accessed: 09.10.2019).
 16. *Mjuzik-holl. Jenciklopedija Vsemirnaja istorija. Mjuzik-holl.* [Music hall. Encyclopedia of world history. Music hall]. URL: <http://w.histrf.ru> (accessed: 09.10.2019).
 17. Parshina O.N. *Strategii i taktiki rechevogo povedenija sovremennoj politicheskoj jelity Rossii* [Strategies and tactics of speech behavior of the modern political elite of Russia]. Saratov, 2005.
 18. Petrova E.S. «Jelitarnyj anglijskij» i ego leksiko-grammaticeskaja specifika (lingvokul'turologičeskij aspekt) [“Elite English” and its lexical and grammatical specificity (linguistic and cultural aspect)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. SPb. 2011. P. 202–211.
 19. *Pervoe prichastie* [First communion]. URL: <http://ru.m.wikipedia.org> (accessed: 10.10.2019).
 20. Pivoev V.M. Ironija kak jesteticheskaja kategorija [Irony as an aesthetic category]. *Filosofskie nauki* № 4, 1982. P. 54–61.
 21. Sapun T.V., Kulikova L.V. Diskursivnaja reprezentacija avtoritarnosti v akademicheskoj komunikacii [Discursive representation of authoritarianism in academic communication]. *Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika*, 2019. №2. P. 57–66.
 22. Spachil' O.V., Tret'jakova E.Ju. Ironicheskie funkcii shekspirovskih alljuzij v «Skuchnoj istorii» A.P. Chehova [An ironic feature of Shakespeare's allusions in “a Boring story” by A. P. Chekhov]. *Nasledie vekov*, 2016. №2. P. 70–83.
 23. Sternin I.A. *Obshhenie so starshim pokoleniem* [Communication with the older generation]. Voronezh: «Istoki», 2013. 24 p.

24. Fominyh S.S. Politicheskij plakat GDR kak tip teksta [Political poster of GDR as a type of text]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009. № 13 (151). P. 130–133.
25. Shvecova V.E. Lingvisticheskie harakteristiki avtoritarnogo diskursa [Linguistic characteristics of authoritarian discourse]. *Naukovij visnik Pivdennoukraïns'kogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu im. K.D. Ushins'kogo. Lingvistichni nauki*, 2013. № 16. P. 250–255.
26. Shemchuk Ju.M. Strategii manipuljativnogo diskursa na leksicheskom urovne molodezhnogo sociolekta [Strategies of manipulative discourse at the lexical level of youth sociolect]. *Politicheskaja lingvistika*, 2013. №2 (44). P. 76–79.
27. Shopengaujer A. *Mir kak volja i predstavlenie* [The world as will and representation] / Per. S nem. Ju.I. Ajhenval'd. Minsk: Harvest, 2011. P. 848.
28. Adams R.M. *Bad Mouth: Fugitive Papers on the Dark Side*. Berkley: University of California press, cop. 1977. 297 p.
29. Almond Philip C. *England's First Demonologist. Reginald Scot & «The Discoverie of Witchcraft»*. London. New York: I.B.TAURIS. 2011. 256 p.
30. Bagehot W. *The English Constitution 2nd ed.* Oxford University Press. UK. 1963. 348 p.
31. Fellowes J. *Downton Abbey Script Book Season 2*. London: HarperCollins. 2013. 608 p.
32. Hyman H.H. *The Psychology of Status*. London: Macmillan. 1942. 269 p.
33. Pear T.H. *English Social Differences*. London: Heinemann. 1955. 234 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Тисленкова Ирина Александровна, к.ф.н., старший преподаватель кафедры «Иностранные языки», факультета экономики и управления
Волгоградский государственный технический университет
ул. проспект имени В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005,
Российская Федерация
tislenkova@bk.ru

Глебова Екатерина Александровна, к.п.н., доцент кафедры «Иностранные языки», факультета экономики и управления
Волгоградский государственный технический университет
ул. проспект имени В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005,
Российская Федерация
eaglebova@mail.ru

Бганцева Ирина Владимировна, д.п.н., профессор кафедры «Иностранные языки», факультета экономики и управления
Волгоградский государственный технический университет
ул. проспект имени В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005,
Российская Федерация
irina07085@rambler.ru

Ионкина Екатерина Юрьевна, к.ф.н., доцент кафедры «Иностранные языки», факультета экономики и управления
Волгоградский государственный технический университет
ул. проспект имени В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005,
Российская Федерация
katya_dzhandalie@mail.ru

DATA ABOUT THE ATHOURS

Tislenkova Irina Aleksandrovna, Senior teacher of the Foreign language Chair, Ph.D. in Philological Science, Faculty of Economics and Management
Volgograd State Technical University
28, prospekt imeni V.I. Lenina, Volgograd, 400005, Russian Federation
tislenkova@bk.ru
ORCID: 0000-0002-7202-2773

Glebova Ekaterina Aleksandrovna, Associate Professor of the Foreign language Chair, Ph.D. in Pedagogical Science, Faculty of Economics and Management

Volgograd State Technical University
28, prospekt imeni V.I. Lenina, Volgograd, 400005, Russian Federation
eaglebova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2284-631X

Bgantseva Irina Vladimirovna, Professor of the Foreign language Chair, Ph.D. in Pedagogical Science, Faculty of Economics and Management
Volgograd State Technical University
28, prospekt imeni V.I. Lenina, Volgograd, 400005, Russian Federation
irina07085@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-5128-8858

Ionkina Ekaterina Yuryevna, Associate Professor of the Foreign language Chair, Ph.D. in Philological Science, Faculty of Economics and Management
Volgograd State Technical University
28, prospekt imeni V.I. Lenina, Volgograd, 400005, Russian Federation
katya_dzhandalie@mail.ru
ORCID 0000-0001-5667-5881

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-5-247-254

УДК 811.161.1

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА АНГЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Фахрутдинова М. Т.

В данной статье исследуется специфика разностороннего влияния англицизмов на формирование лексики русского языка новейшего периода, сообщая ей новые свойства и черты. Это обуславливается в первую очередь целым рядом причин социального, политического и экономического характера, а также внутрилингвистическими причинами. Англицизмы осваиваются на различных уровнях языковой системы (от фонетического до семантического). В публикуемой статье представляются результаты процесса ангализации лексического состава русского языка XXI века. Научная новизна этой работы заключается в комплексном описании особенностей ассимиляции англицизмов на каждом уровне языковой системы: 1) фоно-орфографический уровень; 2) морфологический уровень; 3) лексико-семантический уровень.

Ключевые слова: заимствование; англицизм; ассимиляция; морфология; семантика; структура.

ANGLIFICATION SPECIFICS OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Fakhrutdinova M. T.

This article explores the specificity of the diverse influence of anglicisms on the development of the vocabulary of the Russian language of the newest period, informing it of new properties and features. This is primarily due to a number of social, political and economic reasons, as well as intra-linguistic reasons. Anglicisms are mastered at various levels of the language system (from phonetic to semantic). The published article presents the results of the process of anglicization of the lexical

composition of the Russian language of the XXI century. This paper describes the features of the assimilation of anglicisms at each level of the language system: 1) phono-orthographic level; 2) morphological level; 3) lexical-semantic level.

Keywords: *Borrowing; anglicism; assimilation; morphology; semantics; structure.*

Введение

На данный момент тема заимствований из английского языка особенно актуальна. Многие лингвисты занимались изучением процесса англизации, рассматривая при этом различные аспекты: причины заимствования, особенности освоения англицизмов системой языка, их взаимодействие с исконной и ранее заимствованной лексикой и многое другое. В отечественной лингвистике можно назвать работы Г.Г. Тимофеевой, В.Г. Костомарова, Л.П. Крысина, А.И. Дьякова, С.С. Изюмской, М.Ф. Шацкой, Э.Ф. Володарской, И.О. Наумовой и др. На данный момент за счет глобализации мировой экономики и огромной всесторонней роли, которую играют в ней США, процесс англизации русского языка протекает особенно интенсивно. Несмотря на это, в лингвистике отсутствуют фундаментальные комплексные исследования, включающие в себя выявление и описание англоязычного влияния на различных уровнях функционирования языка.

Материалы и методы исследования

В данной статье используется метод описания лексики русского языка новейшего периода с анализом типологии и этимологии. Материалом исследования послужили различные виды средств массовой информации, особенно публицистические статьи, содержащие большое количество англицизмов. В исследование включены как лексические единицы, заимствованные недавно (*бодигард, мейнстрим*), так и более ранние заимствования (*лидер, конгрессмен*). Источником материала послужили интернет-архивы следующих периодических изданий 2017–2018 г.г. выпуска: «Ведомости», «РБК», «Коммерсант»,

«Московский комсомолец», «Аргументы и факты» и др. Объем исследованного материала составляет 60 статей.

Результаты исследования

Численное возрастание словарного состава современного русского языка происходит в значительной степени за счет притока лексических единиц английского происхождения, которые подвергались исследованию в отечественной лингвистике в работах В.М. Аристовой, Т.В. Максимовой, Ф.П. Филина, А.Д. Швейцера и др.

О.С. Ахманова определяет англицизм как слово, выражение или синтаксическую конструкцию, заимствованное из английского языка и воспринимаемое как чужеродный элемент [1, с. 47]. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова понимают под англицизмами слова и обороты речи в каком-либо языке, заимствованные из английского языка или созданные по образцу английского слова и выражения [5, с. 35]. Так же определяет англицизмы и Л.П. Крысин, при этом дополнительно подводя их под класс варваризмов [4, с. 9].

В современной лингвистике признается, что язык подобен живому организму, который постоянно подвергается влиянию извне и вследствие этого меняется. Абсолютно «чистого» языка, не подвергающегося влиянию других языков, не существует. Еще В.Г. Белинский рассуждал о феномене проникновения в русский язык иноязычных слов, отмечая, что «...народ с удивлением и ужасом заметил, что к нему ворвались чужеземные обычаи и ... исказили и испестрили его девственный язык» [2, с. 39].

Статистика иллюстрирует отчетливый рост доли англицизмов в русском языке. В словаре иностранных слов И.А. Бодуэна де Куртенэ (1911) англицизмы составляют 2,57% всех заимствований. Менее века спустя доля англицизмов в словаре иностранных слов Н.Г. Комлева (2000) составляет уже 25%.

Среди причин активного увеличения заимствований из английского языка выделяются внешние (внеязыковые, экстралингвистические) и внутренние (языковые, лингвистические) причины. К внешним причинам относятся:

1. Наличие более или менее тесных политических, экономических и культурных связей между народами-носителями языков (А.И. Соболевский, Ю.С. Сорокин, В.М. Аристова): *мейл-шовинизм* – социальное выражение, которое часто фигурирует в общественно-политической жизни, в частности, в контексте борьбы феминисток в США и Германии; *нордстрим* – название нового строящегося газопровода.

2. Языковой снобизм, мода на иностранные слова (В.В. Виноградов, Ю.С. Сорокин, Л.П. Крысин): *бейбиситтер* – нянька, сиделка с ребенком.

3. Коммуникативная актуальность понятия и соответствующего ему слова (Л.П. Крысин): *хэппи-энд* – (англ. happy end) – счастливая концовка сюжета пьесы, фильма, романа и т. д.

Среди внутренних причин выделяются следующие:

1. Необходимость в разграничении содержательно близких, но все же различающихся понятий (В.М. Аристова, Л.П. Крысин): *топ-менеджер* – top-manager) – является центральной фигурой компании. Именно он призван организовывать и успешно продвигать ее бизнес.

2. Тенденция к экономии в языке, так называемый «закон речевой экономии», который заключается в том, чтобы цельный нерасчлененный на отдельные составляющие объект обозначался не парафразом, а одним словом (Л.П. Крысин, Э.Ф. Володарская): *рест-клуб, стрип-бар, интим-услуги, климат-контроль* и т.д.

3. Необходимость специализации понятий в той или иной сфере, для тех или иных целей (В.М. Аристова, Л.П. Крысин): *хэндикэм* – (handycam) – товарное наименование портативной видеокамеры.

В ходе исследования был выявлен ряд особенностей употребления и освоения англицизмов в русском языке. Поскольку освоение иноязычных слов следует рассматривать как комплексный процесс, где все языковые факторы и уровни языка взаимосвязаны и взаимообусловлены, в рамках данной статьи предлагается краткое описание особенностей ассимиляции англицизмов на каждом уровне языковой системы.

1. Фоно-орфографическая ассимиляция англицизмов в русском языке возможна в виде транскрипции (*upgrade – ангрейд*) и транслитерации (*banner – баннер*). Многие слова имеют неустоявшееся правописание (*дистрибьютер – дистрибутер – дистрибьютор*), так как семантическое освоение предшествует ассимиляции формы, то есть большинство англицизмов сначала закрепляются в речи, а потом получают орфографическую оформленность. Кроме того, не существует четких правил транскрипции англицизмов, в результате чего возникают параллельные варианты: *badge – бейдж* и *бедж*.

Многие исследователи современных русских неологизмов заимствованного происхождения отмечают широкое употребление нетранслитерированных форм как особенность функционирования, связанную со многими факторами: расширением интенций и распространением иностранных языков, необходимостью сохранения международной торговой марки и защитой юридических прав производителя и др. Чаще латинское оформление имеет первый компонент сложных слов (*gala-фильм, cosmo-консультант, flash-видеокамера, fashion-шок, glam-спорт, bluetooth-гарнитура, October-фест, casual-стиль, beauty-мабу, Bosch-центр, live-трансляции, premium-аккаунт, media-группа*), реже – второй (*баян-mix, транс-ticket, окна-best, экстра-love, флора-city*).

2. Морфологическая ассимиляция заключается в том, что независимо от фонетического облика и орфографического оформления англицизмы подводятся под активные грамматические категории принимающего языка. Абсолютное большинство англицизмов, закрепившихся в русском языке, это имена существительные, а глаголы и имена прилагательные встречаются значительно реже и чаще всего образуются от заимствованного существительного: *lobby – лобби, лоббировать*. Другим примером может послужить лексема «селебрити», которая имеет следующее значение: знаменитость, известная преимущественно благодаря упоминаниям в светской хронике и жёлтой прессе. Происходит «селебрити» от англ. *celebrity* «знаменитость». Следует отметить, что в любом

случае происходит оформление соответствующей части речи по правилам русского языка: *offshore* – *офшор-н-ый*.

3. Лексико-семантическая ассимиляция:

А) Заимствования осуществляются при необходимости обозначения новых понятий, при этом их освоение происходит автоматически, так как они занимают место лакун в лексико-семантической системе языка (*холдинг*).

Б) Заимствуются единицы, синонимичные уже имеющимся в языке и использующиеся как стилистически или экспрессивно окрашенные дублеты (*няня* – *babysitter* – *бэбиситтер*).

В) Часто происходит расширение, сужение, изменение значения слова по отношению к его значениям в английском языке (*презентовать* – *представлять, дарить*).

Г) Англицизмы принимают участие в словообразовании. Словообразовательные конструкции с участием заимствованных лексических единиц отличаются от традиционных образований, возникающих на базе собственного языкового материала, тем, что в первом случае происходит соединение заимствованной английской морфемы и языка-рецептора (*бизнес-пророк*).

Необходимо отметить, что выделяются англицизмы, выступающие в роли корнесловов в сложных словах (*супер-, бизнес-, шоу-* и т.д.).

Существует два варианта процесса функционального развития корнесловов. Первый вариант заключается в процессе постепенного отрыва от слова суффиксоида, который становится самостоятельной единицей. Например, корнеслов *супер* в современном языке употребляется как самостоятельная лексическая единица. Второй вариант противоположен первому. В данном случае самостоятельная лексема начинает выполнять функцию корнеслова в целом ряде слов, образующих гнездо. Примером может являться слово *бизнес*, которое выполняет функцию суффиксоида в ряде слов. Анализ функционирования данных элементов в разнообразных текстах в жанрово-стилистическом отношении позволил сформулировать следующие выводы:

1. Словообразующие элементы *бизнес-, супер-, шоу-* и др. являются символами американского языкового влияния.

2. В настоящий момент все эти словообразующие элементы с периферии языковой словообразовательной системы переместились к центру.

3. Из данных словообразующих элементов только *супер-* имеет значительный период ассимиляции.

4. Некоторые из этих элементов выступают только в первой части сложных слов: *бизнес-школа, бизнес-язык, топ-менеджер, шоп-тур*, другие выступают как в первой, так и во второй части сложных слов: *мото-шоу, аэро-шоу и шоу-досье, шоу-индустрия*.

5. Часть подобных словообразующих элементов образуется при помощи русских лексем: *супермясо, бизнес-компания, бизнес-контакт, шоу-программа*, другая часть образуется с помощью английских лексем: *супершоу, суперхит, бизнес-визит, бизнес-ланч, джентельмен-шоу, ток-шоу* и др. [3, с. 9].

Заключение

Таким образом, современный русский язык в значительной мере подвергается англизации, что объясняется как экстралингвистическими причинами (изменения в менталитете русскоговорящих людей и активизация связей с Западом), так и внутриязыковыми факторами (потребность в наименовании новых явлений, необходимость специализации понятий). Основной причиной активного влияния английского языка являются языковые контакты, обусловившие рост аналитизма в русском языке, преимущественно синтетическом по морфологическому строю.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов М.: Советская энциклопедия, 1966. 304 с.
2. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1953. Т.1. 301 с.
3. Гурчиани М.Т. Композиты в русском языке новейшего периода/ М.Т. Гурчиани: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: Казань, 2009. 24 с.

4. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Просвещение, 1968. 340 с.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. Изд. 4. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. 839 с.

References

1. Ahmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija, 1966. 304 p.
2. Belinsky V.G. *Polnoe sobranie sochinenij* [The complete works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1953. V. 1. 301 p.
3. Gurchiani M.T. Composites in the Russian language of modern period/ M.T. Gurchiani: author. Diss. ... Cand. filol. Sciences: Kazan, 2009. 24 p.
4. Krysin L.P. *Inozazychnye slova v sovremennom russkom jazyke* [Foreign words in modern Russian]. Moscow: Prosveshchenie, 1968. 340 p.
5. Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [The dictionary of Russian language]. Izd. 4. Moscow: ООО «ИТИ Технологии», 2003. 839 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Фахрутдинова Мимоза Теймуразовна, доцент кафедры русского языка и языкознания, кандидат филологических наук
Казанский инновационный университет имени Виталия Гайнулловича Тимирязова
Московская, 42, г. Казань, 420111, Российская Федерация
79050384037@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Fakhrutdinova Mimoza Teimurazovna, associate Professor of the Department of Russian language and linguistics, candidate of Philology
Kazan innovative university named after Vitaliy Gainullovich Timiryasov
42, Moscovskaya, Kazan, 420111, Russian Federation
79050384037@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1895-3059

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-5-255-267

УДК 811.161.1

ЛЕКСИКА ГОСТЕПРИИМСТВА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Чирич И.В., Штукарева Е.Б.

Актуальность исследования лексики гостеприимства связана с ее недостаточной изученностью, между тем как она отражает национальное самосознание, систему ценностей этноса, национальные качества и при этом переживает изменения.

Цель исследования – выявить оттенки значения и особенности употребления лексики гостеприимства в современном русском языке.

Методы исследования: описательно-аналитический, структурно-семантический, метод контекстологического анализа.

Результаты. В статье рассмотрены слова, связанные с темой приглашения в гости, угощения и застолья (*угощать, потчевать, питать, кормить, забегать на огонек, гулять, на чашку чая, с распростертыми объятиями* и др.), уточнены их значения в сравнении с толкованием в лексикографической практике, прослежены исторические семантические сдвиги в значениях слов, изменения их сочетаемости на основе наблюдений за функционированием в речи (художественной, публицистической, в интернет-общении).

Результаты исследования могут быть применимы при составлении толковых словарей и в переводческой практике, в преподавании лексикологии и лингвокультурологии.

Ключевые слова: лексическая группа; этнокультурный компонент значения; гостеприимство; приглашение; застолье.

HOSPITALITY VOCABULARY IN THE RUSSIAN LINGUISTIC WORLD IMAGE

Chirich I.V., Shtukareva E.B.

The research into the hospitality vocabulary is thought to be relevant as it has been insufficiently studied so far, while this type of the vocab-

ulary reflects the national identity, value system of the ethnos, national characteristics. Moreover, it may change over time.

*The **purpose** is to identify connotations and ways of using the hospitality vocabulary in modern Russian.*

***Research methods:** descriptive-analytical, structural-semantic, contextual analysis.*

***Results.** The article describes the words related to the topic of invitations, feasting and giving parties, their meanings are compared with the interpretation in the lexicographical practice as well as the historical semantic shifts in the meanings are traced. The authors observe lexical combinability of the words, their functioning in the literary style, publicistic texts and Internet communication. The results of the study can be used in lexicography and translation practice, in the teaching lexicology and cultural linguistics.*

***Keywords:** lexical group; ethnocultural component of meaning; hospitality; invitation; banquet.*

Лексика, непосредственно связанная с предметным миром человека, с его социально-историческим опытом и культурно-национальными особенностями менталитета, отражает представления личности об окружающем мире. Национальная культура гостеприимства чаще становится предметом культурологического исследования [1; 3; 5]. Культурно-национальные сведения отражаются и в особенностях языка, они концентрируются в этнокультурном компоненте семантики слова [10, с.13]. Однако толковые словари не всегда фиксируют культурно значимую фоновую информацию, иногда не отражают того значения, в котором слово употребляется в современном русском языке или не учитывают изменившиеся стилистические характеристики.

При описании семантики лексической группы гостеприимства недостаточно ориентироваться на данные словарей, необходимо проявлять внимание прежде всего к их реальному функционированию в речи.

Так, слово *застолье* словарями определяется как разговорное наименование праздничного стола, угощения и собирательного –

людей, сидящих за таким столом [2]. В современном русском городском быту *застолье* предполагает совместную трапезу (как правило, сопровождающуюся «возлияниями»), обычно в связи с тем или иным поводом. В норме эту трапезу кто-то устраивает и *приглашает* на нее других участников трапезы. Чаще всего застолье происходит дома у устроителей трапезы, которые тем самым выступают в роли *хозяев* (а остальные участники трапезы являются *гостями*). Поскольку в этом случае хозяева *принимают* у себя гостей, такая трапеза может быть названа *приемом*. Прием может быть устроен и вне дома (например, в ресторане); но и в этом случае устроители приема *приглашают* на него гостей. Менее типичным является устройство «застолья» *в складчину*; в этом случае, даже если застолье происходит у кого-то дома, участники застолья обычно не подразделяются на *гостей* и *хозяев*.

Таким образом, «русское застолье» устойчиво ассоциируется с приходом в *гости*. Недаром и общее наименование пищи, подаваемой во время застолья, – *угощение* – этимологически связано с идеей *гостей*. Широко известно, что русские любят и умеют принимать гостей, действительно, хорошо принять, *угостить* и выразить уважение гостю – дело чести хозяев, о чем свидетельствуют и многочисленные пословицы и поговорки: *Встречай не с лестью, а с честью*; *Гость доволен – хозяин рад*; *Гостю в переднем углу место*; *Гостю шей не жалей, а погуще влей*; *Для дорогого гостя и ворота настежь*.

Не случайно в русском языке слово *гостеприимство* имеет характерный синоним – *хлебосольство*, непосредственно связанный с идеей угощения. При этом хлебосольство воспринимается в культуре как специфически русская черта: можно сказать *русское хлебосольство*, но не употребляются сочетания *французское хлебосольство* или *итальянское хлебосольство*. В этом случае говорят все же о гостеприимстве.

Любой гостеприимный, радушный, хлебосольный хозяин или любая хозяйка, принимая у себя гостей, начнут их **кормить, угощать, потчевать**.

Интересно, что в XIX веке глагол **кормить** не мог обозначать действие, направленное на человека. В XIX веке, по наблюдениям И.А. Ширшова в статье «Питать и кормить» [9], на человека могло быть направлено действие глагола **питать**, например: *Теперь обратимся к Парижу, где наш Тургенев, одетый лучшим портным, питаемый лучшим ресторатором, наслаждается жизнью* (Карамзин), а действие глагола **кормить** было направлено на домашнее животное, ср.: *Купайте, кормите отборным зерном; Водой ключевою поите [коня]* (Пушкин). Добавим, что глагол **кормить** мог употребляться по отношению к человеку, когда речь шла о грудном вскармливании младенца, например: *Кормить своего ребенка не позволили ей доктора* (С. Аксаков). Сфера употребления глагола **кормить** в современном русском языке расширилась, и вполне обычным стало использование его для обозначения действия, направленного и на человека и на животного, например: *Я торопилась домой, чтобы кормить обедом мужа, кормить гостей пирогами, кормить семью обедом; кормить голубей с руки*.

Что же касается глагола **питать**, то круг объектов, на которые направлено его действие, напротив сократился. Ранее это мог быть больной человек, часто беспомощный, для которого диетическая пища служит средством выздоровления: *Уже давно ему доказали, что он не имеет права пренебрегать своим здоровьем, и его питали постными, но здоровыми кушаньями* (Л. Толстой); [*Чувиллов*] *Дома жрать нечего. Топить нечем... Доктор сказал — питать мясным бульоном* (А.Н. Толстой). Глагол **питать** в схожем значении в базе цитирования Рускорпора встречается только единожды при описании смертельно больного человека в рассказе «Фазан» (1984 г.) И. Грековой: *А папа лежал дома и кашлял. Его надо было питать. Именно «питать», а не кормить. А чем, на какие средства? В доме было уже продано, выменано на продукты все, что можно*. В данном контексте в семантической структуре глагола еще прослеживается оттенок заботы, свойственный ему в начале XX века. Однако автор этого произведения является представителем прошлого поколения (1907 г.р.).

Изменился и оттенок значения глагола **питать**, из его семантики исчезла сема ‘удовольствие’: *питать малыша молочной смесью*. И.Б. Левонтина отмечает, что значения глаголов **кормить**, **питать**, **пичкать**, по сравнению с глаголами **угощать** и **потчевать**, указывают на гораздо более утилитарные действия [4]. Например, *Боясь, как бы не заболел у меня животик, бог весть до какого времени **кормили** меня кашкою да куриными котлетками* (В. Ходасевич, Младенчество); *Тетья Вайна кормила Лэна ужином, **пичкала** его толочном с горячим молоком* (А. и Б. Стругацкие, Хищные вещи века).

Стоит отметить, что глагол *кормить* используется и в тех случаях, когда речь идет об угощении гостей; правда, употребление этого глагола обычно предполагает, что угощение было невкусным, не доставляло гостям удовольствия, например: *«В то время, как Лайза Миннелли отмечала свою свадьбу и **кормила** гостей тортом диаметром три с половиной метра, ее 94-летняя мачеха находилась одна в холодном и темном доме», – явствует из заявления, поданного в суд адвокатами Ли Андерсен Миннелли* (М. Киселева, Мачеха испортила Лайзе Миннелли медовый месяц // Известия, 2002); *Чувствует Кудасов и то, как нынче будут **кормить** и поить **гостей**, и если будут кормить скудно и невкусно, без перца, без пастилы к чаю или без ветчины от Елисеева, то он никуда и не едет* (В. Орлов, Альтист Данилов).

Но более характерны при русском застолье глаголы *угощать* и *потчевать*, которые описывают радушное, доброжелательное поведение одного человека по отношению к другому и предполагают, что субъекту приятно кормить и поить другого человека, например: *Нет, я готовлю только для друзей. Я очень люблю **угощать** друзей.* <...> *В России люди ходят в гости, очень часто, **угощают** друг друга, пекут пироги* (Л. Улицкая, Цю-юрихь); *Добрая была женищина и прегостепримная, вишневым вареньем, бывало, все меня **потчевала*** (И.С. Тургенев, Рудин).

Некоторые примеры доказывают, что если человек **потчует** гостей, друзей и т.д., то делает это он по своей воле и сам получает от этого удовольствие, например, *Вечером поздним <...> сел извозчик пить чай с мушмалою и **потчевал** чаем соседа* (М. Шагинян, Пере-

мена). А глагол **угощать** может быть употреблен и тогда, когда обстоятельства вынуждают хозяина предлагать угощение, например, *Он поспешно сообщил Тигре, что, как только он, Пух, справится со своим завтраком, они пойдут в гости к Пятачку, и, может быть, он угостит их желудями* (А. Милн, Вини-Пух и Все-все-все, пересказ Б. Заходера).

Кроме того, стоит упомянуть, что в речи встречается особый круг употреблений глагола **угощать**, в которых он описывает ситуацию, когда люди вместе едят или пьют, например, в ресторане, а один – тот, кто *угощает*, – платит за всех, например: – *Душа у меня горит! Вина!! Эй, кельнер, камерьере, шестерка – как тебя там?! Волоки вина побольше! Всех угощаю!!! Поймете ли вы тоску души моей* (А. Аверченко, Дюжина ножей в спину революции); *Ходили уж толпами, потому что многие пропили все деньги, и облепливали тех, кто мог угощать, – и не знали, что станут есть, пить завтра* (О. Павлов, Дело Матюшина).

Прием гостей в России, как и в любой другой стране, начинается с *приглашения* в гости. Поэтому с гостеприимством в русской культуре связаны **приглашения**. В частности, культурно значимы слова и обороты, при помощи которых мы приглашаем в гости. Иногда используются неформальные, ни к чему не обязывающие приглашения (в них часто используются глаголы движения с приставкой *за-*): **заходите к нам на огонек, заходи(те) если что; заходи(те) к нам в любое время** или просто **заходите, забегайте**, например, «**Заходите к нам на огонек**» – *пела скрипка ласково и так нежно...* (из песни).

Но выражение *забежать на огонек* может использоваться не только в составе приглашения, но и как констатация уже осуществившегося факта, например: *И тут на огонек забежал Волшебник – Олег Янковский* (Комсомольская правда, 2004); *Вечером, еще до прихода жениха, забежал на огонек директор школы Е. Маркова. Тайная вечеря.*

Дело в том, что, для того чтобы **забежать на огонек**, приглашение не требуется, это часто случается спонтанно, непреднамеренно, например: *Буду в ваших краях – забегу на огонек; Моему хлебо-*

сольству не было границ! Ко мне заходили на огонек в любое время дня и ночи (Караван историй, апрель, 2003). Иногда даже на огонек забегают совершенно неожиданно для хозяев дома, например, В родных стенах его поджидают званые и незваные гости: то сосед-психопат забежит на огонек, то соблазнительная соседка со второго этажа спустится на первый по шесту, то певица известная обнаружится в ванной... (Вас. Стрельников, Вася ин да хаус).

Существенно, что когда человек говорит просто: «**Заходите (Забегайте)**», то он не берет на себя особых обязательств устроить прием, хотя нормы *гостеприимства* предполагают, что какое-то угощение будет подано. Более обязывающими оказываются формальные приглашения, которые уже сами по себе предполагают «застолье». В этом случае иногда непосредственно упоминается вид предполагаемой совместной трапезы (иногда с указанием повода торжества): *Приходите к нам завтра на обед; Приглашаю вас на банкет по случаю защиты диссертации*. Часто в этом случае достаточным оказывается упоминание повода без уточнения вида приема: *Приходите ко мне завтра на день рождения* (≈ ...на званый обед/ужин по случаю дня рождения), *на именины* (≈ ...на прием по случаю дня ангела); *Приходите на крестины; Приглашаем вас на свадьбу* (≈ ...на банкет по случаю бракосочетания) и т. п.

Наименование повода в таких случаях метонимически переходит на наименование торжественного приема – ср.: *За свадьбой было выпито много вина, Мы выпивали на его защите; Купить вина на именины*. Если мы говорим, что некто вчера был на дне рождения, на именинах, на свадьбе и т. п., мы понимаем, что он был участником застолья. Впрочем, не все названия поводов для застолья в равной степени свободно допускают такой метонимический перенос. Так, можно сказать гулял на защите или выпивал на защите, и в этом случае слово защита метонимически указывает на банкет по поводу защиты диссертации, но если сказать *Приходите завтра ко мне на защиту* или *Я была у него на защите*, то слово защита будет скорее пониматься как обозначение заседания специализированного совета. А сочетания **быть на дне рождения**

и гулять на дне рождения семантически равноправны, здесь *быть* подразумевает *гулять*.

Если же поводом для торжества является получение премии, присвоение почетного звания, покупка (то, что в русской бытовой культуре принято *обмывать*), то перенос оказывается невозможным. Можно сказать: *Приходите отметить премию* или *Приходи – обмоем мою новую машину*, но фраза *Приходите на получение премии* будет скорее понята как приглашение на вручение премии, а не на банкет, а фраза *Приходи на покупку машины* звучит совсем странно.

Иногда званый прием метонимически называют **по главному блюду**, подаваемому во время трапезы, особенно если это экзотическое, необычное блюдо – например, **пригласить на шашлык, на осетра, на блины, на пироги** и т. д. В этих случаях название блюда функционирует как название трапезы. Некоторые названия блюд (например, **шашлыки**) чаще употребляются именно в значении названия трапезы: **пригласить на шашлыки** (ср. *пригласить на банкет, обед, фуршет* и т.д.), **собираемся к нему на дачу на шашлыки, поехали (пошли) на шашлыки** и т.д.

Приглашение **на чашку чая**, как и приглашение на шашлыки, стало конвенционализированным, например: *С Настасьей Карповной Марфа Тимофеевна свела знакомство на богомолье, в монастыре; сама подошла к ней в церкви..., сама с ней заговорила и пригласила к себе на чашку чая* (И.С. Тургенев, *Дворянское гнездо*); *Я, когда читал, непроизвольно произносил про себя «интерьер» и, проводив ее до дома и приглашенный на чашку чая, именно интерьер и увидел* (А. Найман, *Любовный интерес*); *Для начала глава АРБ Гарегин Тосунян пригласил представителей ЦБ, а заодно журналистов «на чашку чая»* (Н. Орлова, *Чайная церемония. Ассоциация российских банков строит новые отношения с Центробанком // Известия, 2001*); *В четверг президент пригласил в свою загородную резиденцию Ново-Огарево на чашку чая шахматистов Вишванатана Ананда и Бориса Гельфанда*. (Е. Кривякина. *Владимир Путин – чемпиону мира по шахматам Вишванатану Ананду: «Вырастили на свою голову» // Комсомольская правда, 2012*).

В современной речи чаще встречается фраза **на чаек**, которая синонимична фразе **на чашку чая**, например, *Какой русский не любит прийти на чаек?*; *Они с женой зашли к Лиле и Васе на чаек* (В. Смехов, Театр моей памяти); — *Вы заходите как-нибудь на чаек, Сонечка будет рада* (Ю. Трифонов, Дом на набережной); *Пожалуйста на чаек* (название сайта о диетах).

Иногда фраза **на чаек** употребляется в переносном значении, например, *И оптовая стоимость топлива стремительно пошла вверх, приблизившись почти вплотную к розничной. Вот в этой ситуации Христенко и пригласил к себе «на чаек» бензиновых королей. Правда, в результате этой закрытой от посторонних глаз встречи никакого письменного обещания о том, что цены на бензин повышены не будут, нефтяники не дали* (Н. Бероева. Ждут ли москвичей очереди за бензином? // Комсомольская правда, 2007). Здесь и не предполагалось никакого угощения, речь идет о неофициальной встрече. В другом контексте выражение *увести на чаек* значит *увести из помещения под предлогом: Даже если на экзамене присутствуют проверяющие из других школ, их уводят «на чаек», а в это время в класс приходят предметники и дают необходимые консультации* (Опыт южноуральцев: ЕГЭ – это чистой воды лотерея // газ. Новый регион, 2007).

Выражение **за чашкой чая, за чаем** часто становится частью заголовков и названий, привлекающих внимание, например, название «*Заседание за чашкой чая*» (Заря Кубани, 2014); рубрика «*Откровенный разговор за чашкой чая*» видеоблогера Т. Акимовой, обсуждающую свою будущую книгу; название семейного клуба «*Мы за чаем не скушаем*»; новостная заметка «*За чашкой чая. Поэтическая встреча*» (о встрече с ветеранами на сайте <http://rkhvastland.ru>).

Выражения типа: **заходите вечером, приходите в гости, рады вас видеть сегодня** – более всего распространены у русских, и хотя в семантике слов, входящих в состав этих выражений, нет указания на то, что гостей обязательно будут угощать, угощение все-таки будет. Вероятнее всего, вас пригласят на вечер, часов на 6-7, но это может быть и обеденное время. Независимо от времени, и меню на столе, и весь ход трапезы будут приблизительно одинаковыми.

Правда, в русской лингвокультуре используются и приглашения, которые не предполагают, что гостя обязательно должны угощать. Сюда относится выражение **милости просим**. Оно вовсе не обязательно предполагает *угощение*: с гостем можно просто по-приятельски побеседовать, например: *Будете в Москве, милости просим в гости*; – *Гм... – задумался артист, – ну, тогда приходите к нам опять. Милости просим! Рад нашему знакомству* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита). Фраза **милости просим (прошу)** часто встречается в постах социальных сетей как призыв войти в состав группы или присоединиться к обсуждению: *Если у кого-то есть дополнения – милости прошу*.

С русским гостеприимством связаны способы приема гостей. Гостей принято принимать **радушно, с распростертыми объятьями**, например, *Нас радушно встретили наши старые знакомые; Николай Томилин встретил гостей весьма радушно, усадил в кресла, предложил чай или кофе* (А. Маринина, Смерть ради смерти); *Тысячи (возвращенных из ссылки) двинулись в Петербург со всех концов. Первые были приняты с распростертыми объятьями и получили отличные места, вторые мест не получили, а третьи просто-напросто надоели Павлу* (О. Форш, Михайловский замок).

С распростертыми объятьями толкуется во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А.И. Федорова как ‘приветливо, радушно’ [7]. На наш взгляд, такая трактовка этого выражения слишком скупа и невыразительна. Оно по смыслу связано со словом **распростереться** – ‘простереться во все стороны, занять собой большое пространство; раскинуться’, например, *Вокруг нас во все стороны богатырским размахом распростерлась степь* (М. Горький, В степи). **Распростереть объятья** – ‘развести руки, намереваясь обнять кого-либо’. Здесь метафорический перенос по произведению впечатления: **с распростертыми объятьями** – ‘широко раскрыв душу, принять гостя’.

Предметное видение мира, которое отражается в русской лексике гостеприимства, включающей в себя понятия угощения, трапезы, приглашения отведать блюдо или хотя бы выпить чаю, лежит в ос-

нове метонимических переносов (повод для приглашения, название блюда – наименование события, приема). Ментальное отражение в семантике этих лексических единиц темы радушия, уважения, внимания и заботы приводит к их метафорическим переосмыслениям, чаще с положительной коннотацией.

Список литературы

1. Димитриева О.А. Традиции русского застолья – накрыть поляну: лингвокультурологический комментарий // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2018). 2018. С. 259–263.
2. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. СПб: Норинт. 2014. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%B7%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B5&all=x> (дата обращения 02.10.2019).
3. Кабакова Г.И. Русские традиции гостеприимства и застолья. М.: Форум, Неолит, 2015. 480 с.
4. Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Лексика начала и конца трапезы // Логический анализ языка: Семантика начала и конца. М.: Индрик, 2001. С. 574–584.
5. Осипова К.В. Этнолингвистическое изучение народных традиций, связанных с пищей (на примере русских и инославянских культурно-языковых данных) // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. 2018. С. 436–452.
6. Портных Н.Н. Фактор темы в беседе за праздничным столом // Актуальные проблемы современной коммуникативной культуры: вопросы теории и практики. Материалы II Международной научно-практической конференции. 2012. С. 198–206.
7. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ, 2008. 828 с.
8. Чирич И.В. Лексика застолья в русской языковой картине мира. Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. М. 2004. 17 с.
9. Шишов И.А. Питать и кормить // Русская речь. 2000. №6. С. 46–53.
10. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира (Материалы к словарю). М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

References

1. Dimitrieva O.A. Traditsii russkogo zastolya – nakryt polyanu: lingvokulturologicheskii kommentarii [Traditions of the Russian feast - to throw the party: a linguocultural commentary]. *Pechat i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskie chteniya – 2018)* [The Press and the Word of St. Petersburg (Petersburg Readings – 2018)]. 2018. P. 259–263.
2. Kuznetsov S.A. *Bolshoy tolkovy slovar russkogo yazyka* [The large explanatory dictionary of the Russian language]. SPb: Norint. 2014. <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%B7%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B5&all=x> (accessed October 2, 2019).
3. Kabakova G.I. *Russkie traditsii gostepriimstvai i zastolya* [Russian traditions of hospitality and having a feast]. M.: Forum, Neolit, 2015. 480 p.
4. Levontina I.B., Shmelev A.D. Leksika nachala i konca trapezy [The vocabulary of the beginning and end of the meal]. *Logicheskii analiz yazyka: Semantika nachala* [Logical analysis of the language: Semantics of the beginning and end]. M.: Indrik, 2001. P. 574–584.
5. Osipova K.V. Etnolingvisticheskoye izuchenie narodnykh traditsiy, svyazannykh s pishchey (na primere russkikh i inoslavianskikh kulturno-yazykovykh dannykh) [Ethnolinguistic study of folk traditions related to food (on the example of Russian and non-Slavic cultural and linguistic data)]. *Slavyanskoe yazykoznanie. XVI Mezhdunarodny syezd slavistov* [Slavic linguistics. XVI International Congress of Slavists]. 2018. P. 436–452.
6. Portnykh N.N. Faktor temy v besede za prazdnichnym stolom [Theme factor in the conversation at the festive table]. *Aktualnye problemy sovremennoy kommunikativnoy kultury: voprosy teorii i praktiki. Materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Actual problems of modern communicative culture: theory and practice. Materials of the II International scientific-practical conference]. 2012. P. 198–206.
7. Fedorov A.I. *Frazeologicheskii slovar russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. M.: Astrel, AST, 2008. 828 p.
8. Chirich I.V. *Leksika zastolya v russkoy yazykovoy kartine mira* [Banquet vocabulary in the Russian linguistic world image]. M. 2004. 17 p.

9. Shirshov I.A. Pitat i kormit [Nourish and feed]. *Russkaja rech.* 2000. No 6. P. 46–53.
10. Shmelev A.D. *Russkaya yazykovaya model mira (Materialy k slovaryu)* [Russian language model of the world (Materials for the dictionary)]. M.: Yazyki slavianskoy kultury, 2002. 224 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Чирич Ирина Викторовна, к. ф. н., доцент, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины» факультета базовых компетенций
Московский политехнический университет
ул. Большая Семеновская, 38, г. Москва, 107023, Российская Федерация
chirich@yandex.ru

Штукарева Елена Борисовна, к. ф. н., доцент, доцент кафедры русского языка лингвистического факультета
Российский государственный социальный университет
ул. Вильгельма Пика, 4, г. Москва, 129226, Российская Федерация
shtukareva@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Chirich Irina Viktorovna, Associate Professor Department of Humanitarian disciplines of the Faculty of Basic Competencies Ph. D. in Philology
Moscow Polytechnic University
38, Bolshaya Semenovskaya Str., Moscow, 107023, Russian Federation
chirich@yandex.ru
SPIN-code: 6299-4625

Shtukareva Elena Borisovna, Associate Professor, Russian Language Department, Ph. D. in Philology
Russian State Social University
4, Wilhelm Pika Str., Moscow, 129226, Russian Federation
shtukareva@mail.ru
SPIN-code: 1451-0794
ORCID: 0000-0002-3082-9755

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-5-268-278

УДК 81'42: 821.112.2

СРЕДСТВА СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПРЕССИИ В ПОЭТИКЕ РОМАНА Т. ЯУДА «ПОЛНЫЙ ИДИОТ»

Кравченко В.И., Марченко С.Е.

В настоящей статье рассматриваются средства стилистической экспрессии, которые определяют поэтику романа современного немецкого писателя Томми Яуда «Полный идиот». Актуальность исследования обусловлена тем, что данный роман, переведённый уже и на русский язык, ещё не подвергался целенаправленному литературоведческому и стилистическому анализу, а был лишь объектом библиографических рецензий.

Цель. *Статья описывает исследование, цель которого была выявить наиболее частотные стилистические средства, выражающие своеобразие художественного мира и мироощущение героя романа.*

Метод или методология проведения работы. *Применялся нами: общенаучный метод количественного анализа, основанный на подсчёте наиболее частотных, ведущих средств стилистической экспрессии; частный метод «слова-образ» для выявления образного потенциала того или иного выявленного компонента стилистики.*

Результаты. *Выявлено, что саркастический характер повествования, отношения протагониста к окружающей его действительности выражается чаще в ироническом тексте, в котором одновременно возникает два, а порой и более двух смыслов, при этом они либо сосуществуют, либо подменяют друг друга. Количественный анализ показывает, что частотность стилистических приёмов, таких как гротеск, гипербола, ирония и сарказм особенно сильна в первой трети романа, в дальнейшем настроение героя меняется, отношение к окружающим смягчается и это находит отражение и в степени применимости указанных выше средств экспрессии. Ко концу книги, когда приближается день рождения героя*

и им опять овладевает депрессия, снова наблюдается количественное увеличение средств иронической и саркастической экспрессии.

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в сфере анализа художественной речи и литературного произведения.*

Ключевые слова: *стилистика; гипербола; гротеск; ирония; сарказм.*

EXPRESSIVE STYLISTIC MEANS IN THE POETICS OF TOMMY JAUD'S NOVEL VOLLIDIOT

Kravchenko V.I., Marchenko S.E.

This article examines the means of stylistic expression that define the poetics of Vollidiot, a novel by a modern German writer Tommy Jaud's. The relevance of the study is due to the fact that the novel, which has already been translated into Russian, has not been subjected to purposive literary and stylistic analysis yet, but it has only been the object of bibliographic reviews.

Purpose. *The article describes the study, its purpose being to identify the most frequent stylistic means that express the specificity of the artistic world and the world perception of the hero of the novel.*

Methodology. *The research methods applied are as follows: the method of quantitative analysis, based on the calculation of the most frequent, leading means of stylistic expression; the word-image method aimed at identification of the figurative potential of an identified component of stylistics.*

Results. *It has been revealed that the sarcastic nature of the narrative, the protagonist's attitude to the reality around him, is expressed more often in an ironic text, in which two and sometimes more than two meanings arise simultaneously, and they either coexist or replace each other. The quantitative analysis shows that the frequency of stylistic means such as grotesque, hyperbola, irony and sarcasm is particularly strong in the first third of the novel, in the future the mood of the hero changes, the attitude towards others is softened and this is reflected in the degree*

of applicability of the above-mentioned expression means. By the end of the book, as the hero 's birthday approaches and is again mastered by depression, there is again a quantitative increase in the means of ironic and sarcastic expression

Practical implications. *The results of the study can be applied in the field of analysis of belles-lettres style and literary work.*

Keywords: *stylistics; hyperbole; grotesque; irony; sarcasm.*

Томми Яуд (Tommy Jaud) – современный немецкий писатель и сценарист из Кёльна, романы которого продаются многомиллионными тиражами по всей Европе и не только, а в Германии его читателями являются люди разных возрастов – от шестнадцати до шестидесяти. Он автор семи романов, некоторые из которых были отмечены премиями, такие как “Millionär” (2007), “Resturlaub” (2006). Еженедельник “*Der Spiegel*” называет Т. Яуда зачинателем нового жанра – «мужского романа» (Männerroman) и писателем, ожививший комический жанр [15]. Серьёзная литературная критика Германии старается его не замечать, считая Томми Яуда больше автором текстов телевизионных скетчей, чем немецким прозаиком. Подхватывая идею о зачинателе нового жанра, известный литературный критик Дэнис Шек (Denis Scheck) назвал роман “Resturlaub” «мужским ответом на тысячи женских романов» и доказательством того, «что мужчины могут писать также глуповато» («dass Männer genauso dummlich schreiben können») [14, с. 202]. Тем не менее несправедливо относить творчество Томми Яуда к низкопробному чтиву. И языке и проблематика его книг вполне достойна внимания.

Одной из первых книг, сделавших писателя известным, был роман «Полный идиот» (“Vollidiot”, 2004). Эта книга стала основой сценария одноименного фильма режиссера Тоби Баумана (*Tobi Baumann*). Пока что это единственный роман Томми Яуда, переведённый на русский язык [12]. Данный роман открывает трилогию, связанную общим героем Симоном-Петерсом (Simon-Peters-Reihe), куда входят романы «Миллионер» (Millionär, 2007) и «Сверхчеловек» (Überman, 2012). Роман «Полный идиот» обращается к весь-

ма актуальной проблематике – положению обычного, «маленького человека» в обществе. Образ «маленького человека» появился в немецкой литературе в начале XX века в романе-притче Франца Кафки «Замок», раскрывающем трагическое бессилие маленького человека [4, с. 228]. Далее традиция была продолжена в драмах «Перед восходом солнца» и «Одинокие» Герхарта Гауптмана и в прозе Ханса Фаллады: «Маленький человек, что же дальше?», «Волк среди волков» и «Каждый умирает в одиночку» [13, с. 301; 17].

В книге Томми Яуда представлена история обычного немецкого парня Симона Петерса, бесстрастного продавца телефонов, которая произошла накануне его тридцатилетия. Симон, как и автор, из Кёльна, он симпатичный, но сам об этом не подозревает. Однако, судьба к нему явно нерасположена. Его девушка ушла от него год назад, и он одинок. Он записывается в фитнес-клуб, где, думает найти новые знакомства и новую девушку, но, впрочем, редко туда ходит. Его друзья немногочисленны: Флик и Фил, лучшая подруга Паула, но наделав долгов, и оттого став ещё и раздражительным, Симон значительно портит отношения с друзьями. Работу свою Симон считал унылой, однако боялся поменять нелюбимую работу на другую. Наконец, он теряет работу из-за того, что продал телефон малолетнему. Жилище его приходит в запустение, как и вся его жизнь.

Проблематика романа решается в основном конфликте – противостоянии человека с общественной средой. Так как Симон Петерс личность не способная бороться с невзгодами активно, конфликт приобретает скорее внутренний, психологический характер, т.е. сфера конфликта в самом сознании персонажа, определяет его поведение, его оценки окружающих людей и происходящих вокруг событий. Уже с первой главы мы видим результат основного конфликта – поражение человека в нём. Симоном овладевает чувство уныния и внутреннее недовольство, которое он выражает саркастическими оценками и жалобами на всех и вся. Нет оснований думать, что главный персонаж сломился только под воздействием тяжелых жизненных испытаний. Скорее всего, он был слабой личностью

изначально. Впрочем, не будем слишком строги к нему. Симон – обычный, маленький человек, которому свойственно впадать в состояние депрессии. Даже курортный роман толком завести не смог. На свои несчастья Симон реагирует полной изоляцией от внешнего мира, отключив телефон, закрывшись в квартире с запасом фаст-фуда и вина. Но шансы выйти из полосы неудач жизнь ему всё же подбрасывает. За стеклом кофейни Starbucks Симон Петерс увидел женщину своей мечты. Это была официантка Марсия П. Гарсия, девушка с самой красивой улыбкой в мире и потрясающей фигурой. Симон уверен, что он наконец-то нашёл женщину, которая родит ему детей. Да, обычный парень Симон мечтает жениться, но никак не решается познакомиться с девушкой, которой каждый день любит издалека. Он даже стал ходить на курсы испанского языка, чтобы говорить с девушкой своей мечты на одном языке. Только одна мелочь мешает: он вначале должен с ней познакомиться. После трудностей контакта с ней, он вместе со своей лучшей подругой Паулой разрабатывает план, пригласив Марсию на концерт хип-хоп группы «Fanta 4». Но эта мечта так и не реализуется. В финале романа мы с удивлением узнаём, что на вечеринке по поводу своего тридцатилетия Симон влюбляется в свою бывшую начальницу и в качестве символического заключительного акта освобождения от затянувшейся депрессии и одиночества он сжигает на стоянке Икеа своё кресло фирмы «Jennylund», которое купил в начале повествования.

В названии романа «Полный идиот» (“Vollidiot”) коренится внешняя оценка героя книги, со стороны других персонажей. Все ли мужчины идиоты? Нет. Некоторые – полные идиоты! И типичный представитель этого племени – Симон. Авторская оценка Симона Петерса не так однозначна. Вспоминается роман Ф.М. Достоевского «Идиот», где князя Мышкина считают идиотом за его порядочность, душевность, наивность, нестяжательство – свойства, забытые в том обществе, куда его занесла судьба. Конечно, Томми Яуд – не Достоевский, а герой его романа совсем другой человек, но общее у этих персонажей качество есть – способность к рефлексии.

Об этом позволяет судить не только развитие сюжета, но и художественный язык, стилистические средства экспрессии.

Так как герой книги настроен негативно оценивать окружающую действительность, среди стилистических средств наиболее частотны гипербола, гротеск, ирония, сарказм. Как показывает количественный анализ [2, с. 416; 11], из 507 (100%) выявленных стилистических единиц – к гиперболам можно отнести 63 (12%) единицы, к гротеску – 32 (6%) единицы, к иронии – 108 (21%) единицы, к сарказму – 53 (10%) единицы.

Гипербола – троп, суть которого в непомерном «увеличении действия, свойств, размеров предмета в художественных целях» [3, с. 97]. Средствами гиперболы автор усиливает нужное впечатление или подчёркивает, что он прославляет, а что высмеивает [6, с. 112]. От продавца, ненавидящего свою работу, неудивительно услышать подобное: *Am schlimmsten sind natürlich die Kunden. Alle? Ja, alle!* [16, с. 11]. Хуже всего только клиенты. Прямо все? Да, все! [12, с. 13]. Не менее эффектно приёмы гротеска, «придающие комическому образу фантастический характер» [3, с. 103], которые мы встречаем в тексте. Например, в таком предложении: *Du bekommst weltweites Hausverbot bei Ikea, weil du ein Pärchen von einem braunen Ledersofa gezogen und gezwungen hast, alle Plastikbälle aus dem Kinderparadies zu* [16, с. 9]. Ты попадаешь в черный список Ikea, потому что ты порезал кожаный диван пополам и съел все пластиковые мячи из детской комнаты [12, с. 11]. Кроме того, герой книги человек тонко чувствующий, способный оценить так предмет, явление либо человека, что истинным будет не прямо высказанная оценка, а противоположная, подразумеваемая. В этом суть иронии, которая широко применяется в поэтике романа – как в авторской речи, так и в речи персонажей. Вот некоторые примеры: 1) *Das Problem ist nur, dass genau das mein Problem ist und ich nicht weiß, wo ich hinwill, und dann ist das halt auch mit den Zielen nicht so einfach* [16, с. 12]. Проблема только в том, что это моя проблема, и я не знаю, куда идти, и тогда с жизненными целями тоже не так все просто обстоит [12, с. 14]. 2) *Ein tolles Paar. Das passt!* [16, с. 12]. Отличная пара. Созданы друг

для друга! [12, с. 14]. 3) Adressbuch. Das muss man machen, wenn man selbst nicht mehr angerufen wird. [16, с. 13] Адресная книга. В нее лезешь, когда сам уже не позвонишь точно никому [12, с. 15]. Сарказмом называют «остроироничный комизм» или иначе особо издевательское высказывание [3, с. 395]. Таких высказываний особенно много в первой трети книги, когда герой особенно сильно страдает от депрессии. Например, *Das ist natürlich Unsinn. Auf mich wartet nämlich keine Sau* [16, с. 42]. Это, конечно, бред. Меня же не ждет никакая сволочь [12, с. 45].

Применяя метод «слова-образ» для выявления образного потенциала того или иного выявленного компонента стилистики, мы пришли к выводу, что автору удастся опереться на образный потенциал слов и выражений для того, чтобы вызвать у читателей различные представления о реалиях созданного художественного мира через слуховые, зрительные, моторно-двигательные и пр. ассоциации. Так, во фразе – *Ich bemerke, dass der langnasige Verkäuferzweig immer noch neben mir steht.* [16, с. 142] Я замечаю, что длинноносый гном-продавец по-прежнему стоит рядом со мной [12, с. 145]. – ёмко и образно воплощается отношение говорящего (Симона Петерса) к коллегам по работе, национальная специфика этой реалии, восходящей к немецкой народной мифологии.

В результате исследования было выявлено, что саркастический характер повествования, отношения протагониста к окружающей его действительности выражается чаще в ироническом тексте, в котором одновременно возникает два, а порой и более двух смыслов, при этом они либо сосуществуют, либо подменяют друг друга. Т. Яуд создает иронический текст и для выражения своего отношения к изображаемой реальности, и для объяснения внутреннего мира героя, которому в уста он вкладывает ещё более острые, саркастические, высказывания. Количественный анализ показывает, что частотность стилистических приёмов таких, как гротеск, гиперболы, ирония и сарказм особенно сильна в первой трети романа, в дальнейшем настроении героя меняется, отношение к окружающим

смягчается и это находит отражение и в степени применимости указанных выше средств экспрессии. К финалу книги, когда приближается день рождение героя и им опять овладевает депрессия, снова наблюдается количественное увеличение средств иронической и саркастической экспрессии.

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Береговская Э.М. Экспрессивный синтаксис. Смоленск: Изд-во СГПИ им. К. Маркса, 1984. 92 с.
2. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.
3. Боров Ю.Б. Эстетика. Теория литературы. Энциклопедический словарь терминов. М.: Астрель: Изд-во АСТ, 2003. 575 с.
4. Вайль П. Смерть героя // Знамя. 1992. № 11 (12). С. 223–233.
5. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 238 с.
6. Ефимов А.И. Стилистика художественной речи. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Изд-во МГУ, 1961. 519 с.
7. Культура Германии: лингвострановедческий словарь: свыше 5 000 единиц / Сост. Маркина Л.Г., Муравлева Е.Н., Муравлева Н.В. М.: АСТ, 2007. 1184 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
9. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.
10. Хованская З.И. Принципы анализа художественной речи и литературного произведения. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1975. 429 с.
11. Шанский, Н.М. Лингвистический анализ художественного текста. Л.: Просвещение, Ленинградское отделение, 1984. 266 с.
12. Яуд Томми «Полный идиот» / Пер. с нем. В.В. Агафоновой. М.: Астрель: Полиграфиздат, 2011. 314 с.

13. Geschichte der deutschen Literatur von den Anfängen bis zur Gegenwart. Begründet von Helmut de Boor und Richard Newald. / Band 12: Geschichte der deutschen Literatur von 1945 bis zur Gegenwart. Herausgegeben von Wilfried Barner. München: Beck, 1994. 546 S.
14. Ghanem, Michael: 2005-2018 Deutschlands verlorene 13 Jahre: Teil 12 A: Literatur – Quo vadis? Hamburg: tredition Verlag GmbH, 2019. 358 S.
15. Höbel, Wolfgang: Unterhaltung: Mausbär auf großer Fahrt in: *Der Spiegel*, Ausgabe 30/2006 URL: <https://www.spiegel.de/spiegel/a-428829.html> (дата обращения: 13.12.2019).
16. Jaud, Tommy Vollidiot. Der Roman 6 Auflage. Berlin: Argon Verlag GmbH, 2014. 280 S.
17. Offixielles Literaturportal für Deutschland URL: <http://www.literaturportal.de/literaturkalender.php> (дата обращения: 14.12.2019).
18. Völkel, Michael Vom Vollidioten, zum Überman – Tommy Jaud las bei Graff in: электрон. версия газ. Braunschweiger Zeitung, 17.11.2012. URL: <https://www.braunschweiger-zeitung.de/kultur/article150804276/Vom-Vollidioten-zum-Ueberman-Tommy-Jaud-las-bei-Graff.html> (дата обращения: 13.12.2019).

References

1. Beregovskaya E.M. *Ekspressivnyi sintaksis* [Expressive syntax]. Smolensk: K. Marx Smolensk state pedagogical institute, 1984. 92 p.
2. Bolotnova N.S. *Filologicheskij analiz teksta* [Philological analysis of the text]. Moscow: Flinta: Nauka, 2009. 520 p.
3. Borev Yu.B. *Estetika. Teoriya literatury. Entsiklopedicheskiy slovar' terminov* [Esthetics. Theory of literature. Encyclopedical dictionary of terms]. Moscow: Astrel: AST, 2003. 575 p.
4. Vayl P. *Smert' geroya* [Death of a Hero]. *Znamya*, no. 11 (1992): с. 223–233.
5. Vinogradov V.V. *O teorii hudozhestvennoy rechi* [On the Theory of Literature-fiction Language]. Moscow: Higher School, 1971. 238 p.
6. Yefimov A.I. *Stilistika hudozhestvennoy rechi* [Stylistics of Literature-fiction Language]. 2nd Ed., additional and reworked. Moscow: M.V. Lomonosov Moscow state university, 1961. 519 p.

7. *Kultura Germaniyi* [Culture of Germany: Dictionary of Linguistic and Cultural Studies]: over 5,000 items. Compiled by L.G. Markina, E.N. Muravleva, N.V. Muravleva. Moscow: AST, 2007. 1184 p.
8. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedical dictionary] / ed. V.N. Yartsev. Moscow: Soviet encyclopedia, 1990. 685 p.
9. *Literaturnyi entsiklopedicheskiy slovar'* [Literary encyclopedical dictionary]. Under the editorship by V.M. Kozhevnikov and P.A. Nikolayev. Moscow: Soviet encyclopedia, 1987. 752 p.
10. Khovanskaya Z.I. *Printsypy analiza hudozhestvennoy rechi i literaturnogo proizvedeniya* [Principles of Analysis of Literature-fiction Language and a Work of Art]. Saratov: Saratov state university, 1975. 429 p.
11. Shansky N.M. *Lingvisticheskiy analiz hudozhestvennogo teksta* [Linguistic text analysis of belles lettres]. Leningrad: Prosveshchenie Publ., Leningrad branch, 1984. 266 p.
12. Jaud, Tommy Vollidiot. Transl. into Russian by V.V. Agafonova. Moscow: Astrel: Polygraphizdat, 2011. 314 p.
13. Geschichte der deutschen Literatur von den Anfängen bis zur Gegenwart. Begründet von Helmut de Boor und Richard Newald. Band 12: *Geschichte der deutschen Literatur von 1945 bis zur Gegenwart*. Herausgegeben von Wilfried Barner. München: Beck, 1994. 546 S.
14. Ghanem, Michael 2005-2018 Deutschlands verlorene 13 Jahre: Teil 12 A: Literatur – Quo vadis? Hamburg: tredition Verlag GmbH, 2019. 358 S.
15. Höbel, Wolfgang: Unterhaltung: Mausbär auf großer Fahrt in: *Der Spiegel*, Ausgabe 30/2006. <https://www.spiegel.de/spiegel/a-428829.html> (accessed date: 13.12.2019).
16. Jaud, Tommy Vollidiot. Der Roman 6 Auflage. Berlin: Argon Verlag GmbH, 2014. 280 S.
17. Offixielles Literaturportal für Deutschland. <http://www.literaturportal.de/literaturkalender.php> (accessed date: 14.12.2019).
18. Völkel, Michael Vom Vollidioten, zum Überman – Tommy Jaud las bei Graff in: *Braunschweiger Zeitung*, 17.11.2012 <https://www.braunschweiger-zeitung.de>

weiger-zeitung.de/kultur/article150804276/Vom-Vollidioten-zum-Ueberman-Tommy-Jaud-las-bei-Graff.html (accessed date: 13.12.2019).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Кравченко Владимир Ильич, старший преподаватель кафедры «Научно-технический перевод»
*Донской государственной технической университет
Площадь Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344000, Российская Федерация
kronin@yandex.ru*

Марченко Светлана Евгеньевна, доцент кафедры «Научно-технический перевод», кандидат социологических наук
*Донской государственной технической университет
Площадь Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344000, Российская Федерация
sweta-marchenko@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Kravchenko Vladimir Ilich, Senior Lecturer, the Department of Scientific and Technical Translation
*Don State Technical University
1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation
kronin@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7819-2482*

Marchenko Svetlana Yevgheniyevna, Associate Professor of the Department of Scientific and Technical Translation, Ph. D. in Sociological Sciences
*Don State Technical University
1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation
sweta-marchenko@mail.ru
SPIN-code: 1130-0042
ORCID: 0000-0002-5707-9093
ResearcherID: T-5373-2017*

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-5-279-287

УДК 811.133.1

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В IV–X ВВ.

Разумова Л.В.

Цель. *Статья посвящена изучению исторической динамики функциональной дистрибуции форм латинского языка, распространенных на территории Западной Европы в IV–X вв.*

Метод или методология проведения работы. *Для решения поставленных задач в работе применяется исторический метод с целью установления типов языковых ситуаций и состояний и их временной соотношенности на территории стран Западной Европы; сравнительно-исторический, основанный на культурно-исторической интерпретации и выявлении типов идиомов; сравнительно-сопоставительный, предполагающий систематизацию складывающихся языковых ситуаций и состояний на территории исследуемых ареалов в указанный период.*

Результаты. *Анализ различных форм латинского языка, бытовавшего в Западной Европе вплоть до Нового Времени, позволяет судить о процессе трансформации одного языка в другой как чрезвычайно сложном, питаемом различными источниками, каждый из которых отмечен своими особенностями развития. Изучение истории развития латинского языка как важнейшего источника романских языков в свете данных разработок представляет собой чрезвычайно важное явление, т.к. оно способно приблизить исследователя к пониманию вопросов зарождения романских языков и жизнненности латинского языка после распада Римской империи.*

Область применения результатов. *Материалы и выводы исследования могут быть использованы в теоретических курсах по романской филологии, общему языкознанию, в курсе латинского языка.*

Ключевые слова: функциональная дистрибуция идиомов; латинский язык; христианская латынь; классическая латынь; народная латынь; стилизованная латынь; средневековая латынь.

FUNCTIONAL FEATURES OF THE LATIN LANGUAGE IN WESTERN EUROPE IN THE IV–X CENTURIES

Razumova L.V.

Purpose. *The article is devoted to the consideration of various forms of the Latin language widespread in Western Europe in the IV–X centuries.*

Method or methodology of the work. *To solve these tasks the historical method was used with the aim of establishing types of linguistic situations and conditions and their temporal correlation in the countries of Western Europe as well as the comparative-historical based on cultural-historical interpretation and identification of the types of dialects and the comparative one that involves systematization of the emerging linguistic situations and conditions in the territory of the studied habitats in this period.*

Results. *The analysis of various forms of Latin, existing in Western Europe until Modern Period, allows us to make certain conclusions on the process of transformation of one language into another as an extremely complex phenomenon, fed by various sources, each of them being marked by its own peculiarities of development. The study of the history of the Latin language as the most important source of Romanic languages in the light of these developments represents a very important phenomenon, because it can help the researcher approach understanding of the origins of the Romanic languages and sustainability of Latin after the collapse of the Roman Empire.*

Practical implications. *The materials and conclusions of the study can be used in theoretical courses in Romanic Philology, General linguistics, in the course of the Latin language.*

Keywords: *functional distribution of idioms; Latin language; Christian Latin; Classical Latin; Vulgar Latin; stylized Latin; Mediaeval Latin.*

Известно, что в IV–X вв. римская культура и латинский язык по-прежнему пользуются огромным престижем у жителей многих западноевропейских стран. В качестве международного латинский язык обслуживает все отрасли человеческой жизнедеятельности: торговлю, политику, образование, науку. Однако не они являются организующим, объединяющим стержнем жизни европейского средневекового общества, а новая религия – христианство. Оно постепенно становится мощным фактором идейного единения всех территорий римского мира, обеспечивая тем самым его языковое и культурное продолжение.

В этот период латынь развивается в рамках двух общественных структур – школьной системы обучения и христианских общин. Обе системы образуют для средневекового человека единый общий латинский мир. Средневековый человек живет в этой системе латинского языка, ощущая, с одной стороны, ее традиционность, уходящую корнями в античный мир светской классической и религиозной патристической литературы; с другой стороны, это мир, который этими же текстами вторгается в повседневную жизнь человека через школьное обучение и литургические службы. Такое переживание латинского языка позволяло ощущать его и пользоваться им как языком живым [2, с. 91–99]. Языковые нормы латинского языка в письменной и устной формах понимались и принимались до языковой реформы Карла Великого вместе с возможностью изменения латинского языка. К. Морманн в связи с этим отмечает, что языковые нормы в средневековье имеют перmissive, эволютивный характер [9, p. 269].

Известно, что в последние века существования Римской империи обнаруживается дистанцирование форм классической и народной латыни. Однако этот феномен связан не с тем, что из двух форм латыни только ее народная форма оказывается включенной в процессы языкового развития и варьирования, которые, в конечном итоге, способствуют формированию новых романских языков. Основная причина дистанцирования классической и народной латыни видится многим исследователям в появлении новой латинской формы – христианской латыни.

В качестве новой религиозной идеологии, развивающейся в I–II вв. первого тысячелетия в городской среде простолюдинов, христианство способствовало выработке новых смыслов для уже существующих лексических единиц народной латыни; ресемантизация многих лексических единиц способствует, по мнению Г. Меершёка, «облагораживанию» (*ennoblissement*) народной латыни [8, р. 1]. Однако, школьная система обучения не приняла этих инноваций, придерживаясь в практике обучения старых классических норм. В последующие века народная латынь в ее христианизированной форме, постепенно сближаясь с местными формами речи, трансформируется в романские языки, а школьная латынь эволюционирует в новую искусственную языковую форму, т.н. средневековую латынь (*latin médiéval*). Она не является родным языком ни для одной из социальных групп Галлии и существуют лишь как языковая форма, изучаемая в рамках школьной системы.

С приходом в III–IV вв. новых поколений христиан, происходящих из знатных и образованных граждан, народная латынь начинает черпать множество понятий и образов из античной греко-римской литературной традиции. Не отрицая влияния народной культуры на христианский латинский язык, уже в IV в. христианская литература все больше ориентируется на классические нормы. Этот симбиоз более ранней народной традиции с классической, осуществленный в рамках христианской латыни, не без основания получил в лингвистической литературе название «второго классического периода латинской литературы». Неоднородность стиля многих отцов церкви, основанная на этом симбиозе, – важнейшая черта христианских текстов этого периода. Однако позже постепенно складывается осознание необходимости определенного приспособления христианской латыни к народному языку, оказавшемуся в меровингскую эпоху в ситуации все большей регионализации и германизации. Простой и ясный стиль, приспособленный в основном к речи простых жителей деревень кризисной меровингской эпохи, характерен для христианских авторов VI–VII вв. – Сидония Аполлинария, Григория Турского, Григория Великого и др. Вновь

происходит сближение христианской латыни и местных форм речи [7, p. 69]. Вместе с тем, эти христианские проповедники и писатели не отказываются полностью от унаследованных классических традиций, которые творчески перерабатываются с целью лучшего приспособления латинского языка к той социокультурной действительности, в которой он функционирует. Конечная цель Отцов Церкви в этот период, впрочем, как и любой другой, – доступность слова Божьего, выраженного на понятном для людей языке.

Подчеркнем, однако, еще раз, что язык христианских текстов никогда не растворялся в языке народа. Несмотря на то, что с самого начала латынь римских христианских общин тяготела к передаче новых смыслов существующими народными языковыми средствами, выработка новых значений для уже существовавших слов, новых клишированных словосочетаний довольно быстро, по мнению Альбера Блеза, превращает язык первых христианских общин в своего рода групповой язык (*Gruppensprache*) [4, p. 17]. В связи со своим распространением он постепенно приобретает качества общей христианской формы речи, своеобразного *латинского христианского койнэ*.

Таким образом, констатируем, что в V–VII вв. христианская латынь, будучи в определенной степени приближенной к региональным народным языковым формам, все-таки отличается от них: профанная лексика, проникающая в христианскую латынь из народного языка, переосмыляется, получая в дальнейшем право быть использованной в христианских письменных текстах. Аналогичной обработке подвергаются языковые средства светской (мирской) классической литературы. В этом смысле, как полагаем, христианская литература становится новым языковым стандартом, органично связанным с предшествующей нормой классической литературы и народным языком. Христианская латынь является также и единственным средством языковой унификации Галлии в этот период. Таким образом, христианство сыграло важнейшую роль в развитии средневекового европейского общества и латинского языка.

В VII–VIII вв., в связи с открытием епископальных школ в знаменитых христианских школах северо-восточной, центральной и

ожной Галлии, а также с необходимостью глубокого изучения христианских текстов предыдущих эпох вновь усиливается интерес к классической латыни.

Этот интерес становится ведущим в период правления Карла Великого, период, который отмечен политическим сближением с Римской Церковью. Латынь классической эпохи вновь рассматривается как идеал изящной словесности. Стиль Вергилия, Цицерона, Овидия вдохновляет Р. Мора, Э. ле Нуар, Эгинхарда и др. поэтов этой эпохи [1, с. 11].

Если распространение школьного образования и интерес к античной культуре в каролингскую эпоху безоговорочно оцениваются современными исследователями как положительный результат предпринятых реформ, то попытка проведения языковой реформы народной латыни, распространенной во Франции в этот период, все чаще оценивается в ряде современных лингвистических работ отрицательно. Отметим, что общественный статус новой галло-романской формы речи был существенно ниже германских форм речи, имеющих статус языков власти; последние активно использовались в системе обучения. В этот период осуществляются многочисленные переводы с латинского на германские языки; сам латинский изучался посредством германских форм речи [3, р. 192]. Ф. Брюно отмечает, что галлороманская речь в каролингский период вовсе не воспринималась германской элитой общества как наследница латыни [5, р. 56–57]. Именно поэтому основным направлением языковой реформы Карла Великого стало четкое разграничение письменного языка и устной речи. Первый должен был максимально приблизиться к образцам латинского языка IV–VI вв. Вторая через воспринимаемые литургические тексты должна была приспособиться к фонетическому принципу первой – читаемые и произносимые тексты должны были полностью воспроизводить форму письменного слова. В этом ее проявлении языковая реформа Карла Великого не могла быть принята населением; народная христианская латынь, развивавшаяся до этого в живой взаимосвязи с эпохой, будучи помещенной в жесткие рамки грамматики Доната и Присциана, разрывала живые

связи с современным обществом. Взамен предлагался ощущаемый как чуждый языковой образец, по сути – иностранный язык предыдущих столетий. Известно, что непонимание большинством населения звучащих в рамках такого правила литургических текстов привело к официальному отказу от этого правила в 813 г., закрепленному решением поместного церковного Собора в г. Туре. Отныне все проповеди произносились или на французском – на *lingua romana rustica*, или на немецком – *lingua thioistisca*. Названная дата считается также датой официального признания французского языка как самостоятельного. Это свидетельствует, с одной стороны, о существенных сдвигах, которые произошли в христианской латыни за истекшее время (IV–IX вв.); с другой – о своеобразной неудаче языковой реформы Карла Великого. Ориентированная на сближение литургического языка Франции с литургическим языком Рима, реформа способствовала в конечном итоге разделению христианской латыни на 1) церковную, ориентированную на римскую латынь и 2) народную латынь, слившуюся с местными формами речи. С возвратом к старой языковой норме IV–VI вв., изложенной в работах Доната и Присциана и пропагандируемой в рамках языковых реформ, проводимых во Франции английским монахом Алкуином, литургическая латынь приобрела во Франции оторванный от реальной жизни характер. Народная латынь в своей разившейся форме стала осознаваться на территории Франции как один из новых романских языков – французский. Наконец, школьная латынь, ориентированная также на старую языковую норму, становится международным средством коммуникации, преимущественно в научной области знания, достигая своего расцвета в крупных европейских университетах в XII–XV вв.

Список литературы

1. Викулова Л.Г. Паратекст французской литературной сказки: прагмалингвистический аспект: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. СПб, 2001. 29 с.
2. Разумова Л.В. Языковая ситуация в Бельгии в исторической перспективе. Монография. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2014. 221 с.

3. Balibar R. L'institution du français. Essai sur le colinguisme des Carolingiens à la République. Paris: PUF, Coll. «Pratiques théoriques», 1985. 421 p.
4. Blaise A. Manuel du latin chrétien. Strasbourg: Brepols, 1955. 221 p.
5. Brunot F. Histoire de la langue française des origines à nos jours. Paris: Armand Colin, V. 4, 1966. 653 p.
6. Coletti . L'éloquence de la chaire. Victoires et défaites du latin entre Moyen Age et Renaissance. Paris: Cerf, 1987. 246 p.
7. Lefebvure S., Lusignian S. Parler vulgairement. Les intellectuels et la langue française au XIII-e et XIV-e siècles. // Médiévales. Paris–Montréal, vol.6, N 13, 1987, pp. 168–172.
8. Meershoek G.Q. Le latin biblique d'après Saint Jérôme. Aspects linguistiques de la rencontre entre la Bible et le monde classique. Nijmegen–Utrecht: Editions Dekker & Van de Vegt, 1966. 263 p.
9. Mohrmann Ch. Le latin médiéval. // Cahiers de civilisation médiévale. Paris, 1958, pp. 265–294.

References

1. Vikulova L.G. *Paratekst francuzskoj literaturnoj skazki: pragmalingvističeskij aspekt* [Paratext of the French Literary Fairy Tale: Pragmalinguistic Aspect]. Sankt-Peterburg, 2001. 29 p.
2. Razumova, L.V. *Yazykovaya situaciya v Bel'gii v istoričeskoj perspektive* [State of Language in Belgium in Historical Perspective]. Chita: Izd-vo ZabGU, 2014. 221 p.
3. Balibar R. L'institution du français. Essai sur le colinguisme des Carolingiens à la République. Paris: PUF, Coll. «Pratiques théoriques», 1985. 421 p.
4. Blaise A. Manuel du latin chrétien. Strasbourg: Brepols, 1955. 221 p.
5. Brunot F. Histoire de la langue française des origines à nos jours. Paris: Armand Colin, V. 4, 1966. 653 p.
6. Coletti . L'éloquence de la chaire. Victoires et défaites du latin entre Moyen Age et Renaissance. Paris: Cerf, 1987. 246 p.
7. Lefebvure S., Lusignian S. Parler vulgairement. Les intellectuels et la langue française au XIII-e et XIV-e siècles. Médiévales. Paris–Montréal, vol.6, N 13, 1987, pp. 168–172.

8. Meershoek G.Q. Le latin biblique d'après Saint Jérôme. Aspects linguistiques de la rencontre entre la Bible et le monde classique. Nijmegen–Utrecht: Editions Dekker & Van de Vegt, 1966. 263 p.
9. Mohrmann Ch. Le latin médiéval. Cahiers de civilisation médiévale. Paris, 1958, pp. 265–294.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Разумова Лина Васильевна, профессор кафедры романской филологии, доктор филологических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, корпус. 1, Москва, 129226,
Российская Федерация
lina.razumova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Razumova Lina Vassilievna, Professor of the Department of Romance Philology, Doctor of Philology, Associate Professor
Moscow city pedagogical University
4/ 1, 2nd Sel'skokhozyaystvenny passage, Moscow, 129226,
Russian Federation
lina.razumova@mail.ru
SPIN-code: 1727-6755
ORCID: 0000-0001-5225-0413

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-5-288-299

УДК 81. 367

ПОРЯДОК СЛОВ КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ НЕМЕЦКИХ ПОЭТОВ-РОМАНТИКОВ

Чайко Н.Н.

Цель. Данная статья посвящена установлению особенностей порядка слов и анализу стилистических функций различных типов перестановок в предложении в немецком языке на материале поэзии. Предметом анализа выступают поэтические тексты немецких поэтов-романтиков 19 в. Выбор текстов эпохи романтизма не случаен, так как именно в поэзии стилистические возможности порядка слов получают свое наиболее яркое проявление, а их эффективность усиливается лексическими и стихотворными средствами.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образуют метод сплошной выборки при подборе практического материала, а также описательный метод лингвостилистического анализа.

Результаты. Результаты исследования показали, что наряду с обычной грамматической функцией перестановок в немецком языке первостепенную роль в поэзии приобретают их метрическая и стилистическая функции, а именно функция синтактико-стилистического выделения членов в простом предложении. Стилистические возможности в немецкой поэзии используются наиболее эффективно и оригинально, тесно взаимодействуя со стихотворными средствами выделения. Путем постановки членов предложения на необычное первое, третье для сказуемого и последнее для подлежащего место в предложении к ним привлекается особое внимание читающего или слушающего. Перемещение за глагольную рамку еще одна возможность стилистического выделения членов в предложении. Такие вариации сопровождаются специфическим распределением коммуникативной нагрузки членов предложения. Состав нового распределяется одновременно внутри и в конце предложения.

Область применения. Результаты исследования могут быть использованы в курсах «Стилистика немецкого языка», «Интерпретация текста» в семинарах по изучению особенностей языка немецкой поэзии, синтаксической организации стихотворных произведений, а также при чтении спецкурсов по синтаксису поэтического текста.

Ключевые слова: поэтический текст; порядок слов; стилистическое выделение; коммуникативная нагрузка.

WORD ORDER AS AN EXPRESSIVE STYLISTIC MEANS IN THE POETIC LANGUAGE OF GERMAN ROMANTIC POETS

Chaiko N.N.

Purpose. The given article is devoted to the determination of features of word order and the analysis of stylistic functions of various types of rearrangements in a sentence in German poetry. The subject of analysis is poetic texts of German romantic poets of the 19th century. The choice of texts of the Romantic period is not accidental, since it is in poetry that stylistic possibilities of the word order are manifested most vividly, and their effectiveness is enhanced by lexical and poetic means.

Method or methodology of the work. The basis of the research is formed by the method of continuous selection in the choice of practical material, as well as the descriptive method of linguistic and stylistic analysis.

Results. The results of the study showed that along with the usual grammatical function of rearrangements in the German language, the metric and stylistic functions, namely, the function of syntactic and stylistic emphasis of members in a simple sentence, acquire a primary role in poetry. Stylistic possibilities are most effectively and originally used in German poetry, closely interacting with emphasis as a poetic means. The author attracts the reader's or listener's special attention by putting the predicate in the unusual first or third place and the subject in the last place in the sentence. Moving beyond the verb frame is another possibility for stylistic emphasis of members in a sentence. Such variations are accompanied by a

specific distribution of the communicative load of sentence members. The composition of the new is distributed both inside the sentence and at its end.

Application area. *The results of the research can be used at the lessons of Stylistics of the German Language, Text Interpretation, in seminars on the study of features of the language of German poetry, the syntactic organization of poetic works, and also in special courses on the syntax of poetic text.*

Keywords: *poetic text; word order; stylistic emphasis; communicative load.*

При стилистическом изучении порядка слов в предложении возникают разные аспекты – использование порядка слов для правильного и стилистически оправданного выражения мысли. Принятый в грамматике термин «порядок слов», подразумевает упорядочение слов относительно друг друга в простом утвердительном предложении. Но в рамках строгих грамматических правил возможны случаи изменения порядка слов в утвердительном предложении. Они представляют собой выразительные варианты основной модели повествовательного предложения, которые не выходят за грамматические нормы языка и которые проявляются в контексте и несут повышенную выразительность. Статус стилистических приемов приобретает необычная постановка на первое и последнее место в предложении главных и второстепенных членов предложения. Э.Г. Ризель называет такие стилистические позиции «экспрессивная начальная и экспрессивная конечная позиция в предложении» (*expressive Anfangsstellung und expressive Endstellung*) [16, с. 179]. В стилистике оценивается порядок слов с точки зрения его нейтральности или эмоциональной окрашенности (эмфатичности).

Целью предлагаемой статьи является рассмотрение стилистических возможностей порядка слов в немецком языке на материале поэзии поэтов-романтиков. Поставленная цель реализуется с помощью выполнения следующих задач: методом сплошной выборки определить корпус различных типов перестановок для исследования, систематизация синтактико-стилистических вариантов выде-

ления различных членов в простом предложении, анализ стилистических функций различных типов перестановок.

Актуальность темы обусловлена общим интересом к проблемам различных синтактико-стилистических приемов выражения экспрессивности, которые находят наиболее яркое отражение в поэтическом тексте. Анализу возможных приемов экспрессивного синтаксиса посвящено много работ в различных аспектах (Н.Е. Шальнова, 1961; А.И. Волокитина, 1970; И.И. Ковтунова, 1980; В.В. Бабанина, 1994; М.А. Гончарова, 1999; Е.А. Ивойлова-Кифер, 2001; О.А. Кострова, 2004; М.В. Емнова, 2005; Дж.М. Дреева, 2006 и др). Теоретическую основу исследования составили теоретические положения, разработанные в трудах многих отечественных и зарубежных исследователей в области синтаксиса немецкого языка В.Г. Адмони [1], О.И. Москальской [10], U.Engel [14] и др, а также труды по стилистике, поэтике, стиховедению и литературоведению В.В. Виноградова [3; 4], В.М. Жирмунского [7], Э. Ризель [15, 16], И.Р. Гальперина [5], М.П. Брандес [2], Ю.М. Лотмана [9], Л.И. Тимофеева [11], Б.В. Томашевского [12], Ю.Н. Тынянова [13], W. Schneider [17], В. Sowinski [18] и др. Материалом для исследования послужили 327 стихов крупнейших представителей эпохи немецкого романтизма, опубликованных в сборнике немецкой поэзии 19 века [6], отобранных методом сплошной выборки. Выбор поэтических текстов в качестве материала позволяет по-новому представить синтаксические средства выделения (перестановки) членов в простом предложении.

Немецкий романтизм как литературное направление прошел различные этапы в своем развитии и остается главным предметом научных поисков многих авторов. Привлекает нас в нем загадка фантастического в романтизме, романтическая ирония, игра и взаимодействие повествовательных форм, а также вопрос о литературных и культурных взаимосвязях и взаимодействиях. Величайшей попыткой романтиков явилась попытка художественно изобразить бесконечное время бесконечного духа, выразить невыразимое. Отсюда их тяготение к новым формам повествования, к созданию особой динамики художественного образа. Еще более велика заслуга

романтиков в поэзии. Немецкие поэты-романтики произвели глубокую реформу немецкого стиха, коренным образом меняя на основе народной песни его просодическую структуру и лексический состав [8, с. 56]. Особого внимания заслуживает и синтаксическое оформление языка в немецкой поэзии, а именно структурная организация предложения. Наряду с обычной в немецком языке грамматической функцией перестановок (напр., оформление определенных коммуникативных типов предложения: побудительного, вопросительного или же таких структурных типов, как главное и придаточное предложения) в поэзии первостепенную роль приобретают метрическая и стилистическая функции перестановок. Порядок слов является одним из важнейших средств оформления предложения в языке поэзии. Стихотворная речь отличается от прозаической прежде всего своей специфической организованностью, упорядоченностью. По мнению В.М. Жирмунского, «первоначальными факторами композиции в стихотворении мы считаем ритм и синтаксис» [7, с. 433]. Основная функция словорасположения с позиций лингвистики состоит, на наш взгляд, в ритмической организации предложения-высказывания. Несомненную связь словорасположения с ударением отмечает У. Энгель [14, с. 332]. Понятие ритмической организации может «перекинуть мостик» от грамматики к стилистике. Выполняя ритмообразующую функцию, порядок слов организует стихотворную речь и имеет большое значение в структурировании поэтического текста. Специфика структурной организации стихотворной речи не может не отразиться на строе предложения. Осуществление определенной ритмически повторяющейся метрической схемы требует варьирования в расстановке слов, поэтому порядок слов в стихотворной речи отличается большей вариативностью и свободой по сравнению с речью прозаической. Это распространяется даже на члены предложения, местоположение которых в немецком языке строго определено» [16, с. 243].

Как показал проведенный нами анализ практического материала, в немецкой поэзии поэтов-романтиков наблюдаются различные варианты перестановок для стилистического выделения членов в предложении.

Первую группу объединяют перестановки в стихе, которые стилистически выделяют подлежащее. Традиционно главный член-подлежащее занимает в предложении обычное нейтральное первое или третье место. Однако, в поэтических текстах романтиков положение подлежащего отличается большей вариативностью. В целях стилистического выделения подлежащее выносится путем различных типов перестановок на конец предложения, тем самым увеличивая смысловой вес в предложении подлежащего, что часто вызывает изменение его коммуникативной нагрузки. Так, стилистически выделенные подлежащие в поэтических текстах являются новым в высказывании, что привлекает особое внимание читающего или слушающего:

«Im Hintergrund vergangner Jahre findet
Nur Rosen euer Blick. (*Fr. Schiller, Die Winternacht*)
Mit Schleier zart und Locken
Spielt buhlerisch der Wind.» (*J. von Eichendorff, Das Flügelross*)

Еще одним примером стилистического выделения подлежащего является использование т.н. «Prolepse». Подлежащее предложения стилистически выделяется путем его обособления впереди предложения, а затем вводится в предложение в форме местоимения, т.н. местоименного коррелята. Такое перемещение служит для придания контексту стилевой окраски разговорной речи. Ср. строки из стихотворения К. Brentano «Die Klage, sie wecket den Toten nicht auf»:

«Die Klage, sie wecket den Toten nicht auf»
«Die Liebe, sie schicket die Klage ihr nach»
«Die Liebe, sie blicket den Toten bald wach»

В ряде случаев подвижность подлежащего обеспечивается введением в состав предложения формального *es*. Такая подвижность подлежащего обуславливается в значительной мере необходимостью соблюдать определенную метрическую схему. Выполняя стилистическую функцию, выделяет и характеризует подлежащее, указывая на пса, который верен своему хозяину – нищему до конца своей жизни в стихотворении А. Шамиссо «Der Bettler und sein Hund»

«Er ward verscharret in stiller Stund
Es folgt' ihm winselnd nur der Hund»

или увеличивает смысловой вес подлежащего у Л. Уланда в «Einkehr», подчеркивая их душевное состояние:

«Es kamen in sein grünes Haus
Viel leichtbeschwingte Gäste»

Синтактико-стилистическое выделение главного члена-сказуемого еще следующие варианты перестановок в поэзии романтиков. Характерной особенностью немецкого языка является фиксированное второе и последнее место сказуемого в предложении. Эти нормы соблюдаются в основном и в поэтической речи. Однако действие ритмических факторов вызывает определенные отклонения в местоположении сказуемого. Эти отклонения имеют неслучайный характер и достаточно регулярно воспроизводятся в поэтических текстах. Так, достаточно регулярно в поэзии поэтов-романтиков наблюдаются перестановки простого глагольного сказуемого на первое, последнее и третье место в предложении. Перестановки придают высказыванию определенную стилевую окраску. В стихотворении «Der Invalid im Irrenhaus» А. Шамиссо использует синтаксическое средство выделения постановкой спрягаемого сказуемого на первое место при последующем подлежащем в предложении. Такая перестановка выступает для придания стилевого тона народной разговорной речи, выражая душевно-эмоциональное состояние героя:

«Schrei ich wütend noch nach Freiheit,
Nach dem bluterkauften Glück,
Peitscht der Wächter mit der Peitsche
Mich in schönöde Ruh zurück».

Перестановки сказуемого на последнее место в предложении еще одно средство его стилистического и ритмического выделения. В таких случаях перестановки придают высказыванию экспрессивную стилевую окраску, чаще всего возвышенную: Ср.

«Da flossen von den Wangen
Mir Tränen in den Klee,
Ein Blümlein aufgegangen

Ich nun in Garten seh» (*C. Brentano, Ich wollt ein Sträußlein binden...*)
«Nach dem Fenster noch das bleiche,
Stille Antlitz sah» (*Fr. Schiller, Ritter Toggenburg*)

Еще одним вариантом перестановки сказуемого является третье место в предложении. Так, например, смещение спрягаемого глагола со второго на третье место и перестановка подлежащего на второе место в предложении вызывают стилистическое выделение обоих главных членов предложения. В своем стихотворении «Jahrmarkt» Йоз. Ейхендорф показывает душевное переживание героя, который не может найти свою любимую среди многих красивых женщин:

«Aus den Fenstern schöne Frauen sehn mir freundlich ins Gesicht.
Keine kann so frischlich schauen, als mein liebes Liebchen sicht»

Стилистически своеобразны случаи смещения членов предложения за рамку сказуемого. Предложения с нарушением рамки реализуются в поэтических текстах достаточно регулярно. Одной из основных причин нарушения рамочной конструкции предложения является ритмическая организация поэтической речи. При помощи изменения порядка слов наблюдается специфическое распределение коммуникативной нагрузки членов предложения. Путем вынесения одного из однородных членов (напр. дополнения или обстоятельства) на стилистически эффективное место в предложении характеризует его как новое в высказывании. Это, в свою очередь, объединяет в состав нового и остальные однородные члены. Обособленные зарамочные члены имеют большую стилистическую значимость, чем просто вынос за рамку. Они дают возможность для выражения различных речевых экспрессий, детализации и уточнения высказывания, дополнительной характеристики членов высказывания:

«Sie brachte Blumen mit und Früchte»

(*Fr. Schiller, das Mädchen aus der Fremde*)

«Sie spreitet aus das Tüchlein und fängt behutsam an,
Den Bauer aufzustellen, den Pflug und das Gespann»

(*A. von Chamisso, Das Riesenspielzeug*)

«Kalt weht' es und stürmisch aus Norden» (*A. von Chamisso, Gern und gerner*)

Смещение за рамку сказуемого так называемого дополнительного сообщения, т.е. различных видов дополнений, предложных обстоятельств, особенно обстоятельства с локальным значением вызывает стилистическое выделение как второго компонента сказуемого, так и зарамочного члена. Зарамочная часть может состоять из двух или трех членов предложения и подчеркивать предметы, выделять их признаки:

«Vor Eitelkeit soll er vor allen

Streng hüten sein unschuldges Herz» (*J. von Eichendorff, An die Dichter*)

«Die Worte schlicht und wahr» (*J. von Eichendorff, Abschied*)

«Wir sind durch Not und Freude

Gegangen Hand in Hand» (*J. von Eichendorff, Im Abendbrot*)

«Es haben viel Dichter gesungen

Im schönen deutschen Land» (*J. von Eichendorff, Trost*)

«Da soll er singen frei auf Erden» (*J. von Eichendorff, An die Dichter*)

Еще одним вариантом перестановки членов предложения для стилистического выделения в немецкой поэзии является препозиция второго компонента глагольно-сказуемой рамки. Стилистическая значимость предложений с препозицией второго компонента глагольно-сказуемой рамки значительно выше, чем у предложений с обычным порядком слов. Такие перестановки с функцией выделения определенного члена предложения концентрируют на нем внимание читателя. В поэтической речи в препозиции могут находиться Partizip II, инфинитив, прилагольный компонент. Например:

«Zu kennen sind die Kinder nicht,

Verloren ist der Irrung Spur» (*A. von Chamisso, Der Graf und der Leibeigene*)

«Wandern kann man ohne Schuh'» (*J. von Eichendorff, Umkehr*)

«Einsam will ich untergehen» (*C. Brentano, Einsam will ich untergehen...*)

« Einmal atmen möchte ich wieder» (*L. Uhland, Das neue Märchen*)

«Der Schulden bin ich satt» (*L. Uhland, Der letzte Pfalzgraf*)

Таким образом, подробно проанализировав стилистические возможности порядка слов на материале языка немецкой поэзии

поэтов-романтиков, мы можем заключить, что синтаксические средства выделения (перестановки) действуют в совокупности со стихотворными (рифмой) и выполняют метрическую, стилистическую, ритмоорганизующую функции. Экспрессивная начальная и экспрессивная конечная позиции в предложении являются характерной особенностью языка поэзии романтиков, стремясь максимально приблизиться к народному творчеству или придать возвышенную окраску предложению. Большинство перестановок увеличивает смысловой вес стилистически выделяемых членов, вызывая изменение их коммуникативной нагрузки и перераспределение составов данного и нового в предложении, что позволяет говорить о специфичности проявления смысловой функции перестановок (новое+данное) в поэзии.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л.: Наука, 1973. 366 с.
2. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М.: Высш. шк., 1983. 271 с.
3. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Вопросы грамматического строя. М.: АН СССР, 1955. 482 с.
4. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. М.: АН СССР, 1963. 225с.
5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
6. Дмитриев А.С. Немецкая поэзия XIX века. М.: Радуга, 1984. 704 с.
7. Жирмунский В.М. Теория стиха. Л.: Сов. Писатель, 1975. 664 с.
8. История зарубежной литературы XIX века. Под. ред. Н.А. Соловьевой. М.: Высш. Шк., 1991. 637 с.
9. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста: Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. 271 с.
10. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса на материале немецкого языка. М.: Высш. шк., 1981. 173 с.
11. Тимофеев Л.И. Слово о стихе. М.: Сов. писатель, 1982. 344 с.
12. Томашевский Б.В. Теория литературы: Поэтика. М.: Аспект Пресс Год, 2002. 334 с.

13. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. М.: Академия, 1965. 301 с.
14. Engel U. Deutsche Grammatik. 3., Aufl. Heidelberg: Julius Groos, 1996. 888 S.
15. Riesel E. Theorie und Praxis der linguostilistischen Textinterpretation. M.: Hochschule, 1974. 182 S.
16. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. M.: Hochschule, 1975. 315 S.
17. Schneider W. Stilistische deutsche Grammatik. Basel-Wien: Herder, 1963. 521 S.
18. Sowinski B. Textlinguistik: Eine Einführung. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010. 160 S.

References

1. Admoni V.G. *Sintaksis nemeckogo jazyka* [Syntax of the German language]. L.: Nauka, 1973. 366 p.
2. Brandes M.P. *Stilistika nemeckogo jazyka* [Stylistics of the German language]. M.: Vyssh. shk., 1983. 271p.
3. Vinogradov V.V. *Osnovnije voprosi sintaksisa predlozenija* [The Main Issues of Sentence Syntax]. Voprosy grammaticheskogo stroja. M.: AN SSSR, 1955. 482 p.
4. Vinogradov V.V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi* [Stylistics. Theory of Poetic Speech]. M.: AN SSSR, 1963. 225 p.
5. Galperin I.R. *Tekst kak object lingvisticheskogo issledovanija* [Text as an Object of Linguistic Study]. M.: KomKniga, 2007. 144 p.
6. Dmitriyev A.S. *Nemetskaya poeziya veka* [German Poetry of the XIX Century]. M.: Raduga, 1984. 704 p.
7. Zhirmunskiy V.M. *Teoriya stikha* [Theory of Verse]. L.: Sov. Pisatel, 1975. 664 p.
8. *Istoriya zarubezhnoy literatury XIX veka*. Pod. red. N.A. Solovyevoy [History of Foreign Literature of the XIX Century]. M.: Vyssh. Shk., 1991. 637 p.
9. Lotman Yu.M. *Analiz poeticheskogo teksta: Struktura stikha* [Analysis of the Poetic Text: The Structure of the Verse]. L.: Prosvesheniye, 1972. 271 p.

10. Moskalskaya O.I. *Problemy sistemnogo opisaniya sintaksisa na materiale nemeckogo jazyka* [Problems of the System Description of Syntax Using the German Language Material]. M.: Vyssh. shk, 1981. 173 p.
11. Timofeyev L.I. *Slovo o stikhe* [Word on Verse]. M.: Sov. pisatel, 1982. 344 p.
12. Tomashevskiy B.V. *Teoriya literatury: Poetika* [Theory of literature: Poetics]. M.: Aspekt Press God, 2002. 334 p.
13. Tynyanov Yu.N. *Problema stikhotvornogo yazyka* [The Problem of Poetic Language]. M.: Akademiya, 1965. 301 p.
14. Engel U. *Deutsche Grammatik*. 3., Aufl. Heidelberg: Julius Groos, 1996. 888 S.
15. Riesel E. *Theorie und Praxis der linguostilistischen Textinterpretation*. M.: Hochschule, 1974. 182 S.
16. Riesel E., Schendels E. *Deutsche Stilistik*. M.: Hochschule, 1975. 315 S.
17. Schneider W. *Stilistische deutsche Grammatik*. Basel-Wien: Herder, 1963. 521 S.
18. Sowinski B. *Textlinguistik: Eine Einführung*. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010. 160 S.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Чайко Наталья Николаевна, доцент кафедры немецкого языка, кандидат филологических наук
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, 362025, Республика Северная Осетия-Алания, Российская Федерация
n.tchaiko @yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Chaiko Natalja Nikolaevna, Associate Professor, Department of German Language, Ph. D. in Philology
North-Ossetian State University after K.L. Khetagurov
44-46, Vatutina Str., Vladikavkaz, 362025, Republic of North Ossetia, Russian Federation
n.tchaiko @yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-5-300-317

УДК 070.41

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР ЗАГОЛОВКОВ НОВОСТНОГО РЕПОРТАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ РЕПОРТЕР»)

Косякова Я.С., Колмакова В.В.

Традиционно заголовок отражает главную информацию о содержании публицистического текста. Заголовок, рассматриваемый как особая грамматическая модель, отличается многообразием полифункциональных синтаксических структур.

***Цель.** Данная статья посвящена анализу функций, реализуемых различными синтаксическими моделями заголовков. Предметом анализа выступают заголовки в современном журнале «Русский репортер». Выбор заголовков новостных репортажей в качестве материала исследования позволяет по-новому проанализировать функции синтаксических структур заголовков.*

***Метод или методология проведения работы.** Основу исследования образуют метод сплошной выборки при подборе практического материала, описательный метод лингвостилистического анализа, а также метод количественно-качественного анализа.*

***Результаты.** Результаты исследования показали, что синтаксические особенности заголовков новостного репортажа многогранны и разнообразны. В целях создания определенной эмоциональной тональности, экспрессии, автор репортажного текста использует все богатство синтаксических средств (фигур) русского языка. Частота представления заголовка-словосочетания, заголовка – односоставного предложения (из рода простых структур) значительно выше, нежели процент простых двусоставных, что свидетельствует о функциональной насыщенности – полифункциональности – упрощенной синтаксической структуры новостного репортажа. Лаконичность заголовка, необычность его синтакси-*

ческой структуры способствует привлечению интереса читателя к рекламному дискурсу.

Область применения. Полученные результаты настоящего исследования быть использованы в теоретических и практических курсах по культуре речи и стилистике русского языка, а также найти свое отражение в спецкурсах по дискурс-анализу современных медиатекстов.

Ключевые слова: медиатекст; новостной репортаж; синтаксическая структура; заголовок; заголовок-предложение; полифункциональность.

MULTIFUNCTIONALITY OF SYNTACTIC STRUCTURES OF THE NEWS REPORT HEADLINES (ON THE RUSSKIJ REPORTER MATERIAL)

Kosyakova Y.S., Kolmakova V.V.

Traditionally, the headline reflects the main information about the content of the publicistic text. The headline, considered as a special grammatical model, is characterized by a variety of multifunctional syntactic structures.

Purpose. *This article is devoted to the analysis of functions implemented by various syntactic models of headlines. The headlines in Russian journal Russkij Reporter (Russian reporter) are the subject of the analysis. The choice of news reports headlines as a research material allows to analyse the functions of syntactic structures of headlines in a new way.*

Method or methodology of the work. *The basis of the article is formed by the method of continuous sampling in the selection of practical material, the descriptive method of linguistic-stylistic analysis, as well as the method of quantitative and qualitative analysis.*

Results. *The results of the study showed that the syntactic features of the news report headlines are multifaceted and diverse. Journalists use various syntactic means to make the headline more emotional and*

expressive. The presentation frequency of word-combination headlines and one-member-sentence headlines (the ones of the kind of simple structures) is much higher than the presentation frequency of simple two-part-sentence headlines, which indicates the functional saturation, i.e. multifunctionality of simplified syntactic structure of the news report. The conciseness of the headline, specifics of its syntactic structure helps to draw the reader's interest to the advertising discourse.

Practical implications. *The results of the study can be used in theoretical courses on the Russian language stylistics, as well as in special courses on the discourse of the modern Russian press.*

Keywords: *media text; news report; syntactic structure; headline; sentence; multifunctionality.*

Моделирование действительности при помощи языка известно с древнейших времен. Язык как инструмент власти человека над обществом, в конечном счете, над собой обретает особое значение. Поколенческие изменения, происходящие в языке, находят отражение во всех сферах жизнедеятельности человека [12, с. 61]. Манипулятивная функция речи очевидна, люди становятся бесспорными рабами собственных слов [9, с. 80]. Для современной информационной эпохи характерны интенсификация в развитии рекламной индустрии, усиление воздействия содержания рекламного дискурса на массовое сознание.

Формирование общественного мнения, установок, характер поведения личности происходит под влиянием рекламы, что обусловило значительный интерес как создателей рекламных текстов, так и специалистов-исследователей к языку рекламы.

Выполнение рекламным текстом различных функций предполагает его соответствие определенным требованиям к содержательной составляющей. Значительная роль в рекламном тексте отводится смысловой наполненности и структурной обусловленности заголовка.

Цель данной работы заключается в рассмотрении особенностей функционирования заголовков новостного репортажа различной те-

матической направленности, реализуемых в различных синтаксических моделях. Реализация поставленной цели достигается посредством выполнения следующих задач: при помощи метода сплошной выборки заголовков журнала «Русский репортер» определить основной корпус синтаксических единиц для исследования, провести систематизацию грамматико-синтаксических средств и способов выражения заголовков в указанном журнале, выявить особенности взаимосвязи функций заголовков и их синтаксических структур.

Актуальность темы вызвана устойчивым интересом к проблемам речевого воздействия, «языкового манипулирования, как одного из актов речевого воздействия... скрытого, неосознанного для адресата воздействия, нужного для говорящего субъекта» [13, с. 232]. Сложности в понимании текста начинаются с самого простого высказывания, «данного», predetermined и «созданного», нового [10, с. 81]. Языковое манипулирование посредством прессы закономерно воздействует на массовое сознание и общественное мнение. В медийном коммуникационном процессе, в первую очередь, обращает на себя внимание синтаксис заголовка, привлекающий внимание реципиента.

Изучению особенностей функционирования синтаксических конструкций заголовков посвящены работы выдающихся ученых-лингвистов [8]. Теоретической основой исследования послужили фундаментальные положения, разработанные в трудах многих отечественных и зарубежных исследователей: С.Г. Тер-Минасовой [16], В.Г. Костомарова [12], А.В. Колесниченко [9], А.С. Подчасова [15], В.П. Вомперского [6], З.Я. Тураевой [17], М.А. Шамелашвили [18], Т.Г. Добросклонской [7], В.С. Мужева [14], В.В. Виноградова [5], А.Э. Долгирева [8] и др.

В качестве материала для проведения анализа и определения особенностей синтаксического строя послужили заголовки, отобранные методом сплошной выборки из «Русского репортера», журнала российской прессы, за период 2018–2019 гг. В качестве анализируемого материала были использованы заголовки новостного репортажа в количестве 500 единиц.

Новостной репортаж с его информативностью, максимальной объективностью в представлении новостного события и предельной лаконичностью вызывает пристальный научный интерес. Исследователь Т.Г. Добросклонская, ссылаясь на максимальную устойчивость макро- и микроструктур журналистского жанра, указывает на «высокую степень повторяемости и многократную воспроизводимость новостных текстов, что позволяет считать их базовыми текстами массовой информации» [7, с. 57].

С точки зрения структурной значимости, репортажный заголовок первичен по отношению к основному тексту, обязателен как текстовый знак и отвечает ряду требований (привлекать и «цеплять» взгляд, быть эмоциональным и ярким). Иными словами, заголовок, как смысловая концентрация новости в рассматриваемом журналистском жанре, должен вызывать желание прочитать текст новостного репортажа.

Совершенно оправданно В.Г. Костомаров указывает на то, что «публицистические тексты парадоксально и прочно объединяют стилевые царства разговорности книжности, образуя особое промежуточное царство [12, с. 163]. Заголовки медиатекстов, в частности журналов и газет, подвержены структурным изменениям, что, бесспорно, связывается не только с предпочтениями читательской аудитории, но и с развитием технологий создания журналов.

Исследуя синтаксическую модель журнального заголовка, В.П. Вомперский выделяет некую совокупность типизированных черт, среди которых особо отмечены «усложненные структуры номинативного заголовка, заголовки – двусоставные предложения, а также заголовки – вопросительные, побудительные или восклицательные предложения» [6, с. 58].

Как справедливо указывает А.С. Подчасов, функциональный и смысловой потенциал заголовка заложен в его структурной модели. Структурная схема заголовка медиатекста продиктована совокупностью тех функций, который он реализует [15]. Отечественный лингвист-англист О.С. Ахманова под функцией заголовка подразумевает цель и характер воспроизведения в речи данной языковой единицы; ее

актуализацию и транспозицию в контексте конкретного речевого акта [1, с. 506]. Соответственно, следуя научной логике А.С. Подчасова, можно с уверенностью сказать, что функция журнального заголовка заключена в его роли «по отношению ко всему тексту» [15, с. 21]. Следовательно, заголовок медиатекста имеет смысл рассматривать как коммуникативную единицу, связывающую автора и адресата.

Исследователи заголовков медиатекстов В.П. Вомперский, В.С. Мужев, В.Г. Костомаров, З.М. Тураева, А.С. Подчасов, А.Э. Долгирева, М.А. Шамелашвили также неоднозначно подходят к вопросу о классификации функций заголовков репортажных текстов и их доминирующей функции.

По мнению В.С. Мужева, функция заголовка состоит в совпадении формирования интереса у читателя и привлечении его внимания к основному тексту [14]. З.М. Тураева в функции заголовка соединяет функции и языковые средства реализации этих функций [17]. В данном подходе, на наш взгляд, отсутствует важное указание на связи этих функций с видами публикаций и синтаксическими структурами самих заголовков. Сам исследователь выделяет информативную, номинативную, разделительную, экспрессивно-апеллятивную и рекламную функции, акцентируя внимание на их взаимосвязи и прямой зависимости от вида публикуемого материала, а также структурности самого заголовка.

В приведенных подходах к определению функций заголовков медиатекстов общим является выделение в них основополагающих функций: номинативной, информативной, экспрессивно-апеллятивной и рекламной. Каждая из них по-разному влияет на грамматический способ выражения и синтаксическое построение заголовка. Заголовок может реализовывать не только одну доминирующую функцию, но и несколько функций одновременно.

Таким образом, внешне выраженная формальная синтаксическая структура заголовка репортажа находит проявление в реализации функций, которые выполняют заголовки медиатекстов. Тесную семантическую связь можно проследить между жанровой принадлежностью медиатекста и структурой заголовочной части [11, с. 21].

А.В. Колесниченко, выделяя информативную и когнитивную функции заголовков, сообщение и побуждение к прочтению, связывает их со структурными видами – назывным и предикативными типами. Назывной заголовок представлен «неполным предложением или фразой, построенной по модели (сущ.+сущ., сущ.+прилаг.). В назывном заголовке заключена оценка новости. Сущность новости подается посредством подзаголовка, воплощенного в форме распространенной синтаксической модели» [9, с. 96]. Предикативный заголовок, напротив, «представляет собой полное предложение, как правило, используемое для коротких новостей», с подзаголовком или заголовком, выступающим самостоятельно.

Не менее важно и то, что в лингвистической литературе отсутствует единая точка зрения на предмет грамматической природы заголовков. Академик В.В. Виноградов предлагает «заглавия ... исключить из синтаксического исследования», объясняя это фактом невозможности найти соответствие заглавиям в живой речи [5, с. 27]. М.А. Шамелашвили призывает рассматривать заголовки как особые категории, лишенные структурно-грамматической индивидуальности [18, с. 14]. Например, заголовки с глаголом соотносят с предложениями, за безглагольными заглавиями признают информационно-назывную функцию [19, с. 67–80].

В настоящей работе в качестве ведущей взята типология функций заголовков В.А. Вомперского, в основе которой лежит взаимодействие адресата-адресанта. Взаимодействие «адресант – заголовок – адресат» наиболее оптимально реализует основные функции заголовков: сообщить, привлечь внимание, воздействовать, сформировать мнение у адресата. В этой связи, исследователь выделяет четыре ключевых функции заголовка: коммуникативную, апеллятивную (воздействующую), экспрессивную, графически-выделительную [6, с. 4].

Коммуникативная функция направлена на выражение сообщения о предмете речи. Сообщить можно при помощи односоставных номинативных или двусоставных предложений, но исключительно предложений, так как их прямая функция – сообщения.

С позиции рассмотрения заголовка, как мини-сообщения, имеет смысл подчеркнуть одну из важных, именно коммуникативную функцию, но не доминирующую, а сопряженную с другими функциями заголовка репортажа. На основе проанализированного корпуса текстов и заголовков к ним можно увидеть, что коммуникативную функцию выполняют 12,4% (62 заголовка) заголовков новостного репортажа.

Подтверждением этому служат полные двусоставные конструкции, которые представлены в незначительной мере, например, «*Мы можем сдержать маховик несправедливости*», «*Когда Россия увидит себя*». В последнем примере вопрос-побуждение передается благодаря вопросительному местоимению «*когда*» с дополнительным наращением смысла о начале действия и конечным результате самого процесса – «*когда же уже*». В заголовке «*Кто убил – враги или предатели*» вопрос сконцентрирован в самом союзном слове «*кто*», оно же и подлежащее-неизвестное, с последующим предположительным уточнением взаимоисключения, представленного в виде контекстуальных антонимов «*враги*» – «*предатели*».

Апеллятивная, или воздействующая функция, главная задача которой вызывать, призывать к действию, причем призыв осуществляется через воздействие на читателя, через интерес к сознанию. Примеров реализации апеллятивной функции в общем корпусе проанализированных заголовков невелико (например, «*Плачь, Керчь*», «*Держись, беглый принц*»), что обуславливается нейтральностью стилистической подачи материала, свойственной новостному репортажу. Выразительность подобного рода заголовкам придают побудительные предложения, с включенными в них обращениями.

В представленных к анализу примерах заголовков текстов новостных репортажей преобладает использование в них простых глагольных моделей над односоставными именными предложениями. Глагольные модели анализируемых заголовков представлены различными разновидностями: инфинитивные, определенно-личные, неопределенно-личные. В заголовках, выраженных инфинитивными предложениями, главный член грамматической основы предло-

жения инфинитив представлен вне отношения к знаменательному глаголу либо наречию, т.к. акцент сделан на самом процессе и его результате, деятель – не столь важен. В заголовке репортажа «*Как бороться за украинских политиздатов*» вопросительная интонация скрыта, как это часто бывает, в местоименном наречии «*как*». В инфинитивном заголовке «*В интеллекте отказать*» проявляется один из типов таких моделей – инфинитивное предложение с оттенком субъективности неизбежности действия либо обусловленности в силу определенных обстоятельств, причем сам инфинитив «*отказать*» в данном контексте вносит предельную категоричность. Инфинитивные же предложения, характеризующиеся высокой степенью обобщения и характером волеизъявительной модальности по отношению к действительности, что обуславливается направленностью высказывания с общедирективной направленностью.

Определенно-личные предложения – тип простого односоставного, с включенным в него формальным глаголом-указателем на совершенно определенное лицо, но сам носитель действия как таковой отсутствует. Глагол призван актуализировать процесс [2]. Представляет интерес пример заголовка – «Зри в линзу», отсылающий реципиента к известному выражению Козьмы Пруткова «зри в корень». Употребление пассивной лексики, в данном случае устаревшей, не так частотно в «Русском репортере», что придает этой модели особую яркость, лаконичность, вызывает интерес читателя, отсылает к его фоновым знаниям, создает особый эффект восприятия репортажного материала. Также необходимо отметить, что среди заголовков глагольных моделей преобладают предложения с глаголом в форме повелительного наклонении со значением призыва, побуждения.

Неопределенно-личные предложения – тип простого односоставного предложения, где указывается на действие неопределенного лица [1; с. 507]. Примером таких конструкций может послужить заголовок «*Украину вернули в XVI в.*». Средством привлечения внимания для читателя будет отсутствующий субъект действия, который и будет для него представлять особый интерес.

Иногда в качестве апеллятивного заголовков могут выступать особые единицы – фразеологизмы, взятые в их первоначальном виде, без вторичного переосмысления. Примером использования фразеологизмов в апеллятивных заголовках можно назвать выражение «*Дать зеленый свет*». Стилистически фразеологическую конструкцию относят к разговорному типу, что вполне объяснимо его этимологической подоплекой – пришло в русский язык из речи транспортников. Подобного рода заголовки не свойственны для журнала «Русский репортер» и представлены единичным случаем.

Таким образом, можно заключить, что глагольные односоставные заголовки представлены практически во всех своих типах, за исключением безличных конструкций. Заголовки новостных репортажей журнала представлены определенно-личными, неопределенно-личными, инфинитивными предложениями, призванных актуализировать обозначенное действие, воззвать к самому процессу действия посредством независимой глагольной формы. В исследуемом материале наблюдается преобладание инфинитивных заголовков над заголовками других синтаксических конструкций, что объясняется более широким спектром выполняемых ими функций. Анализ текстов показал, что апеллятивную функцию выполняют 35% (или 175 примеров) заголовков новостного репортажа, в 10% из которых данная функция передается побудительными предложениями в форме повелительного наклонения с включенным в конструкцию обращением; 20% составляют односоставные предложения глагольного типа различных видов с инфинитивом в роли главного члена грамматической основы; 5% от числа рассмотренных заголовков реализуют указанную функцию посредством особых моделей (фразеологические единицы), используемых как в первичном виде, так и в измененном структурно журналистом.

Экспрессивная функция призвана характеризовать личность журналиста сквозь призму обращенности к читателю, с целью сформировать и вызвать определенное отношение к сообщаемому. Способы реализации данной функции в заголовках репортажей могут быть различными. Классическим примером может служить пар-

целлированная конструкция «*Короткое. Долгое. Вечное*». Яркий, вызывающий интерес и способствующий эффективному восприятию, заголовок интересен еще и тем, что в нем заключена антитеза «короткое – долгое». Семантическое противопоставление является отправной точкой для еще одного средства выразительности и привлечения внимания – градации. Подобного рода парцеллированные конструкции могут служить экспрессивным средством и являются показателем доминантности личности говорящего [4].

Структурно-семантические особенности заголовка «*Очень страшное кино*» обусловлены использованием наречия-интенсификатора «*очень*», передающим степень качества чувства страха. Такого рода заголовки порождают в читателе определенный интерес к содержанию предмета разговора.

В ходе исследования было выявлено незначительное количество простых неполных конструкций – 4% от общего корпуса заголовков (например, «*Лайкнул – в тюрьму*»). Такие заголовки призваны предопределить читательский интерес и помочь реципиенту домыслить недостающую часть высказывания, стать сотворцом (авт.) публикуемого материала. Такие заголовки лаконичны, экспрессивны, побуждают к сотворчеству – домысливанию.

Особую экспрессию заголовку придают синтаксические конструкции с инверсированным порядком слов (например, «*У тебя есть всегда*», «*Как переплавить город*», «*Как выглядит чудо в наше время*»). Последние два заголовка графически не обозначены вопросом, но сама интонация вопросительности конструкций передается при помощи местоименного наречия «*как*». В других примерах вопросительно-побудительная интонация передается посредством союзного слова «*что*», например, «*Что такое российский князь*». В отдельных заголовках подобную интонацию вносит частица «*ли*», как, например, «*Есть ли жизнь после экзамена*». Однако, находясь в позиции «после сказуемого», подобная синтаксическая модель заставляет читателя домыслить вероятностный отрицательный ответ, что вызовет несомненный интерес к материалу.

Отдельного внимания заслуживают модели двусоставных предложений, в которых сказуемое выражено именной частью. Так, в заголовке «*Когда Бог силен в твоём теле*», препозиционное наречие «*когда*» включает в себе далеко не вопрос, как в вышеприведенных примерах, а скорее как утверждение-усиление, причем интерес к заголовку усиливается благодаря двум стоящим рядом лексемам-антиномиям «Бог» и «в теле» (духовное, бестелесное в материальной оболочке), порождающих определенные смыслы и вызывающих аналогии.

В отдельных случаях сказуемое представлено жаргонным словом «*замануха*» в примере «*Любовь – великая замануха жизни*». Использование подобного рода лексики призвано привлекать яркой экспрессией, грубоватым остроумием, живостью для создания определенной тональности [3], в данном случае, юмористической. Такие заголовки всегда живо, эффектно и эффективно формируют интерес читателя и воспринимаются сознанием.

Экспрессивная функция представлена в значительном объеме примеров-заголовков – 40% (200 примеров) от общего корпуса исследуемого материала, из которых 5% составляют заголовки-конструкции-парцелляции; 5% заголовков приходится на односоставные именные модели предложений; 30% заголовков приходится на двусоставные и простые неполные конструкции.

Графически-выделительная функция заключается в возможностях ограничения содержания при помощи выделения типом шрифта, его размером, игрой цветовой палитры. В заголовке «ОДИНОЧЕСТВО как способ жизни, смерти и забвенья» ключевое слово фразы «одиночество» визуально схвачено посредством его графического оформления – прописными литерами. В данной синтаксической конструкции именная часть сказуемого «способ жизни, смерти и забвенья» содержит явную семантическую антитезу «жизнь – смерть». Однако смысловая глубина заголовка кроется не только в этом противопоставлении. Риторическое усиление заголовка этой публикации достигается за счет такой стилистической фигуры, как градация, с включенной в нее антитезой («жизнь-смерть»): «*жизни, смерти и забвенья*».

Книжная словоформа «забыть» придает содержанию заголовка особую семантическую наполненность и законченность: «одиночество – прямой путь не столько к физической смерти, но и, что важнее всего, к забвению, духовной смерти, утрате памяти. Анализируемый заголовок интересен тем, что в нем, помимо графо-выделительной функции, реализованы экспрессивная (посредством градации с включенной в нее антитезой) и коммуникативная (сообщение глубокого смысла, конструкция – как сгусток смысла) функции.

Графически-выделительная функция в представленных к анализу примерах составляет 12,6% (или 63 примера). Кроме того, следует отметить, что в одном заголовке, кроме указанной функции, в одном заголовке может быть реализовано сразу несколько функций – графически-выделительная, экспрессивная, коммуникативная.

Таким образом, проведенный анализ функционирования различных моделей синтаксических конструкций заголовков новостного репортажа журнала «Русский репортер» позволяет прийти к выводу о полифункциональности синтаксических структур заголовков. Как показал анализ практического материала семантическая полнота, исчерпывающая информативная насыщенность заголовков новостного репортажа передается путем разнообразных типов моделей коммуникативных синтаксических единиц. Именно заголовки привлекают внимание, способствуют формированию мнений и оценок реципиентов. Структурно-семантическая составляющая заголовка послужила предпосылкой реализации экспрессивной, коммуникативной, графически-выделительной и апеллятивной (воздействующей) функций. Авторский заголовок, служащий преддверием основному тексту репортажного текста, призван не только сообщить факт-новость, но, в большей степени, быть лаконичным и одновременно содержательным заголовком, воздействуя, побудить к прочтению текста. Среди синтаксических моделей заголовков новостных репортажей журнала «Русский репортер» следует отметить преобладание номинативных заголовков, акцентирующих внимание на актуальных конкретных смыслах с доминирующими апеллятивной и экспрессивной функциями.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
2. Бахарев Н.Е. Структурно-функциональное развитие заголовков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1979. 26 с.
3. Бессонов А.П. Газетный заголовок. Л.: Наука, 1958. 62 с.
4. Былкова С.В. Русские синтаксические конструкции как средство фатического общения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 26 с.
5. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Вопросы грамматического строя. М.: АН СССР, 1955. С. 26-29.
6. Вомперский В.П. К изучению синтаксической структуры газетного заголовка // Искусство публицистики: пробл. теор. и практ. Алма-Ата, 1966. С. 82–85.
7. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи. М.: Макс-Пресс, 2005. 286 с.
8. Долгирева А.Э. Газетный заголовок в прагмалингвистическом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2002. 26 с.
9. Колесниченко А.В. Практическая журналистика. М.: Изд-во МГУ, 2008. 334 с.
10. Колмакова В.В. Концепция диалогизма М.М. Бахтина в современной рекламной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. №10-2(40). С. 80–83.
11. Колмакова В.В., Шалков Д.Ю. Особенности русского коммуникативного поведения в начале XXI века // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. №4. С.61-64.
12. Костомаров В.Г. Стилистика. Компендиум лекций, прочитанных в 2003/04 учебным году бакалаврам государственного института русского языка имени А.С. Пушкина. М.: Гос. ин-т рус. языка, 2004. 256 с.
13. Косякова Я.С. Функции имплицитной информации в пресс-релизах банковских услуг в аспекте языкового манипулирования // Вестник иркутского государственного технического университета. Иркутск, 2014. № 8(91) С. 232–235.

14. Мужев В.С. О функциях заголовков // Ученые записи МГПИИЯ им. М. Тореца. 1970. №55. С. 1–8.
15. Подчасов А.С. Функционально-стилистические особенности газетных заголовков: на материале российских и британских газет второй половины 1980–1990 годов. Синтаксический аспект: Дис. ...канд. филол. наук. М., 2001. 187 с.
16. Тер-Минасова С.Г. Синтагматика речи: онтология и эвристика. Общая и английская синтагматика составных номинативных групп: монография. М.: Либроком, 2009. 200 с.
17. Тураева З.Я. Лингвистика текста (Текст: Структура и семантика): монография. М.: Просвещение, 1986. 127 с.
18. Шамелашвили М.А. Функционально-стилистические и лексико-грамматические особенности газетных заголовков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 24 с.
19. Шведова Н.Ю. О понятии регулярная реализация структурной схемы простого предложения // Мысли о современном русском языке. М.: Просвещение, 1969. С. 67–80.

References

1. Ahmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. М.: Sovetskaya enciklopediya, 1969. 608 p.
2. Baharev N.E. *Strukturno-funkcional'noe razvitiye zagolovkov* [Structural and Functional Development of the Headline]. Alma-Ata, 1979. 26 p.
3. Bessonov A.P. *Gazetnyy zagolovok* [Newspaper Headline]. L.: Nauka, 1958. 62 p.
4. Bylkova S.V. *Russkie sintaksicheskie konstrukcii kak sredstvo faticheskogo obshcheniya* [Russian Syntactic Constructions as a Means of Phatic Communication]. Rostov-na-Donu, 2005. 26 p.
5. Vinogradov V.V. *Osnovnye voprosy sintaksisa predlozheniya* [Main Issues of Sentence Syntax]. *Voprosy grammaticheskogo stroya* [Questions of grammatical structure]. М.: AN SSSR, 1955, pp. 26–29.
6. Vomperskij V.P. *K izucheniyu sintaksicheskoy struktury gazetnogo zagolovka* [On Studying the Syntactic Structure of the Newspaper Headline]. *Iskusstvo publicistiki: probl. teor. i prakt.* [Art of journalism: prob. Theor. and prakt.]. Alma-Ata, 1966, pp. 82–85.

7. Dobrosklonskaya T.G. *Voprosy izucheniya mediatekstov: opyt issledovaniya sovremennoj anglijskoj mediarechi* [The Issues of Studying Media Texts: the Experience of Studying modern English Media Speech]. M., Maks-Press, 2005. 286 p.
8. Dolgireva A.E. *Gazetnyj zagolovok v pragmalingvisticheskom aspekte* [The Newspaper Headline in the Pragmalinguistic Aspect]. Taganrog, 2002. 26 p.
9. Kolesnichenko A.V. *Prakticheskaya zhurnalistika* [Practical Journalism]. M.: Izd-vo MGU, 2008. 334 p.
10. Kolmakova V.V. *Koncepciya dialogizma M.M.Bahtina v sovremennoj reklamnoj kommunikacii* [The Dialogism of the Concept Proposed by M.M. Bakhtin in Modern Advertising Communication]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no 10-2(40) (2014), pp. 80–83.
11. Kolmakova V.V., Shalkov D.Yu. *Osobennosti russkogo kommunikativnogo povedeniya v nachale HKHI veka* [Features of Russian Communicative Behavior at the Beginning of the 21st Century]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 4(2018): 61–64.
12. Kostomarov V.G. *Stilistika. Kompendium lekcij, pročitannyh s 2003/04 uchebnym godu bakalavram gosudarstvennogo instituta russkogo yazyka imeni A.S. Pushkina* [Stylistics. The Compendium of lectures delivered in the 2003/04 academic year to the bachelors of the A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language]. M.: Gos. in-t rus. yazyka, 2004. 256 p.
13. Kosyakova Ya.S. *Funkcii implicitnoj informacii v press-relizah bankovskih uslug v aspekte yazykovogo manipulirovaniya* [Functions of Implicit Information in Banking Services Press Releases in the Aspect of Language Manipulation]. *Vestnik irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. Irkutsk, no 8(91) (2014), pp. 232–235.
14. Muzhev V.S. *O funkciyah zagolovkov* [On Headline Functions]. *Uchenye zapisi MGPIIYA im. M. Toreza*, no 55 (1970), pp. 1–8.
15. Podchasov A.S. *Funkcional'no-stilisticheskie osobennosti gazetnyh zagolovkov: na materiale rossijskih i britanskih gazet vtoroj poloviny 1980–1990 godov. Sintaksicheskij aspekt* [Functional and Stylistic Features of Newspaper Headlines: on the Material of Russian and British Newspapers of the Second Half of 1980–1990. Syntactic aspect]. M., 2001. 187 p.

16. Ter-Minasova S.G. *Sintagmatika rechi: ontologiya i evristika. Obshchaya i anglijskaya sintagmatika sostavnyh nominativnyh grupp* [Speech Syntagmatics: Ontology and Heuristics. General and English Syntagmatics of Composite Nominative Groups]. М.: Librokom, 2009. 200 p.
17. Turaeva Z.Ya. *Lingvistika teksta (Tekst: Struktura i semantika)* [Text Linguistics (Text: Structure and semantics)]. М.: Prosveshchenie, 1986. 127 p.
18. Shamelashvili M.A. *Funkcional'no-stilisticheskie i leksiko-grammaticheskie osobennosti gazetnyh zagolovkov* [Functional-Stylistic and Lexical-Grammatical Features of Newspaper Headlines]. М., 1982. 24 p.
19. Shvedova N.Yu. О ponyatii regulyarnaya realizaciya strukturnoj skhemy prostogo predlozheniya [On the Concept of Regular Implementation of the Simple Sentence Structural Scheme]. *Mysli o sovremennom russkom yazyke* [Thoughts on the modern Russian language]. М.: Prosveshchenie, 1969, pp. 67–80.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Косякова Яна Сергеевна, старший преподаватель кафедры документоведения и языковой коммуникации
Донской государственный технический университет
Гагарина площадь, 1, г. Ростов-на-Дону, 344000, Российская Федерация
Yask_2018@mail.ru

Колмакова Валентина Васильевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры документоведения и языковой коммуникации
Донской государственный технический университет
Гагарина площадь, 1, г. Ростов-на-Дону, 344000, Российская Федерация
vvklm07@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Kosyakova Yana Sergeyevna, senior lecturer at the Department of documentation and language communication

Don state technical University
1, Gagarina square, Rostov-on-don, 344000, Russian Federation
Yask_2018@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3061-5976
SPIN-code: 4657-2756

Kolmakova Valentina Vasilyevna, doctor of pedagogical Sciences, associate Professor, Professor of the Department of documentation and language communication
Don state technical University
1, Gagarina square, Rostov-on-don, 344000, Russian Federation
vvklm07@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8087-133X
SPIN-code: 9755-3705

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-5-318-332

УДК 811.111

GAGASNAT КАК ОДНА ИЗ КОММУНИКАТИВНЫХ ФОРМ СЕТЕВОГО ФОЛЬКЛОРА НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ИНСТАГРАМ-АККАУНТА ЛЕДИ ГАГИ

Юхмина Е.А., Обвинцева Н.В.

Цель. В статье рассматривается «виртуальный флэшмоб» (на примере комментариев к англоязычному посту) как одна из коммуникативных форм сетевого фольклора с целью описания его функций и форм проявления, а также классификации комментариев по тематическим группам и анализа их основных лингвистических особенностей. Эмпирическую базу настоящего исследования составили комментарии активных пользователей социальной сети Инстаграм. Теоретическая база – труды российских и зарубежных исследователей по виртуальному фольклору Nathan Chandler, Simon J. Bronner, Trevor J. Blank, В.П. Рукомойниковой, Ю.М. Соколова, А.С. Каргина и др.

Метод или методология проведения работы. В исследовании использовались методы наблюдения и описания, а также структурно-семантического и интерпретационного анализа с элементами прагмалингвистического анализа.

Результаты. Новизна данной работы состоит в том, что здесь представлен анализ новейшего языкового феномена – «виртуального флэшмоба» в социальной сети Инстаграм. Составлена тематическая классификация комментариев к англоязычному посту, проанализирован язык комментариев с точки зрения фольклорных особенностей, рассмотрены прецедентные феномены, выявлено место комментариев в общей типологии сетевого фольклора с опорой на проведенное ранее исследование авторов.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере PR-коммуникации, для проведения лингвистических исследований.

Ключевые слова: Инстаграм; сетевой фольклор; коммуникация; комментарии; англоязычные посты; лингво-культурный подход; когнитивно-прагматический подход; системный подход.

GAGACHAT AS ONE OF THE COMMUNICATIVE FORMS OF NETWORK FOLKLORE ON THE EXAMPLE OF LADY GAGA'S INSTAGRAM ACCOUNT

Yukhmina E.A., Obvintseva N.V.

Purpose. *The article considers “virtual flashmob” (on the basis of comments to an English post) as one of the communicative forms of network folklore in order to describe its functions and forms of manifestation as well as to give a classification of the comments into thematic groups and analyze their linguistic peculiarities. Comments of active users of the social network Instagram constitute the empirical base of this study. The theoretical base relies on works of Russian and foreign researchers of virtual folklore Nathan Chandler, Simon J. Bronner, Trevor J. Blank, V.P. Rukomoinikova, Yu.M. Sokolov, A.S. Kargin, etc.*

Methodology. *The basis of the research is the methods of observation and description, as well as the structural-semantic and interpretative analyzing with the pragmalinguistic analysis.*

Results. *The novelty of this work lies in the fact that it presents an analysis of the latest linguistic phenomenon, i.e. “virtual flashmob”, in the social network Instagram. The authors have developed a thematic classification of comments to an English post. The language of comments is analyzed from the point of view of folklore features. A number of precedent phenomena are considered. The place of comments in the general typology of network folklore is singled out based on the authors' earlier research. Having analyzed the comments, we come to the conclusion that from the point of view of folklore features, the language of comments is bright, accurate and colorful. It precisely conveys the emotions of the discussion participants. Lexical repetitions, metaphors, colorful epithets, certain folklore formulas, proverbs, sayings, chants, epics, humorous*

inclusions, irony, anthropomorphization, etc. make virtual folklore so interesting and rich. There are examples of each type of comments presented in the thematic classification. An extended functional classification of comments is also developed. Gagachat is a striking example of the manifestation of folk art, which reflects cultural-forming factors such as news and pop culture. It contains some basic patterns characteristic of expressive communication both oral and virtual.

Practical implications. *The results of the study can be applied in the sphere of socio-political planning and forecasting as well as in conducting linguistic studies.*

Keywords: *Instagram; network folklore; communication; English posts; linguo-cultural approach; cognitive-pragmatic approach; system approach.*

Введение

Основным системообразующим параметром всех социальных сетей является их мобильность, возможность непрерывного интерактивного общения и обмена данными. Сегодня мы имеем неограниченный доступ к информации с любого устройства и в любой ситуации, т.е. происходит активная цифровизация общества. Для молодого поколения социальные сети – основной канал коммуникации, который позволяет находиться в постоянном социальном взаимодействии, т.е. это не просто источник информации, но и развлечений, отдыха, общения, творческой активности. Именно интернет-творчество порождает антропологические метаморфозы, актуализированные переходом сначала от слова коллективного, артикуляционно-акустического к слову индивидуальному, визуально-печатному, переходя затем опять к слову коллективному, жестово-визуальному и рукотворному [5].

Объект и предмет исследования

В качестве объекта исследования из множества социальных сетей была выбрана социальная сеть Инстаграм, которая со своими законами и эстетикой прочно вошла в нашу жизнь. Сегодня это не

просто социальная сеть, которая позволяет в режиме «он-лайн» обмениваться фото и видео-контентом, сообщениями и рекламными материалами, это настоящее общественное движение. В подтверждение сказанному мы рассматриваем комментарии в Инстаграм-аккаунте англоязычной певицы Леди Гаги как проявление одной из коммуникативных форм сетевого фольклора, отражающей влияние новостной информации и поп-культуры на формирование народного творчества.

Методология исследования

Теоретико-методологическую базу исследования составили работы российских и зарубежных ученых по сетевому фольклору О.В. Алексеевой, К.А. Богданова, А.С. Каргина, А.В. Колистратовой, Н.В. Мамоновой, Н.В. Обвинцевой, Н. Погребняк, В.П. Ручкомойниковой, Ю.М. Соколова, Е.А. Юхминой, а также Nathan Chandler, Trevor J. Blank, Claudio J. Rodriguez H. и др.

Материал и методы исследования

Изучение коммуникативных форм англоязычного сетевого фольклора проводился на основе случайной выборки комментариев социальной сети Инстаграм в аккаунте англоязычной певицы Леди Гага. В исследовании использовались методы наблюдения и описания, а также структурно-семантического и интерпретационного анализа с элементами прагмалингвистического анализа.

Результаты и обсуждение

В настоящее время фольклорные жанры и традиционные формы средств выражения в интернете распространяются с невероятной скоростью, но не всегда создают качественную постоянную нишу с индивидуальными особенностями [11]. Необходимо понимать, что значительная часть современного фольклора, находящегося в сети, отвечает требованиям фольклорных форм [3], будучи повторяемыми многократно в различных вариациях, но при этом существует высокая вероятность того, что эти проявления фольклора исчезнут

или станут употребляться значительно реже в короткие отрезки времени. Данный факт значительно затрудняет работу фольклористов, пытающихся определить происхождение или описать и проанализировать эволюцию цифрового фольклора. Но это в свою очередь подчеркивает необходимость быть осведомленным в новых тенденциях развития сетевого общения и их проявлений.

Инстаграм с его своеобразными законами и эстетикой настолько прочно вошел в нашу жизнь, что кажется, он был всегда. В июне 2019 г. в аккаунте певицы Леди Гага появился пост «To the launch of #hauslaboratories. Cheers to a wonderful day 1» («В честь запуска #hauslaboratories. Да здравствует чудесный день!» – Перевод наш: Е.Ю., Н.О.), на фото к которому певица поднимает бокал с шампанским в честь открытия своей новой косметической линии (рис. 1). Количество комментариев к посту превышает 1 млн., но что самое необычное – большинство из них на русском языке. Это – своеобразный флэшмоб (от

англ. Flash – вспышка, mob – движение). Флэшмоб – «кратковременная массовая акция, не несущая определенной цели, служащая для развлечения его участников и прохожих, оказавшихся в месте проведения акции» [8]. Данный флэшмоб организовали поклонники известной модели Ирины Шейк. Согласно данным СМИ, топ-модель российского происхождения Ирина Шейк и голливудский ак-

тер Брэдли Купер объявили о своем расставании. Последняя осталась одна с маленькой дочкой на руках. Практически сразу в сети появились слухи о том, что виновницей разрыва стала Леди Гага, с которой Купер снялся в оscarоносном фильме «Звезда родилась». В связи с этими событиями в Инстаграм Леди Гаги наблюдается активность фанатов и поклонников Ирины Шейк.

«Виртуальный флэшмоб» – новейшее языковое явление в современной сетевой коммуникации. Он является ярким примером информационно-культурного влияния на создание народного творчества: новости поп-культуры так затронули людей, что им захотелось стать частью этого события, поделиться мнением. Таким образом, они выражают свое участие в гибридном фольклоре, «оцифровывая» устные реплики в комментариях.

Рисунок 1. Инстаграм-пост

Комментарии не ограничиваются тематикой расставания знаменитостей: «*Челябинские девушки настолько суровы, что когда их бросает мужик, на их защиту встает весь бывший СССР*», но быстро превратились в своеобразное юмористическое движение, которое охватывает широкий спектр тем. Весь массив комментариев мы сгруппировали по следующим самым обсуждаемым темам:

– обращения: «*Ирина!!! Не плачь!!! Я сделаю тебе самого лучшего и верного Купера. Если захочешь он даже будет НЕ похож на оригинал!!!*»; «*А как тебе такое, старина Илон Маск?*»; «*Гага, поставлю тебе танец на шоу. Цена 500. Можем договориться! Если денег нет, я согласна помочь за 350. У меня слишком много предложений поэтому долго не думай, хорошо?*»;

– поиск второй половинки: «*Ищу мужа) хотя можно спонсора... ну или просто хотябы работу #присвятая Гага#Памаги*»;

– шутки про гусей: «*Ох, эти гуси! Глаз да глаз за ними!*»; «*Кто – гусь, а кто – мини-купер*»; «*Птица не высокого полета*»; «*Гуси-гуси, гагага...*»;

– разговоры с начальником, мамой, сестрой, братом: «*Ребят, помогите найти маму. Затерялась где-то в глубине комментариев. Никак вытащить не можем*»;

– курсы валют: *«Спасибо Гагли! Что Купера увела и основала русскоязычную платформу. Кто знает курс рубля?»;*

– поиск работы: *«Ищу работу в Краснодаре. Перееду следующим летом»; «Ребята, ищу работу онлайн, не программист, не дизайнер, без «черных» схем и пирамид»;*

– продажа / покупка техники, недвижимости, гаража, сдача в аренду: *«Вам нужны апартаменты в Капотне?»; «Почем вы продаете гараж в Бирюлево-Товарное?»;*

– былины, речевки, рифмовки, пословицы, песни, сказки, анекдоты, стихотворения: *«Гуси-гуси! Га-га-га. Бредли Купер? Да-да-да»; «Мимо Гагиного чата я без шутки не хожу»); «Как перевести на русский Lady Gaga – Баба Гуся»; «Вернули Крым, вернем и Купера»; «Блин, ребят, не пишите сюда плиз большие гимн России, приходится с кровати вставать и петь»;*

– шутки про российского актера Алексея Панина, известного своими скандальными выходками: *«Чтобы выйти из этого чата, скажи трижды: гага-гага, отпусти, отдай мне жизнь мою и не грусти. Сжечь портрет Панина и плюнуть через левое плечо. И все! Инфо сотка!»;*

– псевдонаучные высказывания: *«Ученые давно доказали, что этот чат бесконечен, но некоторые выдвигают гипотезы о параллельных чатах, а кое-кто даже выдвинул гипотезу и жизни вне чата, причем ничем не обоснованную... как говорится, кто во что горазд...»;*

– рецепты различных блюд: *«Просто оставляю рецепт голубцов. Одна большая тугая капуста; 0.5 кг свинины; 0.5 кг говядины; 3 средние луковицы; 1 морковь; 2 ст. л. томатной пасты; 1 ст. риса (с горкой); растительное масло; соль, перец лавровый лист»; «Рецепт запеченного гуся в яблоках»;*

– обсуждение погоды: *«Люда, привет! Как долетела? Как погода во Владивостоке?»; «Народ, кто знает, лето во Владивостоке будет? Устала в шапке ходить»;*

– вопросы ЖКХ: *«Н-н-н-народ! В кви-квитанцию из горГа-Га-за куда показан-ния счетчика впи-вписывать?»; «Вчера из ЖЭКА звонили, говорят, Бредли за коммуналку уже полгода не платит, там пеня капает. Га, нужно оплатить, срочно»;*

– политика: «Голосование в МОСГОРДУМУ здесь проходит???»; «Здесь можно задать вопрос Путину»; «Ой, сегодня теннис и голосование»;

– объявления о благотворительных сборах и пожертвованиях: «киньте 1 рубль на карту 9671201843»; «Га, собираем деньги для матерей-одиночек! Без шуток, благотворительная организация «летающий слон» «fly_slon!@»;

– объявления о продаже чего-либо: «Пахвалавааа, чурчеллааа, гооораяячий кукуруууз, прохладительные напиткииши», «В продажу поступили трусы на гагачем пуху, с карманами»; «Натуральные продукты из Грузии с доставкой в РФ! В любой город!»;

– высмеивание традиционных американских стереотипов о русских (водка, медведь, балалайка): «Мой медведь под песни Леди Гаги разбивает телевизор балалайкой, что делать?»; «Мама, я уже НАГАГИЛ ей в комментах, можно я пойду пить водку и играть на балалайке? – Нет. Медведь сидит и гагит и ты гагь!»;

– яжмать яжотец онжеребенок (т.е. новая категория современных родителей, чье изначальное бескультурное и грубое поведение усугубляется рождением детей. Они склонны оправдывать неподобающее поведение своих детей формулировкой «онжеребенок»): «Девчонки, мамочки! Как вы приучали ребенка к горшку? Может, какие советы есть, чтобы быстро и эффективно?»; «на удивление сын, ему два года только и делает, что гагагагага не переставая по квартире»;

– спасение Байкала, Сибири: «Давайте вместе спасем Байкал»; «Спасется Байкал – спасемся и мы»; #спасибайкал;

– клуб анонимных гагачатовцев: «Чтобы выйти из этого чата, скажи трижды» Гага-гага, отпусти, отдай мне жизнь мою и не грусти. Сжечь портрет Панина и плюнуть через левое плечо. И все!»;

– цитаты из известных литературных произведений и кинофильмов в интерпретации авторов комментариев: «Сучка крашена»; «Алло, Гагочка? (в оригинале Галочка); «Я помню чудное мгновенье передо мной явилась ты, как мимолетное видение как гений мерзкой (в оригинале «чудной») красоты»; «Кто заказывал такси на Дубровку?» (из к/ф «Бриллиантовая рука»); «Гага в шоке» (интерпретация

ставшей крылатой фразы известного стилиста Сергея Зверева «Звезда в шоке»); «Окей, Гага» (популярная фраза «Окей, Гугл»);

– англоязычные комментарии: «*Are you gangsters?*»; «*No, we are Russians*»; «*What's going on here? What language do these people write? What is this alphabet?*»; «*CHEEERS, QUEEN!*»;

– иноязычные комментарии: «*Zdrowko*»; «*Хто з Польщі????*»;

– англоязычные комментарии, транслитерированные на русский язык: «*Эни бади ат гагас инстаграм? Ай нид хелп!*» (= *Anybody at Gaga's Instragram? I need help!*), «*Пауа (=Russia)*», «*фаїм (=fight)*»; «*Ок, ви хир ауз рэдио Гага (=We hear our radio Gaga)*».

Данный список не ограничивается приведенными темами. Постоянно появляются новые проблемы для обсуждения участниками «гагачата». Каждый комментарий содержит определенную идею / ситуацию, которая стимулирует дальнейшую дискуссию и становится объектом рассуждений и активных обсуждений. В зависимости от механизмов формирования выделяются коммуникативные (вербальные) формы, крауд-формы и поликодовые (невербальные) формы существования сетевого фольклора. Комментарии относятся к коммуникативным формам сетевого фольклора, чья цель – стимулировать общение, беседу, интерактив [9, с. 20]. Комментарии – это отдельный жанр Интернет коммуникации, определенная форма языковой деятельности, служащая для познания и осмысления окружающего мира. Комментарии сочетают в себе черты как письменной, так и устной речи: «*Потрясающщищеееее!!!!*». В роли комментариев могут выступать как лингвистические (буква, слово, словосочетание, предложение, текст), так и паралингвистические средства (эмотиконы, знаки препинания, цифры, символы, значки и т.д.) Объем комментариев ничем не ограничен. Они могут быть, как объемными, так и краткими.

Анализируя комментарии с точки зрения фольклорных особенностей, можно отметить яркий, меткий, колоритный язык, который точно передает эмоции участникам обсуждения. Это и лексические повторы, метафоры, красочные эпитеты, определенные фольклорные формулы. В виртуальных комментариях прослеживаются черты сходства и общности творческих актов, сформировавшихся в результате сотворчества

разных лиц, что характерно для фольклорных текстов. Особое место отведено в данном чате прецедентным текстам, которые можно считать проявлением фольклора [12]. Например: «*Сучка крашена*», «*Кто заказывал такси на Дубровку?*», «*Здесь русский дух, здесь Русью пахнет*». «Реальность коллективного взаимопонимания непредставима вне молчаливо подразумеваемого знания таких текстов, «прецедентных» постольку, поскольку как бы уже самим фактом своей «общеизвестности» они представляют некую актуальную коллективность. Любопытный эффект такого представительства выражается между прочим и в том, что указание на «общность» знания в данном случае часто важнее действительного знания тех или иных текстов» [2].

В данном чате проявление фольклора как никогда служит подчеркиванием самобытности русской культуры и общества. Фольклорные образы: «*Мой медведь под песни Леди Гаги разбивает телевизор балалайкой, что делать?*», общеизвестные житейские выражения: «*Тарелку после гречки нужно мыть сразу*», обычаи «...и плюнуть через левое плечо», пословицы и поговорки: «*А Гаге-то, все-равно, как с гуся вода*»; видоизмененное устное народное творчество: «*Гуси-гуси! Га-га-га. Бредли Купер? Да-да-да*» и так далее – все это в комментариях в американском аккаунте делает невозможным их понимание без знаний особенностей русской самобытной культуры, традиций, народной мудрости.

С точки зрения лингвистических особенностей наблюдается ряд определенных характеристик каждой группы комментариев. Так, для большинства групп характерны нарушение языковой нормы, лингвистические инновации на всех языковых уровнях: фонетическом, семантическом, лексическом и синтаксическом (тематика расставания знаменитостей; обращения, продажа / покупка техники...; былины, речевки, рифмовки, пословицы..., шутки про российского актера Алексея Панина...; вопросы ЖКХ и т.д.). При описании бытовых, житейских ситуаций используется простой язык, однако вместе с тем в каждом комментарии прослеживается ирония. Авторами комментариев используются также и эллиптические конструкции, что подтверждает стремление информационного общества ускорить электронный поток и обмен данными.

Заключение

Таким образом, можно отметить, что «гагачат» – это яркий пример проявления народного творчества, в котором нашли свое отражение такие факторы, как новости и поп-культура. В нем присутствуют основные паттерны, характерные для современного экспрессивного общения (устного и сетевого). «Гагачат» также можно отнести по форме, структуре и лингвистическим особенностям к такому новому языковому явлению, как виртуальный флэш-моб. Прецедентные русские тексты в данном «флэшмобе» англоязычной звезды являются маркерами противопоставления культур, что и лежит в основе появления и развития данного чата.

В «гагачате» присутствуют все, выделяемые нами, формы сетевого фольклора с точки зрения механизмов их формирования, что указывает на его универсальный характер, а также на значимость в анализе и описании сетевых форм фольклора. Для каждой группы комментариев на всех языковых уровнях характерны свои особенности, часто связанные с новообразованиями в языке (нарушение языковой нормы, лингвистические инновации).

Данное явление демонстрирует особенности построения индивидуально-группового экспрессивного поля при противопоставлении российской культуры американской, а также сформированные индивидуальные и общественные культурные традиции, характеризующиеся определенными лингвистическими и культурологическими особенностями.

Список литературы

1. Алексеева О.В. Фольклорный и литературный код в любовной линии романа «Несчастный Никанор» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. С. 330–339.
2. Богданов К.А. Прецедентные тексты в современном фольклоре. Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/bogdanov1.htm> (дата обращения: 25.11.2019).
3. Колистратова А.В. От архаики до сетевого фольклора: некоторые итоги лингвoseмиотического анализа фольклорных явлений как

- знаков культуры // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. С. 36–41.
4. Каргин А.С. Фольклор в современном социокультурном пространстве: от повседневной практики до элитного досуга // Прагматика фольклористики: сб. ст., докл., эссе. М., 2008. С. 142–160.
 5. Рукомойникова В.П. «Виртуальный» фольклор в контексте народной смеховой культуры. Автореф. дисс. ... к-та филологических наук. Ижевск, 2004. 24 с.
 6. Соколов Ю.М. Русский фольклор (устное народное творчество): учебник для вузов. М.: Изд-во Юрайт, 2017. 247 с.
 7. Социальная сеть Instagram (Инстаграм). URL: <https://www.instagram.com/> (дата обращения: 25.11.2019).
 8. Финансовый журнал. URL: <https://fin-journal.ru/fleshmob-chto-eto-takoe-opredelenie-znachenie-fakty-primery/> (дата обращения: 25.11.2019).
 9. Юхмина Е.А., Обвинцева Н.В. Типология коммуникативных форм англоязычного сетевого фольклора (на примере социальной сети Инстаграм) // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2019. № 3 (43). С. 17–32.
 10. American Folklore Society. URL: <https://www.afsnet.org/page/WhatIsFolklore> (дата обращения: 25.11.2019).
 11. Blank T.J. Toward a Conceptual Framework for the Study of Folklore and the Internet // Folklore and the Internet: Vernacular Expression in a Digital World. Logan, Utah: Utah State University Press, 2009, pp. 1–20.
 12. Center for Folklore Studies. The Ohio State University. URL: <https://cfs.osu.edu/about/resources/folklore> (дата обращения: 25.11.2019).
 13. Chandler N. “How Internet Folklore Works”, 2015. URL: <https://computer.howstuffworks.com/internet/basics/internet-folklore.htm> (дата обращения: 25.11.2019).
 14. Mamonova N.V., Yukhmina E.A., Instagram Network Folklore In The Light of the Linguosynergetics. WLC 2016: World Lumen Congress. Logos Universality Mentality Education Novelty (Lumen 15th Anniver-

- sary Edition). European proceedings of social and behavioral sciences. London: Future Academy, 2018, pp. 146–150.
15. Pogrebnyak N. Linguistic Frontiers, 2(1) (2019): 23–27. <https://doi.org/10.2478/lf-2018-0016>
 16. Rodriguez H.C.J. Linguistic Frontiers, 1 (2) (2018): 102–111. <https://doi.org/10.2478/lf-2018-0010>
 17. Yukhmina E.A., Mamonova N.V., Mingazheva E.A. Linguo-Structural Analysis of the English T-Shirt Inscriptions as New Urban Media // WLC 2016: World Lumen Congress. Logos Universality Mentality Education Novelty (Lumen 15th Anniversary Edition). European proceedings of social and behavioral sciences, London: Future Academy, 2019, pp. 424–431.

References

1. Alekseeva O.V. Fol'klornyj i literaturnyj kod v ljubovnoj linii romana "Neschastnyj Nikanor" [Folklore and Literary Code in the Love Line of the novel *Unfortunate Nikanor*]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura*. 2018. Vol. 15, pp. 330-339.
2. Bogdanov K.A. *Precedentnye teksty v sovremennom fol'klоре. Fol'klор i postfol'klор: struktura, tipologija, semiotika* [Precedent Texts in Modern Folklore. Folklore and Post-folklore: Structure, Typology, Semiotics]. <http://www.ruthenia.ru/folklore/bogdanov1.htm> (accessed November 25, 2019).
3. Kolistratova A.V. Ot arhaiki do setevogo fol'klора: nekotorye itogi lingvosemioticheskogo analiza fol'klорnyh javlenij kak znakov kul'tury [From the Archaic to Network Folklore: Certain Results of the Linguosemiotic Analysis of Folklore Phenomena as Culture Signs]. *Voprosy teorii i praktiki*. 2011, pp. 36-41.
4. Kargin A.S. Fol'klор v sovremennom sociokul'turnom prostranstve: ot povsednevnoj praktiki do jelitnogo dosuga [Folklore in the Modern Socio-Cultural Space: from Everyday Practice to Elite Leisure]. *Pragmatika fol'klорistik*, 2008, pp. 142-160.
5. Rukomojnikova V.P. "Virtual'nyj" fol'klор v kontekste narodnoj smehovoj kul'tury [Virtual Folklore in the Context of Folk Laughing Culture]. Izhevsk, 2004. 24 p.

6. Sokolov Ju.M. *Russkij fol'klor (ustnoe narodnoe tvorchestvo)* [Russian Folklore (Verbal Folklore)]. Moscow: Izd-vo Yurait, 2017. 247 p.
7. Social network Instagram. URL: <https://www.instagram.com/> (accessed October 12, 2019).
8. Financial Journal. URL: <https://fin-journal.ru/fleshmob-ch-to-eto-takoe-opredelenie-znachenie-fakty-primery/> (accessed November 25, 2019).
9. Yukhmina E.A., Obvinceva N.V. Tipologija kommunikativnyh form anglojazychnogo setevogo fol'klora (na primere social'noj seti Instagram) [Typology of Communicative Forms of English-Language Network Folklore (on the example of Instagram Social Network)]. *Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya*. 43, no 3 (2019), pp. 17–32.
10. American Folklore Society. URL: <https://www.afsnet.org/page/WhatIsFolklore> (accessed November 25, 2019).
11. Blank T.J. *Folklore and the Internet: Vernacular Expression in a Digital World*. Logan, Utah: Utah State University Press, 2009, pp. 1–20.
12. Center for Folklore Studies. The Ohio State University. URL: <https://cfs.osu.edu/about/resources/folklore> (accessed November 25, 2019).
13. Chandler N. *How Internet Folklore Works*. 2015. <https://computer.howstuffworks.com/internet/basics/internet-folklore.htm> (accessed November 25, 2019).
14. Mamonova N.V., Yukhmina E.A., *WLC 2016: World Lumen Congress. Logos Universality Mentality Education Novelty (Lumen 15th Anniversary Edition). European proceedings of social and behavioral sciences*. London: Future Academy, 2018, pp. 146–150.
15. Pogrebnyak N. *Linguistic Frontiers*, 2(1) (2019): 23–27. <https://doi.org/10.2478/lf-2018-0016>
16. Rodriguez H.C.J. *Linguistic Frontiers*, 1 (2) (2018): 102–111. doi:10.2478/lf-2018-0010
17. Yukhmina E.A., Mamonova N.V., Mingazheva E.A. *WLC 2016: World Lumen Congress. Logos Universality Mentality Education Novelty (Lumen 15th Anniversary Edition). European proceedings of social and behavioral sciences*, London: Future Academy, 2019, pp. 424–431.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Юхмина Елена Александровна, доцент кафедры делового иностранного языка, кандидат филологических наук, доцент
Челябинский государственный университет
ул. Братьев Кашириных, 129, г. Челябинск, 454001, Российская Федерация
alen_vitamin@mail.ru

Обвинцева Надежда Валерьевна, доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук
Уральский Федеральный Университет им. Б. Ельцина
ул. Мира, 19, г. Екатеринбург, 620002, Российская Федерация
n.v.obvintseva@urfu.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Yukhmina Elena Aleksandrovna, Associate Professor, Department of business foreign languages, Faculty of Linguistics and Translation, Candidate of Philology
Chelyabinsk State University
129, Bratiev Kashirinykh Str., Chelyabinsk, 454001, Russian Federation
alen_vitamin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0358-2646
SPIN-code: 7201-6122
Researcher ID: AAG-9480-2019

Obvintseva Nadezhda Valerevna, associate Professor, Department of foreign languages Ural Humanitarian Institute, *Candidate of Philology*,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
19, Mira Str., Yekaterinburg, 620002, Russian Federation
obna79@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3897-5634
SPIN-code: 6198-2882

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-5-333-350

УДК 81/82

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СТРАХ» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Воробьева А.Е., Федюнина И.Э., Белозерова М.С.

В статье описываются способы репрезентации концепта «страх» в современном англоязычном рекламном дискурсе, а также выявляется функциональная эффективность и речевоздействующий потенциал маркетинга, апеллирующего к эмоциям реципиентов.

Цель исследования состоит в выявлении и анализе ресурсов суггестии, базирующихся на страхе и используемых копирайтерами для воздействия на психоэмоциональное состояние целевой аудитории. Предметом изучения выступают специфически маркированные элементы англоязычных текстов рекламных билбордов, призванные имплицитно воздействовать на поведение реципиентов и способствовать реализации целеустановки маркетологов. В настоящей работе для более целостного взгляда на феномен современного рекламного дискурса предпринята попытка интеграции знаний лингвистики и психологии.

Методы исследования определяются задачами исследования и включают общенаучные методы анализа и синтеза, когнитивного анализа, контент-анализа, метода концептуального анализа, метода социологического опроса, а также психолингвистического метода свободного ассоциативного эксперимента.

Наиболее значимыми результатами исследования представляются выводы о том, что в рекламном типе дискурса концепт «страх» выступает инструментом эффективного воздействия на языковое сознание целевой аудитории, но градация интенсивности воздействия варьируется в разных лингвокультурах. Способы речевого воздействия определяются прагматическими установками копирайтеров и проявляются на лингвистическом и экстралингвистическом уровне.

Область применения результатов. Представленные положения и выводы могут представлять интерес не только для эмотиологии, но и в плане практического применения при составлении рекламных текстов различной прагматической направленности.

Ключевые слова: рекламный дискурс; концепт «страх»; речевое воздействие; манипулятивное воздействие; социальная реклама; коммерческая реклама.

REPRESENTATION OF THE CONCEPT “FEAR” IN THE ENGLISH ADVERTISESE

Vorobyova A.E., Fedyunina I.E., Belozerova M.S.

The article describes the ways of representing the concept “fear” in modern English advertese, as well as reveals functional efficiency and linguistic manipulation tactics of marketing that appeals to the emotions of recipients.

Purpose. *The goal of this research is to reveal and analyze the means of suggestion based on fear and used by copywriters to influence the psycho-emotional state of the target audience. The subject matter is the specifically marked elements of English texts of advertising billboards, aimed at implicit influence on the behavior of recipients and meeting marketers’ objectives. To maximize the phenomenon of modern advertese in this paper it is suggested to integrate knowledge of linguistics and psychology.*

Methodology. *Survey methods include general scientific methods of analysis and synthesis, cognitive analysis, content-analysis, a conceptual analysis method, a sociological survey method, a psycholinguistic method of free associative experiment.*

Results. *Most significant estimates of this research are the following in the advertising type of discourse the concept “fear” acts as a tool of effective influence on linguistic consciousness of target audience, but gradation of the depth of exposure varies in different linguistic cultures. The methods of linguistic manipulation are determined by the pragmatic aims of copywriters and represented on linguistic and extralinguistic levels.*

Practical implications. *The results of the research can be applied in the sphere of emotiology, as well as in terms of practical application in copywriting.*

Keywords: *advertese; concept “fear”; linguistic manipulation; manipulative influence; social advertising; commercial advertising.*

На современном этапе язык рекламы, равно как и методы, которыми оперирует реклама, становится всё более изощренным. Рациональное убеждение без эмоционального воздействия представляется малоэффективным. В этой связи маркетологи старательно изобретают новые манипулятивные стратегии для привлечения внимания потенциальных покупателей товаров и услуг. В фокус научной парадигмы закономерно перемещается рекламный дискурс, не просто как социальный феномен, но и как лингвистическое явление, рассматриваемое в аспекте психопрагмалингвистического моделирования текстов. В рамках антропоцентрической парадигмы современной лингвистики выделяются такие перспективные направления, как когнитивная лингвистика, представленная трудами Н.Н. Болдырева, В.З. Демьянкова, Е.С. Кубряковой, Дж. Лакоффа; психолингвистика, получившая наибольшую научную разработанность в трудах А.А. Леонтьева, В.В. Красных и др.; лингвокультурология – в основополагающих исследованиях В.Г. Костомарова, В.А. Масловой, Е.Н. Верещагина, Ю.С. Степанова. Очевидно, что коллаборация языкознания и психологии признана учеными перспективным мейнстримом на том основании, что «эмоции регулируют процессы поведения и определяют то, как человек интерпретирует окружающий мир, воспринимает и порождает речь» [1]. На наш взгляд, именно интеграция знаний лингвистики и психологии может способствовать более глубокому осмыслению функционального потенциала современного рекламного дискурса.

В исследовании представлена попытка описания способов репрезентации концепта «страх» в современном англоязычном рекламном дискурсе, а также выявления его функциональной эффективности и воздействующего потенциала на аудиторию. Для этой

цели был проведен социологический опрос респондентов с учетом возрастного критерия, а также гендерной и лингвокультурной принадлежности.

В настоящее время маркетологи всё чаще прибегают к использованию сомнительных с точки зрения этики приёмов. Так, например, нередки случаи, когда реклама апеллирует к страхам, фобиям и переживаниям людей. Этому есть логическое объяснение. Страх является одной из доминантных эмоций человека. Мы говорим о страхе «перед явлениями природы, страхе войны, страхе за свою жизнь, за жизнь близких и дорогих людей, страхе перед неизвестным будущим» [1]. Разные исследователи выделяют ряд первичных эмоций, при этом страх присутствует во всех классификациях. Это свидетельствует о том, что данная эмоция является преобладающей у людей, а значит, может выступать элементом психоэмоционального воздействия при создании рекламных текстов, оказывая влияние на разные органы чувств. Принцип работы маркетинга, базирующегося на страхе людей, основан на том, что страх — это стимулятор стресса, сигналы которого могут изменить мозг на химическом уровне. Механизм обработки эмоций (миндалевидное тело мозга) посылает яркие, мигающие знаки опасности в критический командный центр (гипоталамус), который побуждает человека к действию [12].

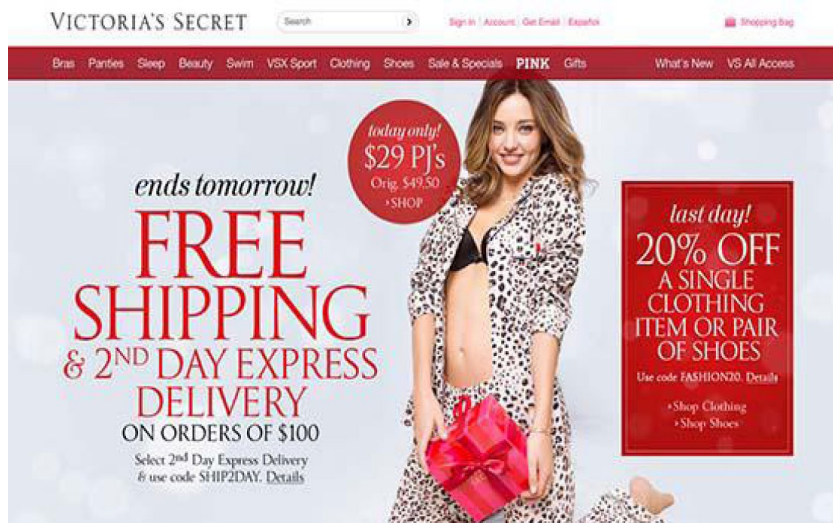
С точки зрения теории «дифференциальных эмоций» К.И. Изарда, по степени интенсивности выделяется три основных типа страха:

- 1) удивление-испуг;
- 2) страх-ужас;
- 3) интерес-возбуждение [2].

Наблюдения показывают, что маркетологи наиболее часто апеллируют к первому и последнему типу при создании коммерческой рекламы, в то время как второй тип эмоции задействуется преимущественно в рекламных компаниях социальной направленности.

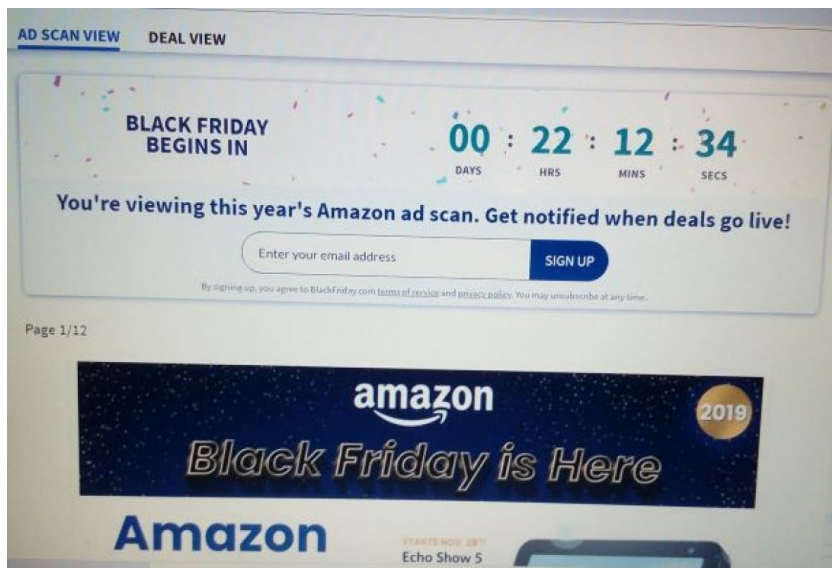
Рассмотрим примеры коммерческой англоязычной рекламы.

Пример 1: Интернет-реклама нижнего белья Victoria's Secret [13].

Создатели этого рекламного баннера активно пытаются вызвать у потребителя чувство тревоги: на одной странице они трижды делают акцент на том, что акция действительна только в этот день (*today only! ends tomorrow! last day!*). Имплицитно, посредством специфически маркированных языковых знаков и графических средств организации текста, маркетологи вызывают у потенциального покупателя беспокойство относительно того, что он может не успеть воспользоваться привлекательной скидкой и особыми условиями доставки, если не поторопится и не сделает заказ прямо сейчас. Лингвистическими средствами вербального выражения концепта «страх» в данном случае являются лексемы *only*; *ends*; *last*. Графическими средствами, усиливающими речевоздействующий потенциал, выступают такие эффекты, как курсивное выделение слов, прописные буквы вместо строчных, включение в облик слова различных символов и цифр, а также применение цветового выделения текста. В приведенном примере также грамотно использована функциональная ёмкость восклицательного знака для акцентуализации значимой с точки зрения рекламы информации.

В рамках нашего исследования определенный интерес представляет Пример 2: Интернет-реклама традиционного сезона распродаж на крупнейшей в мире платформе электронной коммерции Amazon [14].

Начало старта «Черной пятницы» – пятницы после Дня благодарения в США, с которой начинается традиционный рождественский сезон распродаж – представлено некой аллюзией к ужастику или страшилке (*Black Friday is Here*). Сразу две лексемы *Black* и *Friday* репрезентируют концепт «страх». Первая провоцирует в сознании образ чего-то зловещего, а вторая невольно ассоциируется с Пятницей, 13. Подкрепленная графическим фоном ночного неба и 3-D форматом, надпись действует мистически и на подсознательном уровне вызывает некоторое эмоциональное переживание. Копирайтеры в данном случае обращаются к этим составляющим страха как элементам психоэмоционального воздействия, т.е. вызвав определенные эмоциональные и физиологические изменения, можно регулировать поведение покупателя в нужном для рекламодателя направлении. В качестве «тяжелой артиллерии» в приведенном примере применяется такая форма графона, как выставленный таймер, отсчитывающий

время до начала действия акции. Эта маркетинговая уловка выполняет выделительно-актуализирующую и манипулятивную функции и действует практически безотказно в подавляющем большинстве случаев. Маркетологи таким образом держат потенциального покупателя «в тонусе» и дополнительно стимулируют его заинтересованность и желание купить товар одним из первых. Однако стоит отметить, что наибольшую эффективность таймер имеет в случае, когда отсчет идет в обратном направлении и сигнализирует о времени, оставшемся до конца действия акции. Реципиент, видя, как быстро идёт время, испытывает беспокойство и даже панику по поводу того, что может не успеть купить какой-либо товар, и, подстёгиваемый этим состоянием, незамедлительно совершает покупку.

Пример 3. Реклама в магазине женской одежды.

Слоган на этом билборде содержит аллюзию к устойчивому выражению «Try (again) later» (*try* заменили на *cry*) и фактически представляет собой паронимическую аттракцию, суть которой «составляют не смыслы в пределах неизменной клетки лексической формы, а изменяемые смыслы в пределах минимальной звуковой изменчивости» [4]. Таким образом, это не просто игра слов, это игра смыслами: если не купишь сейчас, то потом горько об этом пожалеешь. Лексема *cry*, описывающая изменения в психическом или физическом состоянии человека, входит в состав концепта «страх» и в приведенном примере эффективно применяется маркетологами

с точки зрения манипулятивного воздействия. Как уже отмечалось ранее, страх имеет высокую социальную значимость и способен оказывать влияние на реакцию и действия людей. Стоит отметить, что данная лексема подобрана грамотно вдвойне: учитывая тот факт, что целевая аудитория магазина – женщины, которым согласно распространенному социальному стереотипу свойственно проявление эмоций как ответ на внешние раздражители через слезы, создатели рекламы таргетируют именно эту эмоцию и используют её как активный канал оказания воздействия на женское поведение. Дополнительную прагматическую нагрузку этому рекламному слогану придает цветовое и графическое оформление текста: заглавные буквы контрастного белого цвета на черном фоне создают 3D- эффект для привлечения внимания прохожих.

Социальная реклама как аналог английского public service advertising (PSA) имеет целью оказать влияние на установки людей в отношении тех или иных актуальных социальных вопросов, связанных с проблемами здоровья и благополучия нации, защиты окружающей среды, безопасности дорожного движения, преступности, благополучия семейных отношений, исполнения населением гражданских обязанностей и т.п. Стоит подчеркнуть, что в отличие от коммерческой рекламы, имеющей преимущественно манипулятивный характер, социальная реклама оперирует способами речевого воздействия, которые реализуются в «построении высказывания или текста, использовании определенных лексических, стилистических, синтаксических и иных средств, а также выборе невербальных компонентов (цвет, звук, изображение) для создания определенного мнения адресата о проблеме или социальном явлении» [8, с. 13]. Однако главным инструментом воздействия в рекламных текстах социальной направленности, так же как и в случае коммерческой рекламы, является апелляция к определенным эмоциям, поскольку «идея лишь тогда может дойти до людей, когда она переведена на язык эмоций» [Там же, с. 14]. В контексте шоковой социальной рекламы таргетируются, как правило, страх-ужас и страдание. Рассмотрим пример социальной рекламы о соблюдении скоростного режима [15].

Концепт «страх» репрезентируется в данном случае на всех уровнях, начиная графическим и заканчивая лексическим. Билборд визуально вызывает ощущение ужаса. Череп на темном фоне невольно ассоциируется с болью и горечью потери близких людей. Данное выразительное изображение усиливает эмоциональную нагрузку сообщения: «Hit at 40 mph There is an 80% chance I'll die». Лексемы *hit* и *die*, выражающие причинно-следственную связь в примере, звучат агрессивно, провоцируют страх и выступают тем самым мощным средством воздействия на адресата. Примечательно, что некоторые исследователи заявляют об обратном эффекте чрезмерно пугающей рекламы: человек пытается вытеснить из сознания то, что приносит ему беспокойство и дискомфорт. В этой связи гораздо эффективнее представить реципиенту некую оптимистичную альтернативу, что мы и видим в правой части плаката, содержащей слоган: «Hit at 30 mph There is an 80% chance I'll live». Согласно теории о том, что факты, связанные с положительными эмоциями, «запоминаются примерно в два раза лучше, чем сведения, подкрепленные отрицательными эмоциями» [6, с. 40], стратегия альтернативы призвана закрепить в подсознании информацию о том, что даже незначительное снижение скорости может спасти

жизнь. Контраст «die-live» в приведенном примере представляет технику «креативного переосмысления негатива» [7, с. 45]. С точки зрения воздействующего потенциала стоит отметить, что экспрессия текста слогана выражена имплицитно, т.е. нет прямой манифестации эмоций, отсутствуют знаки препинания, нет восклицательных знаков, вместо этого мы видим абсолютно нейтральный текст, что вступает в некое противоречие с иллюстрацией. Однако это, на наш взгляд, не является недоработкой маркетологов, но, напротив, выглядит как очень эффективный манипулятивный прием, схожий с воздействием гипноза. При этом назидательная тональность передается прямым обращением к целевой аудитории «Hit at...», а статистические данные (There is an 80% chance...) подчеркивают серьезность проблемы и призваны оказать психическое воздействие на вербальном уровне. Графическую функцию зрительного выделения психологически акцентированной информации выполняет фигурное расположение текста на плоскости листа и включение символа дорожного знака с максимально допустимой скоростью.

Отметим, что вопрос об эффективности использования концепта «страх» в рекламном дискурсе считается дискуссионным. Большинство исследователей солидарны во мнении, что страх изменяет эмоциональные и когнитивные реакции людей, побуждая их к определенным действиям [10]. Представлены научные доказательства того, что целевая аудитория больше склонна к запоминанию рекламного контента, апеллирующего именно к негативным эмоциям реципиентов [11]. Но существуют и полярные точки зрения, доказывающие, что апелляция к страху в рекламных компаниях не работает [16]. На наш взгляд, популярное сегодня обращение к шоковой рекламе не всегда является оправданным исключительно из этических соображений, поскольку «некоторые приемы воздействия на зрителя/читателя приводят к нарушению их психоэмоционального баланса и другим негативным последствиям» [9, с. 142]. Однако создатели рекламных текстов в один голос заявляют, что маркетинг, базирующийся на страхе, эффективен и работает в подавляющем большинстве случаев. Внушение страха является

самым лучшим способом привлечения внимания, это объясняется заложенным в нас эволюционным механизмом: люди во что бы то ни стало стремятся избежать чувства боли, и это побуждает их к действию. Согласимся, что «игра на страхе всегда работает лучше, если дает возможность бороться с ним» [12]. Иными словами, ситуация должна вызывать беспокойство у потребителя, чтобы заставить его действовать, и в то же время важно предложить ему способ решения проблемы, который его успокоит.

Ввиду отсутствия единого мнения ученых и практиков относительно функциональной эффективности и воздействующего потенциала маркетинга, основанного на страхе реципиентов, нами был проведен социологический опрос респондентов с учетом возрастного критерия, а также гендерной и лингвокультурной принадлежности. Исследование проводилось на базе Белгородского государственного национального исследовательского университета в институте межкультурной коммуникации и международных отношений (ИМКиМО). Респондентами выступили студенты и сотрудники ИМКиМО, представляющие различные возрастные, гендерные и национальные группы. В качестве экспериментальной методики был применен метод свободного ассоциативного эксперимента, т.е. испытуемым не ставилось никаких ограничений на реакции при демонстрации стимульного материала (карточек с изображением приведенных выше рекламных билбордов). Таким образом, в опросе приняло участие 42 представителя мужского пола и 54 человека женского пола в возрасте от 20 до 67 лет.

При анализе реакций на коммерческую рекламу мы выявили, что 87% участников опроса во время демонстрации рекламных изображений испытывали беспокойство и тревогу, причем молодые девушки (56% от этого числа) заявили о возбуждении интереса и азарта, в то время как представители более старшего поколения говорили именно о тревоге, возникшей от того, что они могут не успеть воспользоваться предлагаемыми специальными предложениями на товары; 5% опрошенных испытывали дискомфорт от слишком активного (по их мнению) навязывания товаров; 8% испытуемых остались ин-

дифферентны. Эксперимент с социальной рекламой оказался более действенным: 96% опрошенных испытали ужас и шок; 4% респондентов отметили «неприятные эмоции», причем эти 4% составили лица мужского пола в возрасте от 20 до 52 лет.

Одной из задач эксперимента было изучение того, как воспринимается концепт «страх» в рекламном дискурсе представителями различных лингвокультур, какие ассоциации и переживания возникают у человека или группы людей, объединенных общим мировоззрением, основанном на этнической общности. В опросе принимали участие носители русского и английского языков. В качестве стимульного материала выступали примеры №2,3 фактического материала настоящего исследования. Эмоциональный компонент в восприятии рекламных макетов обоими лингвокультурами оказался неоднозначным. Анализируя аффективный и конативный аспект реакции респондентов, отметим, что представители английской лингвокультуры проявили наибольшую восприимчивость к маркетинговым уловкам, основанным на апелляции к страху. Это приводит нас к выводу о том, что эмоции определяются культурной спецификой. Интересно, что в ходе опроса российские респонденты констатировали тот факт, что лексическая наполняемость английских слов, репрезентирующих концепт «страх», способствовала меньшему воздействию на их эмоциональное состояние по сравнению с русскими аналогами. Так, большинство российских участников эксперимента отметили, что русское словосочетание «Чёрная пятница» звучит для них более устрашающе, чем «Black Friday», а обозначение скорости «30 (40) mph» в примере социальной рекламы не вызывает особой тревоги или настороженности ввиду того, что для российской реалии 30–40 км/ч – это низкая скорость, не представляющая угрозы для жизни человека. Далекое не все российские респонденты сразу идентифицировали тот факт, что на билборде скорость выражена в милях, и, если перевести это в км/ч, скорость будет довольно высокая. Таким образом, справедливо высказывание О.И. Опариной о том, что «язык изначально задает своим носителям определенную ‘картину мира’, или ‘семантическую

вселенную', причём каждый язык свою» [5, с. 27]. Тем не менее, страх как эмоциональное переживание присущ любому человеку вне зависимости от его языковой принадлежности; различна градация степени интенсивности его проявления.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что реклама, задействующая концепт «страх» достаточно эффективна, особенно в отношении лиц женского пола и представителей старшей возрастной группы людей обоих полов. Показатели критериев эмоциональности у них выше, что доказывает тот факт, что они «более эмоционально возбудимы, обнаруживают более длительное и интенсивное переживание эмоций» [3, с. 66].

Невзирая на различие российской и английской лингвокультуры, рекламный контент, содержащий единицы лексико-семантической группы «страх», оказывает осязаемое воздействие на психоэмоциональное состояние реципиентов и влияет на их поведение. Потенциал средств вербализации концепта «страх» достаточно высок и отличается не только специфической лексикой, синтаксисом, но и графической организацией текста.

Список литературы

1. Зайкина С.В. Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. URL: <https://www.dissercat.com/content/emotsionalnyi-kontsept-strakh-v-angliiskoi-i-russkoi-lingvokulturakhsopostavitelnyiaspekt> (дата обращения: 15.10.2019).
2. Изард Е.К. Эмоции человека. М.: Издательство Московского университета, 1980. 440с. URL: http://www.many-books.org/auth/3949/book/11496/izard_kerrol_e/psihologiya_emotsiy/read (дата обращения: 17.10.2019).
3. Колпакова Л.В. Проявление гендерной специфики эмоциональной сферы личности в языке // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2018. 6(195). С. 62–66.
4. Крылова Н.В. Паронимия в современном английском языке: идиоматические и функциональные аспекты: дис... канд. филол. наук.

- СПб., 1993. 159с. URL: <https://www.dissercat.com/content/lingvisticheskii-status-i-funktionalnye-vozmozhnosti-paronimii-v-sisteme-sovremennogo-angli> (дата обращения: 17.10.2019).
5. Опарина О.И. Страх как лингво-психологическая составляющая языковой картины мира // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 27. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 26–35.
 6. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979. 392 с.
 7. Селиверстов С.Э. Социальная реклама: искусство воздействия словом. Самара: Бахрах-М, 2006. 287 с.
 8. Солодовникова А.Н. Основные способы воздействия в социальной рекламе // Известия Саратовского университета. 2010. Т.10. Сер. Филология. Журналистика, вып.1. С. 13–17.
 9. Тихомирова Л.С., Кыркунова Л.Г., Мялицина И.П. Шоковая реклама как разновидность социальной рекламы // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2016. № 6. С. 138–143.
 10. Brennan L., Binney W. Fear, guilt and shame appeals in social marketing // Journal of business Research, 2010, no 63(2), pp. 140-146.
 11. Dillard J.P., Peck E. Affect and persuasion: Emotional responses to public service announcements // Communication Research, 2000, no 27(4), pp. 461–495.
 12. <https://www.lpgenerator.ru/blog/2017/07/21/kak-rabotaet-strah-v-marketinge-i-kogda-vyhodit-bokom/> (дата обращения: 04.10.2019).
 13. <http://www.media.lpgenerator.ru/uploads/2017/07/25/3.jpg> (дата обращения: 26.09.2019).
 14. <https://www.blackfriday.com/ads/black-friday/amazon> (дата обращения: 26.09.2019).
 15. https://studbooks.net/1522147/marketing/sotsialnaya_reklama_primere_gibdd (дата обращения: 26.09.2019).
 16. Sinha K., Sinha T., Sahdeo S.N. Emotional and Fear Appeal in Advertising is an Effective Approach to Aware Against Air Pollution in Society, 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/321105496_Emotional_and_Fear_Appeal_in_Advertising_is_an_Effective_Approach_to_Aware_against_Air_Pollution_in_Society (дата обращения: 01.11.2019).

References

1. Zaykina S.V. *Emotsional'nyy kontsept «strakh» v angliyskoy i russkoy lingvokul'turakh* [The Emotional Concept “Fear” in the English and Russian Linguistic Cultures]. Volgograd, 2004. <https://www.dissercat.com/content/emotsionalnyi-kontsept-strakh-v-angliiskoi-i-russkoi-lingvokul-turakhsopostavitelni-aspekt>
2. Izard Ye.K. *Emotsii cheloveka* [Human Emotions]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1980. 440 p. http://www.many-books.org/auth/3949/book/11496/izard_kerrol_e/psihologiya_emotsiy/read
3. Kolpakova L.V. *Proyavleniye gendernoy spetsifiki emotsional'noy sfery lichnosti v yazyke* [The Manifestation of the Gender Specificity of the Emotional Sphere of the Personality in the Language]. *Vestnik TG-PU(TSPU Bulletin)*. 2018. 6 (195), pp. 62–66.
4. Krylova N.V. *Paronimiya v sovremennom angliyskom yazyke: idioetnicheskiye i funktsional'nyye aspekty* [Paronymy in Modern English: Idioethnic and Functional Aspects]. SPb., 1993. 159 p. <https://www.dissercat.com/content/lingvisticheskii-status-i-funktsionalnye-vozmozhnosti-paronimii-v-sisteme-sovremennogo-angli>
5. Oparina O.I. Strakh kak lingvo-psikhologicheskaya sostavlyayushchaya yazykovoy kartiny mira [Fear as a Linguistic-Psychological Component of the Linguistic Picture of the World]. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]: Collection of articles. ed. V.V. Krasnykh, A.I. Izotov. Issue 27. M.: MAKSS Press, 2004, pp. 26–35.
6. Reykovskiy Ya. *Eksperimental'naya psikhologiya emotsiy* [Experimental Psychology of Emotions] M.: Progress, 1979. 392 p.
7. Seliverstov S.E. *Sotsial'naya reklama: iskusstvo vozdeystviya slovom* [Social Advertising: the Art of Word Exposure]. Samara: Bahrah-M, 2006. 287 p.
8. Solodovnikova A.N. Osnovnyye sposoby vozdeystviya v sotsial'noy reklame [The Main Methods of Influence in Social Advertising] *Izvestiya Saratovskogo universiteta.T.10. Ser. Filologiya. Zhurnalistika*, no.1 (2010), pp. 13–17.
9. Tikhomirova L.S., Kyrkunova L.G., Myalitsina I.P. Shokovaya reklama kak raznovidnost' sotsial'noy reklamy [Shock Advertising as a Form of

- Social Advertising]. *Vestn. Sev. (Arktich.) feder. un-ta. Ser.: Gumanit. i sots. nauki*, no 6 (2016), pp. 138–143.
10. Brennan L., Binney W. Fear, guilt and shame appeals in social marketing. *Journal of business Research*, no 63(2) (2010), pp. 140–146.
 11. Dillard J.P., Peck E. Affect and persuasion: Emotional responses to public service announcements. *Communication Research*, no 27(4) (2000), pp. 461–495.
 12. <https://lpgenerator.ru/blog/2017/07/21/kak-rabotaet-strah-v-marketinge-i-kogda-vyhodit-bokom/>
 13. <http://media.lpgenerator.ru/uploads/2017/07/25/3.jpg>
 14. <https://blackfriday.com/ads/black-friday/amazon>
 15. https://studbooks.net/1522147/marketing/sotsialnaya_reklama_primere_gibdd
 16. Sinha K, Sinha T., Sahdeo S.N. Emotional and Fear Appeal in Advertising is an Effective Approach to Aware Against Air Pollution in Society, 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/321105496_Emotional_and_Fear_Appeal_in_Advertising_is_an_Effective_Approach_to_Aware_against_Air_Pollution_in_Society

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Воробьева Анна Евгеньевна, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, Белгородская область, 308015,
Российская Федерация
vorobyova@bsu.edu.ru

Федюнина Инна Эдуардовна, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

*ул. Победы, 85, г. Белгород, Белгородская область, 308015,
Российская Федерация
fedyunina@bsu.edu.ru*

Белозерова Марина Сергеевна, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук, доцент
*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, Белгородская область, 308015,
Российская Федерация
belozerova@bsu.edu.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vorobyova Anna Evgenevna, Associate Professor, Ph.D. in Philological Sciences
*Belgorod State University
85, Pobedy St., Belgorod, Belgorodskaya oblast, 308015, Russian Federation
vorobyova@bsu.edu.ru
SPIN-code: 3951-1224
ORCID: 0000-0002-0348-0578
Researcher ID: 0000-0002-0348-0578
Scopus Author ID: 56921937100*

Fedyunina Inna Eduardovna, Associate Professor, Ph.D. in Philological Sciences
*Belgorod State University
85, Pobedy St., Belgorod, Belgorodskaya oblast, 308015, Russian Federation
fedyunina@bsu.edu.ru
SPIN-code: 9289-7672
ORCID: 0000-0001-6163-3088
Researcher ID: AAG-2474-2019
Scopus Author ID: 56872887300*

Belozerova Marina Sergeevna, Associate Professor, Ph.D. in Philo-
logical Sciences

Belgorod State University

*85, Pobedy St., Belgorod, Belgorodskaya oblast, 308015, Russian
Federation*

belozerova@bsu.edu.ru

SPIN-code: 7741-5711

ORCID: 0000-0002-7802-9810

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ
ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

РУССКАЯ И ФРАНЦУЗСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ Максимец С.В., Пудеян Л.А.	14
СВОЕОБРАЗИЕ ОТКРЫТОЙ ЛЕКЦИИ ПИСАТЕЛЯ КАК РАЗНОВИДНОСТИ ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ РИТОВСКИХ ЛЕКЦИЙ Х. МАНТЕЛ) Бондаренко Л.В., Полховская Е.В.	26
СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ПЕСЕННЫХ ДИСКУРСОВ Боровкова Е.Р.	40
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПОСЛОВИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ Браташова Э.В.	54
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ НАРОДНЫХ НАЗВАНИЙ ЗЕРНОБОБОВЫХ КУЛЬТУР Винья-Тальянти Я., Казыдуб Н.Г.	71
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ТЕРМИНЫ В АМЕРИКАНСКОМ И БРИТАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ Грубин И.В., Дмитриева Е.И.	96
МЕЖДОМЕТНАЯ ФУНКЦИЯ ЗООНИМОВ В СОВРЕМЕННОМ РЕЧЕВОМ УПОТРЕБЛЕНИИ Иванищева О.Н., Болгова Е.В.	108

СТРУКТУРНО СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗВАНИЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ БЛЮД Иванова С.Н., Мучкина Е.С., Немчинова Н.В., Селихова С.Г.	119
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ НА МАТЕРИАЛЕ МНОГОТОМНОЙ БАШКИРСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ НА БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ Кабирова Г.У.	134
РАСШИРЕНИЕ СОСТАВА ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКА ЗА СЧЕТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ Лубожева Л.Н.	141
СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ИНТЕРПОЗИТИВНОЙ ПРИДАТОЧНОЙ ЧАСТЬЮ В ТЕКСТАХ МЕДИЦИНСКОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОТОРИНОЛАРИНГОЛОГИИ) Мирзоева В.М., Аксенова Е.Д., Мирзоева Е.З.	151
КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНСТАТИРУЮЩЕЙ ЧАСТИ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЕЙ-ВРАЧЕЙ) Мирзоева В.М., Кузнецова А.А., Витлинская Л.Г., Волович М.И.	161
РЕДУПЛИКАТИВНЫЕ ФОРМЫ ОСЕТИНСКОГО ГЛАГОЛА В АСПЕКТЕ КОНТЕКСТНОЙ СЕМАНТИКИ Моргоева Л.Б.	175
ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОЖИДАНИЙ И ПРАВИЛ «ФЕМИННОСТИ» И «МАСКУЛИННОСТИ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОДРОСТКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ КОРПУСОВ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ) Ненашева Ю.А., Седярова О.М., Соловьева Н.С.	194

ИРОНИЯ – СТАТУСНЫЙ СИМВОЛ ВЫСШИХ КЛАССОВ АНГЛИИ Тисленкова И.А., Глебова Е.А., Бганцева И.В., Ионкина Е.Ю.	227
ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА АНГЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА Фахрутдинова М.Т.	247
ЛЕКСИКА ГОСТЕПРИИМСТВА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА Чирич И.В., Штукарева Е.Б.	255
СРЕДСТВА СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПРЕССИИ В ПОЭТИКЕ РОМАНА Т. ЯУДА «ПОЛНЫЙ ИДИОТ» Кравченко В.И., Марченко С.Е.	268
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В IV–X ВВ. Разумова Л.В.	279
ПОРЯДОК СЛОВ КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ НЕМЕЦКИХ ПОЭТОВ-РОМАНТИКОВ Чайко Н.Н.	288
ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР ЗАГОЛОВКОВ НОВОСТНОГО РЕПОРТАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ РЕПОРТЕР») Косякова Я.С., Колмакова В.В.	300
GAGASNAT КАК ОДНА ИЗ КОММУНИКАТИВНЫХ ФОРМ СЕТЕВОГО ФОЛЬКЛОРА НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ИНСТАГРАМ-АККАУНТА ЛЕДИ ГАГИ Юхмина Е.А., Обвинцева Н.В.	318

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СТРАХ» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ
РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ**

Воробьева А.Е., Федюнина И.Э., Белозерова М.С. 333

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 351

CONTENTS

LANGUAGE STUDIES

RUSSIAN AND FRENCH PHRASEOLOGY: AXIOLOGICAL ASPECT Maximets S.V., Pudeyan L.A.	14
SPECIFICS OF THE WRITER'S OPEN LECTURE AS AN EXAMPLE OF PUBLIC DISCOURSE (BASED ON THE MATERIAL OF REITH LECTURES BY H. MANTEL) Bondarenko L.V., Polhovskaja E.V.	26
SYNTACTIC FEATURES OF THE ENGLISH AND GERMAN LANGUAGE SONG DISCOURSES Borovkova E.R.	40
LINGUISTIC AND CULTURAL SPECIFIC FEATURES OF ENGLISH AND RUSSIAN ZOONYM PROVERBS Bratashova E.V.	54
A TERMINOLOGICAL ANALYSIS OF THE ENGLISH VERNACULAR NAMES FOR LEGUMINOUS CROPS Vigna-Taglianti J., Kazydub N.G.	71
RAILWAY TERMS IN AMERICAN AND BRITISH ENGLISH Grubin I.V., Dmitrieva E.I.	96
INTERJECTION FUNCTION OF ZOONIMES IN THE MODERN SPEECH USAGE Ivanishcheva O.N., Bolgova E.V.	108

STRUCTURAL SEMANTIC FEATURES
OF THE NAMES OF ENGLISH DISHES

**Ivanova S.N., Muchkina E.S., Nemchinova N.V.,
Selikhova S.G.** 119

TOPICAL ISSUES OF TRANSLATING SCIENTIFIC
AND TECHNICAL TERMS AS BASED ON THE MATERIAL
OF THE MULTIVOLUME BASHKIR ENCYCLOPEDIA

Kabirova G.U. 134

EXPANSION OF THE COMMON LANGUAGE DUE
TO THE PROFESSIONAL VOCABULARY

Lubozheva L.N. 141

COMPLEX SUBJECT SENTENCES
WITH INTERPOSITIVE SUBORDINATE CLAUSE
IN MEDICAL TEXTS (BASED ON OTORHINOLARYNGOLOGY)

Mirzoeva V.M., Axenova E.D., Mirzoeva E.Z. 151

CONSTRUCTIVE FEATURES OF THE ASCERTAINING
PART OF COMPARATIVE CONSTRUCTIONS (BASED
ON WRITERS-DOCTORS' LITERARY WORKS)

**Mirzoeva V.M., Kuznetsova A.A., Vitlinskaya L.G.,
Volovich M.I.** 161

REDUPLICATIVE FORMS OF THE OSSETIAN VERB
IN THE ASPECT OF CONTEXTUAL SEMANTICS

Morgoeva L.B. 175

SOCIAL RULES AND EXPECTATIONS FOR FEMININITY/
MASCULINITY AS REPRESENTED IN YOUNG ADULT
LITERATURE (ON PARALLEL CORPORA TEXT ANALYSIS)

Nenasheva I.A., Sedliarova O.M., Solovyeva N.S. 194

IRONY – THE STATUS SYMBOL OF UPPER CLASSES IN ENGLAND

Tislenkova I.A., Glebova E.A., Bgantseva I.V., Ionkina E.Yu. 227

ANGLIFICATION SPECIFICS OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE Fakhrutdinova M.T.	247
HOSPITALITY VOCABULARY IN THE RUSSIAN LINGUISTIC WORLD IMAGE Chirich I.V., Shtukareva E.B.	255
EXPRESSIVE STYLISTIC MEANS IN THE POETICS OF TOMMY JAUD'S NOVEL VOLLIDIOT Kravchenko V.I., Marchenko S.E.	268
FUNCTIONAL FEATURES OF THE LATIN LANGUAGE IN WESTERN EUROPE IN THE IV–X CENTURIES Razumova L.V.	279
WORD ORDER AS AN EXPRESSIVE STYLISTIC MEANS IN THE POETIC LANGUAGE OF GERMAN ROMANTIC POETS Chaiko N.N.	288
MULTIFUNCTIONALITY OF SYNTACTIC STRUCTURES OF THE NEWS REPORT HEADLINES (ON THE RUSSKIJ REPORTER MATERIAL) Kosyakova Y.S., Kolmakova V.V.	300
GAGACHAT AS ONE OF THE COMMUNICATIVE FORMS OF NETWORK FOLKLORE ON THE EXAMPLE OF LADY GAGA'S INSTAGRAM ACCOUNT Yukhmina E.A., Obvintseva N.V.	318
REPRESENTATION OF THE CONCEPT "FEAR" IN THE ENGLISH ADVERTISESE Vorobyova A.E., Fedyunina I.E., Belozerova M.S.	333
RULES FOR AUTHORS	351

Подписано в печать 30.12.2019. Дата выхода в свет 30.12.2019. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 25,93. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP115/019. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.